Сергей
Огольцов
Хулиганский
роман
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Сергей Николаевич Огольцов

Хулиганский Роман (в одном, охренеть каком длинном письме про совсем краткую жизнь), или … а так и текём тут себе, да…

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23806553
SelfPub; 2025

Аннотация

…обличение, исповедь, поэма, основной персонаж которых минует множество форм – от несмышлёного младенца до мужика в расцвете сил – чтобы годы спустя поведать своей незнакомой дочери пронзительно горькую, порою до слёз смешную правду, одну только правду и ничего, кроме правды, о самой прекрасной эпохе с момента сотворения мира…

В оформлении обложки использованы фрагменты работ мексиканской художницы М. Рыжковой.

Содержание

Предисловие, на всякий 5
~ ~ ~ Письмена по бересте 15
~ ~ ~ Истоки 64
~ ~ ~ Детство 91
~ ~ ~ Отроческие заморочки 388
Конец ознакомительного фрагмента. 469

Сергей Огольцов
Хулиганский Роман (в одном, охренеть каком длинном письме про совсем краткую жизнь), или …а так и текём тут себе, да…

(copyright) Sehrguey Ogoltsof 2025
Smashwords Edition

Светлой памяти А. Плаксина
(27 лет переписки ручками по бумаге
сделали нас другом, товарищем,
братом друг другу
Свидимся, Саша,
сам знайиш)

Предисловие, на всякий

§ 1. пояснения + извинения

Ага, пробовал, таить не стану,– раскрылиться и, с разгону, воспарить, как планер авиамодельный, в свободный полёт фантазии, но всякий раз—хрясь!—вынужденная, блин, посадка… Обидно ведь, ну да и больно тоже…

А когда если вдруг начну, чтоб чего-нибудь, ну, присочинить, как бы, так вообще на́ уши и близко не налазит… При таких делах, выбирать не ахти как широко получается. Вот и осталось мне: говорить правду или одну только правду, или ничего кроме правды. То есть, шаг влево или шаг вправо из смирительной рубашки пережитого на собственной шкуре – пресекается на корню.

Как ни крути, а огорчительное получается ограничение и, главное,– усыхает всякая робкая надежда примазаться к счастливчиками, что за шедевром шедевр конвейерным, буквально, образом вышмякивают: хоть фэнтези, хоть историю любви пары выпаданцев, хоть про долю воровскую, да и всё триллерно ж так, фантасто-боевично, ну, а где надо, то и поддетективят, для волнительности, самым что ни на есть бестселлерным макаром…

Тяжко взирать, когда у них всё на мази, а ты оказался рождённым ползать, тем более что ни у одного воздушного змея на тебя грузоподъёмности не хватит.

Ну так вот, чтоб они, пернатые, знали: не повывелась ещё нищета, у которой гонора – валом! Даже самым раскрученным бестселлеропи́сцам, вот прям отсюда, из своей приземлённо ползучей позиции ниже уровня моря, открыто заявляю: хоть как юлите, а не всё вам по плечу!

(+) Допустим по воде ходить – слабо́? Ха! – нечем крыть! А и уж тем более сквозь стены… Вот в чём вы мастаки, так это кровь сосать у посторонних. В самых, **извините**, неадекватных местах, с точки зрения санитарных условий.

Хронически сумеречный дилетантизм на ленте конвейера… Хотя, что с них брать? Чем бы дитятко ни тешилось, лишь бы на таблетки не подсело.

§ 2. структура + текстура + содержание

Беря исток в своём пусть, если честно, длинноватом, однако всеобъемлющем названии, роман струится через текущее *Предисловие, на всякий*, а там уже и до *Эпиграфа* – рукой подать (краткий получился, но по сути). И уже после этих «Геркулесовых Столбов» (оба курсивом выделены, для делающих первые шаги в начатках беллетристики), повествование разливается в 4 книги из 14 частей, по волнам 250 глав, если начинать отсчёт сверху, иерархически.

Шестое-с-половиной чувство мне подсказывает, что кое-какие струи общего потока способны заводить в сомнение: а не чересчур ли загнуто автором в посулах беспрерывной правды и ничего помимо?

Свободу мнений ещё никто не отменял, но и не лишне бу-

дет напомнить скоропалительно неискушённым торопыгам: тут не рысистые бега, чтоб, с места в карьер, газовать с выводами. Вам что-нибудь известно о возложенной на меня миссии? А? Вот то-то же!

Ладно, томить не стану, скажу напрямик: миссия не простая, а самовозложённая и заключается в достоверном воссоздании правды жизни. И тут без вариантов.

Хотя, конечно, не каждой правде достаются тёплые объятия и поцелуи в обе щёчки… Увы-с! всегда кто-то да вскинет плечи, взвоет: «И он собрался это впарить МНЕ?! Во – борзо́й!»

Мой кротко-сострадательный совет скептику подобного пошиба – отложи *Хулиганский Роман,* покуда и тебе (Бог милостив) дойдёт, что правда запросто такую может невероятность отчебучить, что не всякий Барон Мюнхаузен прочхается. А если эта, смиренно изложенная, истина кому-то ещё не раскрыла глаз, то остаётся только позавидовать блаженному неведению долбодона…

(+) Произведение представлено в стиле упрощённо-блочного формата, которым и поданы абзацы 250 глав (в 14 частях, 4 книг), с намерением придать процессу чтения привлекательную лёгкость.

Порою попадаются пассажи с более глубоким вертикальным выравниванием, которые начинаются с «(…» , а заканчиваются на «…)», например:

(…такое форматирование – явный признак пребывания

в подстраничном примечании, которое, однако, притянуто повыше – в текст, чтобы сопроводить его попутным комментарием либо внезапной мыслью, избавляя от необходимости прядать взглядом под страницу, а потом отыскивать: с какой строки туда скакал?.

Правда же, клёво, братан бот? А то! Всё по-уму…)

Цитаты подаются отдельной строкой, выделяясь офсетом, курсивом и жирностью шрифта, вот так:

“ Блистай! Сверкай! Ты! Чокнутый Алмаз!

И (в завершение техминимальных пояснения), по ходу части № 6, к тексту приложена иллюстрация, единственная на всю книгу (что значит эргономичный подход!), назначение которой – подтвердить, что, да, тут вам не потуга на сценарий сериально-анимэшного блокбастера, а всё взаправду, невзирая даже на невыполнимость миссии. Хотя ещё поглядим…

(+) Изящество структуры (250::14::4) и основательность базиса (правда, как она есть, в дистиллированном виде) возбудили естественное стремление натянуть полотно не меньшей воздушности, которую и покрыть не менее изощрённым образом, в лучших традициях прекраснословесного мастерства.

Задача не из простых. Но будьте уверены, тут никому не грозят колдобобины нервически вздрюченных штрихов, ни кляксо-росплески учерпнутые в кильватере психоделического творчества, (на полстолетия проспали? С кем не быва-

ет!) .

Нетути!.. Я/мы/наши завсегда стояли за незатейливость приспособ и простоту рычажных передач. В том смысле, что здесь читателю не нужно расширять своё сознание дозой той или иной модной хрени, чтобы выпуклей въезжалось в лихие выкрутасы, причудливую переменчивость и мозгодёрные коленца многоспектрального изложения на плотно сложенном листочке, что тоже в коробочке оказался…

Да, *Хулиганский Роман* повествуется от первого лица. Нет, он не гимн Мне-Са́мому-Пресáмому-и-Просто-таки-Несравненному-Мне.

Нарцистичной автопортретичности не предвидится. Что? Вот эта наглая тупая сволочь, это – я?! Увы, но нет, что было, то сплы́ло. Мне уж и самому пришлось завязать с овациями в личный адрес.

По сути, здесь предлагается поперечный срез целого поколения. Полотно с «Ночным Дозором» за отчётный (в романе) период. Просто краски не успели ещё потемнеть в групповом портрете самой захватывающей, бесподобной, блистательной и непостижимо магической эпохи из всех, истекших с момента изначального Творения.

Ничто не вечно, и сейчас, удерживаясь от горьких междометия, я наблюдаю наш героический период в небрежной упаковке, с нашлёпкой из пары ярлыков (крест-накрест: «застой»><«перестройка») уже придвинутым на самый краешек бездны с наклейкой «Прошлое» над входом. Одна-

ко сквозь все ярлычки-бечёвки-упаковки, торчком стоит неоспоримый факт: за всю историю человечества не случалось времён подобных тому, в котором так наивно молоды мы были.

§ 3. стиль + язык + возрастные ограничения

Бесспорно, любое поколение наслаждается либо же мыкается через доставшуюся им молодость. Она – неизбежна.

Однако, не всякому взбредёт на ум воздвигнуть эпистолярную стеллу, дабы надлежаще отметить мимолётный факт.

(…предупрежу, на всякий, тех, кто пока не знает (да знаю я, что таких тут нет, и это просто фигура речи такая, для вежливости), эпистолярный означает «сделанный из писем». Так уж сложилось, по традиции, что 250 на 14 на 4 – это всего-навсего одно-единственное письмо с конкретным, кстати, адресатом…)

Рассматриваемое *Предисловием, на всякий* сооружение воздвигнуто в стиле… хм… как же его окрестить, чтобы подоходчивее?

Ладно, стиль, нарекаю тебя *стилем Оборзелого Реализма*, раз уж тут балом правит Тётя Голая-Правда, которой абсолютно на… на все писаные, а и даже потайные законы…

Отличительной чертой *Оборзелого Реализма* является благородная сдержанность в выборе средств, доводя, тем самым, своё благородство до полного беспредела. Всё тут настолько кристально ясно, что нет нужды пристраиваться в

какую-либо онлайн кодлу для синхронно-совместного пережёвывания – по куску в неделю,– дабы дохрумкаться до смака, который автор наподразумевал своим эсотерично-хрящеватым варевом, и коллективно сунуть нос под кастрюльные крышки в его творческой кухне…

Нет, здесь – диаметрально не тот случай. Во-1-х, надо ведь сперва умереть, чтоб тебе выпала такая честь в сети. Да и то, если (во-2-х) правильный Немец подвернётся. Навроде того, что раскопал Шекспира и успешно раскрутил ему рекламу, без которой тот и по сей день бы оставался вне подозрений.

И прошу заметить, что Рекламист явился-таки 200 спустя, хотя благополучно усопший Вилли просил (даже своим надгробьем!) его не беспокоить.

Все смекнули, а? Кому в наши дни по зубам чтение на языке с 300-летним сроком давности? То-то и оно! А виртуальные умники тут как тут, и – пошёл сбор отар в чатах…

Но пока мы с вами живы-здоровы (это в-3-х), я постарался упростить процесс чтения до старого доброго Сделай-Сам.

(+) Признаю́сь добровольно, что бдительных страстотерпцев и борцов ратующих за стерилизацию языка, неизбежно взъерепенит (уж это как пить дать) присутствие в *Хулиганском Романе* вполне устоявшихся выражения ненормативной лексики.

Но с моей, гуманной, стороны, чистюли – тоже люди, их тоже жалко, и я б за их команду грёб, да миссия не пускает, не позволительно мне искажать истину. В правдивом отра-

жении жизни обиходных слов не избежать. Жизнь, какой она есть, не укладывается в рамки детского кино. Поэтому настоятельно прошу всех, не достигших возраста 18 лет, незамедлительно прекратить дальнейшее чтение.

Последний раз предупреждаю – ТЫ ЭТО КОНЧАЙ, ПАЦАН! БРОСЬ, ГОВОРЮ! – а не то поздно будет.

§ 4. технические замечания + заслуженная похвала

Письма не принято разбивать на части или главы, подобная практика может вызвать у адресата неправильные ассоциации. Письма просто длятся и длятся, до самого своего конца.

Однако лишить Читателя маршрутных вех и компаса посреди сотен и сотен страниц в любом направлении, бросить его без путеводной звезды даже и в ясную погоду, не только смахивает на садизм, но садизмом же и нахлёстывает.

На такое я никогда не подписывался, так что за этим не ко мне, если кто понял…

(+) Переполняясь, как всякий джентльмен-самородок, сочувствием касаемо братанов и сестёрок из подвида двуногих, млекопитающих, прямоходящих, которые заявляют себя *разумными*, я их не только пожалел, но и добавил *Оглавление*. Филантропически.

Это же – аxx-уеть, до чего я весь из себя гуманный!..

§ 5. изъявление признательности + правовая оговорка

Я благодарен всем, чьи имена помянуты в романе, а так же тем, кого там нет (вас неизмеримо больше, и ваша заслуга в

том, что *Хулиганский Роман* был всё-таки написан, не менее существенна).

А твоё, Дорогой Читатель, достижение данной строки – вообще бесценно. Потому что всякая книга производится бригадой из двух (всего!) участников: читателя и автора. Спасибо, твоё сотрудничество для меня (тут уже всерьёз, святыми вещами не шутят) – большая честь.

Ну вот и подошли мы к раздорожью, где каждый решает за себя: завернуть обратно – к привычно повседневным трудам и радостям, проблемам и наградам за успешное их решение, к заслуженным оттягами по полной (в русле пристойности, как и подобает трезвомыслящим членам добропорядочных ячеек общества), а это (чисто между нами, как кореш корешу из одной бригады), возможно, самый верный курс, ведь кто его знает, насколько опасны стремнины, коварны водовороты, неистовы шквалы там, впереди – либо таки продолжить греблю мимо буя, зыбью болтаемого, мимо уже почти истёкшего *Предисловия, на всякий*, и – дальше…

Тпру! Ничего себе толкнул речугу! Имею право дух перевести, а ты тем временем прикинь, взвесь неторопливо…

(+) А если уж совсем начистоту, оно неважно даже, как ляжет зернь – «за» или «против» – в любом случае, на меня пенять не замахуйся, тут, вона, правовая оговорочка присобачена:

* *Да хоть куда сворачивай, но прежним тебе уже не стать* *

2024-02-22

~ ~ ~ ~ ~ ~ ~

эпиграф:

оно – конечно,
хотя шо ж,
а чуть шо, так – сразу,
и – ага!..

Владимир Шерудило

~ ~ ~ Письмена по бересте

…*Варанда*…

…случайная пригоршня звуков…

…как, впрочем, и всякое имя…

…пока не втянешься вкладывать смысл…

Варанда!

Упорно твердит свой смысл река нестройно клокочущим рыком воды, что рвётся промеж, а местами поверх громадистых валунов: позагораживали, бестолочь, дорогу!

Хлещет поток в крутолобую тупость, или это затылки такие? Не разбери-пойми. По любому, тут без толку бесноваться, – к ним и по темени не достучишься.

Ух! А там как взбесилась! Брызжет плевками, клочьями пены в их каменное равнодушие, и – плещет прочь… Однако неизменно остаётся здесь и сейчас. Прикована к ним узница Варанда, вместе с глубью её неудержимых вод, рванувших в побег из ниоткуда в никуда.

Под гул и рычание, тупо бьёт, ни в такт ни в лад, не та так другая булыжина в подводный тамтам – дно утонувшего русла…

И давно её так харапудит, Док?.. Смело чиркай птичку в графе «вечность плюс», – не промахнёшься, тут и думать нечего…

«Рождались державы и расы, и исчезали бесследно…», –

втолковывал мудрый Абу-Лала тормознутым верблюдам своего каравана, а река, как и прежде, – до всех рас, держав, и верблюдов, не пишущих конспект лекций, текла на этом же месте через века, эпохи, эры, от своего истока в начале всех времён…

Такова повадка горных рек – они почти не меняются, в отличие от своих имён. Смело ставь на кон свою лошадь с телегой и зипун впридачу, что охотники Века Каменного эту воду другими созвучьями метили, потому что всё течёт, всё изменяется, включая и модные погоняла…

Однако прикинь: какая прорва беспаспортных, неучтённых приблуд промелькнула – ватагами и по одиночке – вдоль геотектоники её берегов!

Вывод настолько очевиден, что вопрос «кто переменчивее извечная речка Варанда или шатия праздных шатунов?» отваливается сам собой…

И вот очередной бродяга из бесконечной серии, – не первый, не последний – я нарисовался возле её неизменного потока.

…ну, ты ващще мастак побалаболить, брат, нащот вовсе ни про шо… ну дак пока ты в теме, може выдашь, для повышения верблюдо-посещаемости, про эту «я», шо токо шо тут светанулась, а?

Мелкий выплеск, довольно обезвоженный, а в данную минуту ещё и обездвижен… валяюсь тут, распят поперёк старой доброй дырищи от Джимми Джойса, куда неудержимо

валит предстоящее, чтобы стать прошлым, – прохлаждаюсь поверх трубопровода от несмышлёныша с неутёртым носом до ворчуна-старпера, объединяет же эту пару конечных точек одна и та же, связующая – «я».

…и я! и я!. ты шо? Забыл, што ли?. я ж тоже ведь где-то промеж них, по ходу нашего совместного пути от пацанёнка к старцу… ну да, я тоже щас торчу на бережку, вместе с тобой и с J J-дыркой, однако неотступно продвигаюсь к нашей великой общей цели…

“ O, water! We be of one blood!

…опаньки!.. а это ещё что такое? – вот это, что только что тут было… проветриваешь рухлядь из котомки начотчика-офени?.. типа, такой сильно ликбезно грамотный, да?.. так чтоб ты знал, – при нонешнем раскладе глобальной конъюнктуры, разве шо совсем ленивый панда не осилит чёво-бнито, хоть малу хрень, а таки выдать с а́глицким прононсом… так шо не́фиг, раз нам по́фиг, и поменьше вымахуй тут цитатами мутного происхождения… и кому они ващще упали на хоть шо-нибудь, в такое время суток?..

Да, время в нашем сходняке на бережку самый ленивый котяра, похоже, даже в дрёму впал под боком у моей одноместной. Сумеркам вокруг палатки ещё придётся попотеть, пока сползуться для сгущения в ночную темень.

…точняк, братан, прогноз твой верняковый… вот и скоротай ползучих бледнолицых, чтобы счернели… срасходуй их на што-то пополезней, а?.. хотя бы письмецо дочери со-

ставить, ведь обещал же… слово не воробей, сам знайиш… а тем боле, шо всё равно не выйдет заснуть в такую рань… только язык-то не распускай особо, следи культуру выражений, партнёр… и не забуривайся ты в эти грёбаные цитаты, лады́?.

. .. .

Здравствуй, Лиляна,

(…звучит ласкательнее, чем «Варанда», а?.

…заткнись, и дело делай…)

похоже, я таки начал письмо, обещанное тебе при нашей встрече в Киеве… Зачем? Взгромоздить ворох запоздалых объяснений, смягчающих обстоятельств, алиби, что подтвердят мою полную кристально пушистую невиновность? А толку-то что? Доказывать бесполезно, переделывать поздно…

Но давши слово – держись и пыжься типа реального мачо…

Как ни плющило меня твоё корректное «выканье», как ни отхлёстывал официозный протокол: «Да, конечно, Сергей Николаевич…»—«Нет, не совсем, Сергей Николаевич…»

Как ни… Чёрт! Как же они меня сделали, эти блюдущие дистанцию «вич-вич-вичи»!

Но я сносил порку не моргнув и глазом, как подобает настоящему мужчине, который умел строить непроницаемую рожу, блефуя в преферанс… когда-то… давным-давно.

Непросто сказать «папа» незнакомцу, выплеснутому вол-

ной цифрового Интернет-Океана. А тем более когда тот и близко не схож с фоткой ухаря в мамином альбоме… Какой-то непонятный мужик, борода висит седая…

Ничего общего с придуманным тобою папой, которого так не хватало в детстве! Тебе бы того папу, а не этого старпера. Тоже мне родитель!

Так что, наше прощальное объятие на перроне ты стерпела – для женщины под тридцать, без проблем, но – и только…

Лёд трещины не дал, ни на микрон не подалась броня легированной отчуждённости, сады не распустились буйным цветом, не разлились в них трели скворцов, дроздов, щеглов, синиц, овсянок, свиристелей, пеночек и прочих чижиков-пичужек… Не слился орнитологический хорал пернатых в общий ликующий аккорд с фанфарами Хэппи-Энда…

Мужик, оставшийся тебе чужим, снял свои руки с твоих плеч, и я дал слово написать письмо.

Так мы расстались, пара незнакомцев, чужие, посторонние друг другу, не меньше чем остальному киевскому Вокзалу Поездов Дальнего Следования…

Однако мне, из нас двоих, повезло крупнее, по давней устоявшейся привычке, извини… А просто ещё и потому, что в моей жизни тебя оказалось куда больше, чем меня в твоей…

Например, я секундально, без малейшей подготовки могу припомнить, как ты лягнула меня пяткой в нос, проворачи-

ваясь в животе своей матери…

Могу расставить руки как в тот раз, вокруг того стерильно-белого кокона в моей охапке, с которым топал из роддома, а ты спала в нём всю дорогу. Совсем неслышно…

И у меня есть видеозапись, не на диске, а где-то там, в уме, от которой всякий раз улыбаюсь, незаметно, не знаю сам: чему, кому, зачем… Ты – в новогоднем хороводе. Все взялись за руки, шагаете старательно, всерьёз…

Всех красивей среди однолеток – ты… Гладкая стрижка пепельных волос чуть-чуть не достаёт до плеч, чёрный шёлковый жилетик простеган ромбиками, колготки красной шерсти, и чёрные валенки, до чего же крохотные…

Упс! На этом месте всегда вздрагиваю: валенок запнулся… нет, – удержалась, идёшь дальше, в общей детсадовской цепочке…

А ещё помню тишь безлюдных воскресений. На игровой площадке – ни души, но садик уже другой, тоже по соседству… такой странно пустой по выходным.

Туда мы приходили ради качели из труб в жёлтой окраске… Раскачавшись до определённой вышины, она начинала вскрикивать пронзающей – железом по железу – нотой, что прорезала тишину, разлёгшуюся на жёлтом слое хрупких листьев под ногами. Горькая, как стоны чаек, нота надрывала душу…

Потому что папа к тебе приезжал только на выходные…

По будням твоя жизнь текла без папы, я был далеко – за-

пахивал, как натуральный папа Карло, в СМП-615, на той или иной стройке в соседней области.

Хотя разница нет: соседняя область, другая планета, тот свет… Если не рядом, значит – нет папы, выпахивает где-то – слишком далеко – квартиру для молодой семьи, чтобы зажить своим домком-ладком…

Чего, однако, не случилось. Я не спроворил. Не успел скопить запас дистанции достаточный, чтоб увернуться, уйти в отрыв.

Поэтому он меня настиг – дорожный каток шёпота, шуршащего из кромешной тьмы. Он грянул, прохрустел по мне в ту выходную ночь, в узкой, словно коридор, спальне, которую твои дедуля-бабушка выделили, в своей трёхкомнатной квартире, для нашей начинающей семьи…

Костолом крошил меня неторопливо, плющил паузами с той стороны, где на супружеском, выделенном старшим поколением ложе, возлежала моя молодая жена и шелестала в темноту…

Она лежала совсем близко, бок о бок, но бесповоротно далеко, недосягаемо отделена парой дней до выходных, когда «один её знакомый» позвал мою любимую кататься, на его «Волге Газ-24».

Увёз далеко, – за город… Аж в Заячьи Сосны, на Московской трассе, с которой съехал и припарковался за толстыми стволами…

Он перегнулся к ней и расстегнул, над её коленками, двер-

цу «бардачка», достал шампанское… лёгкая музычка лилась из радио в приборной доске… снял, под её мерцание фольгу с пробки…

Она пригубила совсем чуть-чуть, немножко, и сказала с грустью: «Отвези меня домой, пожалуйста». И он послушно завёл мотор…

Отчитавшись о верности моей целомудренной жены, шёпот иссяк.

В ушах плыл размеренно-заупокойный гул колокола, что звонил по мне – пригвождённому, расплющенному по одолжённо-супружескому ложу невыносимым грузом стен, скатившихся на меня немой лавиной.

Однако кто-то выжил в катастрофе, о том свидетельствовал тихий отзвук сонного посапывания из твоей кроватки в дальнем углу тесной спальни…

В составе воздуха заметно изменялась плотность, он стал вдруг непонятно вязким. Каждый вдох отдавал привкусом несвежего жира. Жёсткий обруч охватил сердце неодолимой хваткой, и сжимал всё крепче…

Чтобы не лопнуть, противостоять растущему напору, ему пришлось обернуться кремнем…

И только тьма, чёрная тьма осталась на моей стороне, сочувственно пряча под своим пологом ту, холодную как лёд, слезинку, что вдруг сама собой – без предупрежденья – выкатилась, из уголка глаза и бесшумно, с невыносимой медленностью проползла по виску, чтоб затеряться в корнях во-

лос… последняя слеза моей жизни…

В дальнейшем, проложенную ею тропку углубили морщины, взбороздившие кожу виска, но слёз уж не бывало ни в одном глазу, никогда, ни в каком направлении. Ну, разве кроме тех, что выжимаются ветрами, однако такие не в счёт…

(…о-ё-ёй! а чё-эт ты тут вродь как закручинился до взрыдов?.. разнюнился над прахом рухнувших надежд?.. сгреби за шкирки хлюпика да и размажь по наковальне его же собственного сердца!.. ишь прыткое какое!.. прям сей-секунд закаменеть оно успело…

…будь мужиком, кореш… ищи утешения в простых истинах… простота! – она те с чего хошь верняк смастырит, по полной… а истина на твои розовые нюни (я тут не при делах, ты сам напросился) как раз в том, шо хоть ты перервись на той стройке, хоть огребай там через каждый божий день нокаут солнечным ударом, а в остальные дни, для контраста, обморожения кожного покрова – да хоть там шо, но фиг ты сможешь отменить тот следующий раз, когда она не скажет «давай не будем», а станет приспосабливаться в интерьерные детали салона «Волга Газ-24»…

…а или вот тебе другая истина – неоспоримая из-за простоты: как ни цепляйся за воспоминания прошедших радостей, их не веротишь, но стоит малость зацепить давнишнюю болячку и боль – тобою побеждённая, давным-давно отпетая, зарытая, забытая – вдруг жалит вновь… ты ж полюбуйся, как она тя колбасит! даже тут, за тыщщи вёрст от спальни

всмятку, после мильёнов повторенья передачи эстафетной палочки «Я» от одного «я» к следующему…

…слушай сюда, шо я те скажу, мой милый «я»… почаще б ты клин клином вышибал… простая истина тебя жиганула?.. ну тогда вмажь ей не менее простым клином широкого подхода, усёк?.. берёшь и просто заменяешь «я» на «мы»…

…ведь мы же ж кто такие?.. припудренно-подбритый, или же взъерошенно-щетинистый (смотря какой банкует тренд в текущей моде) кодляк приматов… тут, среди нас, любой и каждый позвоночный подлежит законам общим для всей стаи… косить на незнание кодекса – бесполезно, этим не отмажешься от применения к тебе статьи, по полной, где предусмотрено деяние, сам знайиш… приговор тебе не по кайфу? подай на эпиляцию! А дальше сопи в две дырки, и молча срок мотай, покуда не заучишь, как это слово пишется в инстанциях…

…я чётко утешаю, а?.. теперь берёшь и, аккуратненько так, сматываешь свои сентиментальные сопли на кулак, а после ждёшь – авось рассосается мозженье в яйцах…

…заткнись, мэн!. такие рэпы не для нежных женских ушек… хмм… похоже, заново придётся начинать…)

. .. .

Здравствуй, доченька

Нашей встрече живьём не хватило разгона, чтоб я успел убедить тебя в ненужности официального «Вы», но откликаться тем же, чем аукнулось, не то чтобы не желаю, а

как-то не получается. Слишком уж я привык обращаться к тебе на «ты».

Когда-то, очень давно, фамильярничал вслух, затем (и довольно длительно) говорил тебе «ты» в уме.

Прикинуться холодным снобом труда не составляет, но только не с тобой, тут «Выкать» язык отказывается. Ты уж прости такую вольность или привычку, или сам не знаю что…

Ну, да и ладно… Однако – к делу…

Позавчера, далеко за полдень, исполняя план, который подробно излагал тебе в прошлом имейле, я посетил окрестности покинутой деревни Схторашен, с визитом к древнейшему из жителей Нагорного Карабаха – Платану из семейства Платановых.

Говорят, ахсакалу за 2000 лет уже перевалило. Правда, никто не берётся сказать, когда именно это случилось, а сам он, похоже, не помнит, куда запроторил своё Свидетельство о Рождении.

Жара стояла августовская, подъём, хотя не по камням, а по плотно уезженной грунтовке, довольно-таки крутёхонек и, задолго до обнаружения дендро-великана, взгляд перешёл в режим самовольных скачков – вперёд и вверх: ну когда же, когда покажется родник?.. Его мне обещали все из посещавших это место.

Источники питьевой воды тут обустраивают одинаково – каменная стенка (в рост человека) кладётся поперёк скло-

на, ограждая корыто из серых тёсаных плит, тоже каменных. Ширина ёмкости около полуметра (конь, а даже и буйвол, при питье, свободно опускают морду внутрь), длина же до 5-6 метров, из расчёта, что жаждущий заявится не один, а в компании.

Воды в корыте – по колено. В правом конце заградительной стенки, под прямым углом с нею, кладётся ещё одна, короткая, не шире корыта.

Из стенной плоскости торчит обрезок железной трубы, а из него журчит прохладная струя, ниспадая в каменную чашу, вмурованную чуть ниже обрезка, на случай если ты пришёл без кружки.

Наполнив чашу, вода переливается в корыто для скота и прочей живой природы, хотя днём дикие не появляются. А уже из корыта, избыток изливается через дальний край его, в самом конце, и – течёт под уклон ручейком, который сам выбирает курс поворотов…

Однако источник рядом с долгожителем, тёк, вопреки привычной схеме, в обратном направлении – слева направо!..

К тому же (если нарвался на сюрприз – отворяй ворота́!) вода источника нетрадиционной ориентации не утолила мою жажду, что скапливалась на протяжении всего подъёма от павильона на повороте к райцентру Кармир-Шука, пришпоривая меня фантазиями (вплоть до слуховых галлюцинаций) о прозрачной, прохладно журчащей струе…

И вот она здесь, реальная, но взамен утоления, пришлось облизнуть сухие губы таким же пересохшим языком.

Потому что под густо-зелёным великаном, несмотря на его возраст в 2000 лет, меня перенял матаг…

(…пара чемпионов среди ходячих выражений в Армянском языке и, вместе с тем, два самых потрясных по красоте и глубине их смысла – это:

1. ***цавыд таним***

2. ***матаг аним***

Номер первый говорит: «я понесу твою боль». Так просто. Два слова. Неизмеримо бездонная глубь.

Ну а вторым по списку идёт обет принести жертву – сделать матаг.

Как правило, матагом знаменуют счастливое избавление.

Допустим, если близкий родственник тяжко хворал, но выжил или, скажем, машина сиганула в пропасть, однако, как ни странно, водитель уцелел, значит – пора совершить матаг.

Плоть жертвы, после кулинарной обработки, следует разделить с родственниками и соседями, на что и те и те откликнутся традиционным заклинанием: ***ынтунели ыни*** *(«да будет принято»), а иначе это уже не матаг, а дармовой корм захребетникам.*

Кстати, съедобность матага не обязаловка, подари поношенные, но ещё крепкие джинсы какому-нибудь доходяге

и – ты совершил матаг!

Суть всякого матага в том, чтоб задарить, подмазать своей жертвой неведомые силы, которые рулюют судьбой, она же случай, он же фортуна…

И даже без особого IQ легко врубиться, как эти взятки – хрен разберёшь, кому конкретно! – скребут и мылят холку против шерсти служителям любого Бога Всемогущего с официальной пропиской в этом лучшем из миров, который Он же и сотворил (о чём служители Каждого твердят без устали).

Впрочем, те культы, что не вчера родились, успели убедиться (на горьком личном опыте) в полной безнадёге переть против обычаев, пустивших корни вглубь несознательной части верующих – (корячишься как чёрт на зоне, а толку фиг да ни фига!) – потому-то служители культа втянулись не замечать обрядных прыг-скоков над кострами в самую краткую летнюю ночь, масленичные хороводы, матагы и прочие языческие непотребства.

«Им же хоть кол на голове теши! Бля..! Прости, Господи…»

Бурчат религии, но терпят…

. . .

А даже и наирасбесподобнейшие выражения притупятся от применения их всуе, как затрапезные фигуры речи:

***– Цавыд таним** (я понесу твою боль), а чё ты за картошку не платишь? Забыл, што ли?!.*

– Матаг аним *(клянусь принести жертву), да я ж тебе только что 6 монет по 100 драмов дал! Вынь из кармана – посчитай.*

– Цавыд таним *(я понесу твою боль), я тут с утра торчу, у меня тех 100-драмовых битком.*

– Матаг аним (клянусь принести жертву), я за одну картошку два раза платить не стану. Пить надо меньше…

На базаре Степанакерта, столицы Нагорного Карабаха, народ торгуется корректно, с глубоким поэтичным смыслом…)

. .. .

Как уже сказано, не суждено мне было, в тот день позавчерашний, испить водицы из источника, что так манил воображаемой прохладой, журчал в мечтаниях (они, мечтаясь, даже и представить не могли, что он – левый уклонист).

Облом! всё мимо! – потому что, в патриархально густой сени под его соседом-великаном, гулялся раздольный матаг (не меньше, как из сотни званых доброжелателей!) и, пока я снимал заплечный мешок, да строил глазки журчащей струе (слева направо, ара! ты такое видел?!) из гущи празднества раздался громкий крик: «Мистер Огольцов!»

Долго озираться не пришлось, дружески тёплый (однако непреодолимый) захват окольцевал мой левый бицепс, и седовласый верзила повлёк меня к женскому столу, к сидящей во главе его молодушке в теле.

– Вы же нам преподавали! Меня помните? Как моё имя?

(…ну, по крайней мере, слову «мистер» я их обучил, но имя-то как?..)

– Может быть… «Ануш»?

Шальная, наобум, угадка попала в точку, вызвав общий восторг и нежную гордость за «нашу Ануш», которая до сих пор не выветрилась из памяти преподавательского состава местного Гос Университета.

А её отец, устроитель матага, не послабляя ласкового стиска, повёл опознанного к уже освободившемуся месту, в конце мужского стола, где вмиг возникли: свежая тарелка с вилкой, чистый стакан и непочатая бутыль тутовки, а тамада уже подымался с новым тостом про родительскую любовь и университетские дипломы…

Карабахская тутовка (самогон, гонимый из ягод шелковицы) по своей убойной силе не уступит «ершу» (смесь водки с пивом в пропорции 50-на-50) и «северному сиянию» (микстура из медицинского спирта и шампанского, и – да, разумеется, в смесь по 50 % от каждого ингредиента).

То есть хочу сказать, что ракетное топливо из упомянутой продуктовой линейки требует солидной закуси, несовместимой с принципами веганизма, тогда как в праздничном застолье разве что хлеб да жаренная на шампурах картошка прошли бы тест на безубойное питание, ну и конечно – толстые ломти взрезанных арбузов.

Но в упрямой показухе, будто и веганы – брутальные ма-

чо, я чохом выплёскивал зелье в глотку – на каждый тост, а мой сосед справа, по имени Нельсон Степанян (двойной, между прочим, тёзка асса-истребителя времён Великой Отечественной войны) тут же переводил бутыль в пике над опорожненным стаканом, пряча хулиганскую усмешку в своих глазах небесной сини…

А потом мне как-то… ну совсем уже… не до Платанов стало…

Я немо подобрал свой вещмешок, увязанный с палаткой и спальником, и заложил медленный вираж поперёк склона, в поисках уединения, и уже там, где уд… удое… у… ну нашлось в общем… покачиваясь, но чётко контролируя процесс, установил свою одноместную Made-in-China.

Остатки вертикальности и мутнеющего самоконтроля ушли на то, чтоб добрести до ближайшего Дуба и, притиснувшись к стволу виском, поссать по ту сторону его могучего обхвата…

Разворот кругом и первый же шаг в сторону палатки, грубо толкнули меня вспять и шваркнули о бугристый ствол…

Не противясь, безропотно и вяло, спина моя поползла книзу по рубцам коры к выпуклостям корневища, где и свернулся я умученным калачиком…

Переходя в кромешность, сумерки сознания сгустились прежде мглы подступавшей ночи… Крохотный кружок смыкающегося горизонта качало и жестоко круговертило, неудержимая цунами рвоты подкатила, стиснула… однако я

успел ещё перепрокинуться на бок и, уперевшись в шаткий локоть, блеванул за узел кряжистого корня… и уж затем рухнул обратно на острые грани коры, впившиеся в затылок…

А у рыбок бывает морская болезнь?

~ ~ ~

Посреди холода и мрака меня, закоченело одубелого, пробудила неудержимая дрожь озноба.

Не сразу удалось восстановить навыки прямохождения. Но, постепенно, я дошкандыбал до самой палатки, вплетая, по пути, глубоко прочувствованные стоны в жуткий вой и сатанинский хохот шакальих стай, распоясавшихся с их какофонией на близлежащих склонах.

Та ночь стала первой, из ткнувших меня носом в отчётливую вероятность не дотянуть до предстоящего утра. Охваченный ужасом, терзаемый острыми когтями (которым рёбра грудной клетки не могли противостоять), я затаился, и ждал рассвета – как спасения…

Он всё же наступил, но облегченья не принёс, не помогало и прискуливание, щенячье жалостливое. Однако сдерживать себя не осталось сил, всё отдренажила иссушающая муторность.

Но же тогда, если вот ведь такую тут ночь типа вроде как выжил (шатко начинало складываться в сознании), значит меня на что-то ещё надобно зачем-то окрестной Ойкумене прилегающего Космоса… Сперва для начала, надо в себя придти, собраться, как бы, ну хотя бы с тем, что ещё оста-

лось…

Инвентаризация обнаружила отсутствие верхнего протеза.

Я добрёл до Дуба, сел на корточки и тупо потыкал прутиком лужицу застылых блёв, в развилке корневищ комля. Нету… хрен тут ночевал, и хрен на весь твой глюпый морда… нужно продрать глаза… давай же, ну! я в тебя верю!..

Взгляд с усилием приподнялся выше и вперёд. Аа-га!

Вчера, напор прощального попурри ноктюрнов настолько оказался сильным, что протез перепрыгнул лужу, и мирно переночевал на полметра дальше – на моховой подстилке: шакалам ни к чему, у них свои зубы на месте, а прочая прожорливая шушера не позарилась на кусок пластмассы за 20 тысяч драм…

~ ~ ~

Весь дальнейший день я провёл пластом, под Вязом, росшим около палатки. Меня хватало лишь на переползание, совместно с тенью кроны, – как та соловая мокрица, застясь гномоном, что торчит из диска солнечных часов…

Ах, до чего ж верно сказано: «Надо меньше пить!», однако – и я уже когда-то пытался это втолковать, не помню кому – у моей тормозной системы свои воззрения на понятие золотой середины, вот и вынужден глушить, сколько на́лито…

И ещё, в тягучий день вчерашний, до меня дошло с отчётливостью неоспоримой, что близость долгожительной дендрореликвии мало способствует безмятежности кротких ме-

дитаций умиротворённо-созерцающим умом… если вообще хоть с гулькин нос…

Отдалённый шум матагных гулеваний, сменявших друг друга под Платаном (правда, не с каждым прибывал КАМАЗ гружёный скирдою столов), а также коровы, бредущие на водопой из корыта источника-извращенца и обратно, под надзором пастушков-малолеток, до отвращения охочих пообщаться с незнакомцем измученно распростёртым под Вязом; как и случайные прохожие, а также проезжие верхом вдоль тропы (оказавшейся чуть выше, но слишком рядом по склону), изумлённо оглядчивые на инопланетно-лиловый оттенок в синтетике китайского производства, и увенчивающее, в довершение, всю эту пирамиду неудобств, жесточайшее похмелье, единогласно ратовали за необходимость радикальной перемены места моего ежегодного побега на волю…

Вот почему лишь сегодня утром, заготовляя бутылку родниковой воды для предстоящего перехода, я присмотрелся к дереву в деталях, чтоб отчитаться тебе в следующем имейле.

Действительно, одного миллениума мало – эдак так вымахать. Нижние ветви гиганта, своим размахом, вполне сошли бы за столетние деревья, однако вынужденная горизонтальность спутала им карты.

Огромный ствол, несущий на себе всю эту рощу, обхватом запросто потянет метров под сорок. Правда, в комле у него имеется расселина, куда сбегает ручей воды от левостороннего источника (не тут ли и зарыта собака древесного дол-

голетия?). И щель вполне позволит въехать всаднику, если плотней пригнётся к шее лошади…

Тем же путём я тоже зашёл в дерево, и оказался внутри сумеречного грота. Освещение, просачивающееся извне – от входа и противуположного выхода – вносило лишь остатки света из плотной тени под многовековой кроной.

Промозгло неуютные потёмки… Вокруг разбросаны куски плоского камня – разреженная гать, чтобы добраться, не утопая в почве, к немного сдвинутому от центра ящику здоровенного мангала из ветхой листовой стали, схваченной швами сварки с необбитым шлаком. Ржавые стержни толстой арматуры ног погрязли в пропитанном водой полу…

Неровные наплывы растаявшего воска, в щетине из останков неисчислимых свечечек, заполнили мангал до краёв и, перелившись за борт, застыли гладкими потёками по его бортам…

Как насекомое из кайнозойской эры обляпанное смолой хвойных кордаитов… да только до морей далековато, и нету шанса превратиться в драгоценность… так тут и заторчало, прикинувшись мангалом.

От заунывной мокрушности интерьера, тянуло обратно – к теплу ясного утра.

Туда-то я и вышел, навьючился, – и зашагал прочь, а посылая прощальный взгляд прославленному Платану, не преминул состроить кривую рожу безобразным ранам от ножей.

Дело рук любителей увековечиться на всякой достопри-

мечательности, какая только подвернётся под их инициалы, даты и символику, что в моде у тупых мудил.

Метины от шрамов подревнее вползли, подтянутые корой, метров на шесть от земли. Самые верхние, нанесённые дереву пару столетий тому, расплылись, перепутались неслышным течением лет в пятна неясных контуров по неровной ряби коры, неспешно влекущей напрасный труд кверху, в неизбежность забвения…

~ ~ ~

Перспектива повторять (хотя и под уклон) путь, который двумя днями ранее привёл к зажившейся знаменитости, меня как-то не вставляла. Куда заманчивей казался переход по гряде «тумбов» (так в Карабахе называют заокругленные горы, тянущиеся волнисто-плавными цепями кряжей, покрытых травами и лесом, в отличие от более рослых «леров», что торчат в небо голым камнем своих вершин).

Такой манёвр избавил бы от необходимости спуска в долину Кармир-Шуки, откуда снова тащись в гору, до деревни Сарушен.

По совокупности изложенных причин, я свернул на еле различимую тропинку, что забирала вправо, вверх по крутому склону, – без малейшего понятия: исполнима ли моя хитроумность вообще?

Однако раз есть тропинка, то хоть куда-нибудь она таки приведёт. Могу поспорить, что любой здравый смысл поддержит мысль, заложенную в этот вывод.

Вот я и шагал, не ведая куда, вдыхая вкуснейшую арому разнотравья гор, любуясь обездвиженными волнами тумбов, облитых солнцем, и необозримой ширью мягко-зелёного марева, весь в предвкушении безбрежной красоты и беспредела необъятности, что распросторится во все концы, когда взойду на гребень кряжа.

А беспредел, конечно же, не подвёл, и, своей неповторимой непередаваемостью, утёр носы самым утончённым из Тургене-Бунинских эпитетов, а заодно и наиизысканнейшим мазкам Сарьяно-Айвазовских кистей…

Вот на каком бесподобной фоне, тропка влилась в узкую дорогу, взбиравшуюся невесть откуда вверх по склону ближнего тумба, из лесу на котором спускались крошечные – на таком расстоянии – пятнышки пары лошадей, двух человек и собаки…

Сошлись мы минут через десять. Лошади скоблили каменистую дорогу верхушками трёх-четырёхметровых молодых деревьев, с отсеченными ветвями, – толстые концы хлыстов приторочены к спинам тягловых единиц. Два пацана, под присмотром здоровенного гампра, перебрасывали домой запас энергоносного тепла на зиму.

Чуть углубившись в лес, я встретил ещё одну партию дровосеков: три лошади, столько же мужиков, но ни одной собаки. Мы поздоровались, и я спросил, как мне достичь Сарушен по вершинам тумбов.

Мужик, в когда-то красной, но уже не первый год засти-

ранной до белизны рубахе, из ворота которой торчал туго обтянутый коричневой от солнца кожей череп, ответил, что ему случалось слышать про ту тропу, однако сам он её не проходил, но метров через триста мне встретится старик с одним глазом, который рубит там, и тот уж точно знает…

Отшагав сколько предписывалось в инструкции, я добавил к ней ещё триста метров, но так и не услышал топора; старик, должно быть, устроил перекур с дремотой или жевал свой хлеб-сыр, спиной к дороге…

Задолго до вершины тумба, дорога иссякла, рассыпаясь в полдесятка троп. Мой выбор пал на ту, что забирала круче, но вскоре от неё и след простыл…

Вокруг теснился нехоженый горный лес, где для прогулок мало одних только ног, и, по старой доброй, заложенной в гены привычке, хватаешься за стволы деревьев (чем дальше, тем чаще). Следует признать – такой вид отдыха, при всей своей оздоровительности, довольно утомителен.

Тут я подумал и отверг вариант штурма вершины в лоб, отдав предпочтение заходу-подъёму с фланга, в надежде, что не проморгаю седловины перехода на следующий тумб.

(…наличие плана – большое облегчение, перестаёшь напрягать мозги, а просто идёшь себе, налегке. Да, соглашусь, что не всегда всё совпадает с планом. Однако тоже невелика беда. Остановился, прикинул – нет, не будет дела, нужно по-другому. Составил новый план, и – валяй дальше. Плюс в том, что снова голова свободна.

Однако насвистывать не советую: а вдруг ты в разведке? Ну и вообще – мало ли… Деньги, например, можно просвистеть. Примета есть такая…)

И вдруг наплыло ощущение какой-то странной перемены. Куда-то ушли привычные звуки летнего леса, неясная сумеречность приглушила свет, напрочь стёрла и без того нечастые лучи солнца, проникавшие пощекотать мох на корневищах и поваляться на листках кустарника между деревьев…

Что за дела, мэн? У облаков сходняк флеш-мобный, што ли?

Чуть поозиравшись, я выследил причину: вместо исполинских Буков – с разреженной порослью редких Бученят вокруг их подножий – меня окружала тесно сплочённая чаща сверстников, чьи кроны смыкались на высоте четырёх-пяти метров в непроницаемую для солнечных лучей лиственную массу. Что и внесло чрезмерно потусторонний оттенок в явление естественного роста.

Вот всё-таки сидит в нас детский, привитый мультиками страх наткнуться на лешего или кикимо…

Тут что-то толкнуло меня оглянуться и скрестить взгляд со взглядом зверя, внимательно изучающим… шакал? собака?.. а-а!.. тоже мне!.. глянь на широкий хвост… лиса, конечно, или, может, лис… молодой ещё, не нарывался на охотников…

– Привет, Лис. Я не Принц. И я не юный. Иди себе куда шёл.

Я двинулся дальше, уворачиваясь от длинных паутинных нитей, обходя, по мере возможности, колючие кусты, а при безвыходности обстоятельств – продирался сквозь. Лис не отставал…

Интересно, кто и зачем пустил пургу, будто животные не выносят человечьего взгляда? Ты только, мол, уставься посуровее, с понтом: да я ж заслуженный артист! из цирковой династии! чуть рыпнешься – задрессирую! – и они скромно отведут глаза.

А фиг там! Полная туфта!..

Так мы и шли. Иногда, для проявления манер, я, как благовоспитанный попутчик, обращался к нему с каким-либо попутным замечанием, для вежливости. Но он отмалчивался.

В какой-то момент, я развязал свой вещмешок, и вынул кусок хлеба.

Сперва он вроде и не знал, как подступиться, но потом схавал в два заглота, словно удав-наркуша пачку дуста, не отводя с меня контрольный прицел глаз.

Или ты, может, планы строишь, как поухватистее смышковать донора? Не газуй, партнёр, нам спешка ни к чему…

И только когда за деревьями заяснел свет на солнечной поляне, он стал поглядывать назад и вскоре растворился в чаще. Прощай, Юный Лис из молодого леса!

Обзор с поляны прояснил, что я без малого замкнул круг в обход вершины, где-то таки прошляпив переход на следу-

ющий, в цепочке кряжа, тумб.

Подо мной отвесность скал, а в отдалении маячит пара ветхих крыш, примеченных ещё на подходе к лесу, незадолго до консультаций с дровосеком.

Всё! Хватит с меня поиска вымышленных троп. Однако где тут спуск в реально брошенную деревню Схторашен?..

Вскоре средь скал подвернулась тропка, каруселящая вниз. Она вывела меня в тутовник двухсотлетних Шелковиц, откуда я прошёл к деревенскому роднику вкуснейшей, до невозможности, воды – куда тому приплатановому!

Дальше тянулись тридцать метров мощёной валунами и булыжником улицы из двух домов, гнобимых джунглями давно их переросшей Ежевики. Улица резко оборвалась, сменяясь едва различимой в траве колеёй по спуску, обёрнутому в долину Кармир-Шуки.

(…деревня Схторашен была покинута до Карабахской войны 90-х, поэтому дома её не сожжены, и уцелели жестяные крыши, чтобы сгнить под ежевичной обрешёткой.

Деревня эта, как и многие другие, пала жертвой маразматического решения Советского руководства «О Переселении Жителей Высокогорных Населённых Пунктов в Низинные Места». На тот момент Союзу Советских Социалистических Республик перевалило уже за семьдесят, и он впадал в старческие отключки – деменция не знает пощады и к политическим системам, те вынуждены повторять жизненный цикл людей, своих создателей.

Всегда на всё согласные власти тогдашней Нагорно-Карабахской Автономной Области, подобно другим политическим образованиям в Кавказском регионе, рабски исполнили директиву свихнутого Старшего Брата и прикончили не одну деревню.

То есть, при всём почтении к тем, кому за 70+, я воздержусь от посещения их клубных вечеринок «Давай Поахсакалимся!»…)

На спуске по затяжному склону, неизлечимо верный большевистским традициям, я предпринял ещё пару попыток срезать путь, ну, хоть немножечко! Однако оба отклонения упёрлись в глубокие ущелья и отвесные скалы, так что шоссе меня дождалось точно там же, где я его покинул два дня назад – возле павильона-закусочной «Платан Тнчрени».

(…ласковенько ведёт судьбина послушное чадушко, упрямых же неслухов волочит за волосья, всех неизбежно к одному и тому же месту назначения…)

~ ~ ~

После пары поворотов плавного серпантина, шоссе лягло на неуклонно прямой курс к перевалу из раздольной долины Кармир-Шуки.

Вдоль наклонно уходящей вверх обочины, я топал сквозь тошнотную, но – вот же странность! – чем-то притягательную вонь перегретого жарой асфальта.

Тяжко дыша, обливаясь потом, я шёл и шёл, и шёл.

Всё чаще лямки вещмешка сдвигались в поисках места,

где было б не так больно…

Безнадёжно… Пару шагов спустя, клыки их впивались обратно, до кости, всем весом заспинной клади.

Соль пота разъедала слизистую глаз, которые забыли уж резвиться, не прядали по сторонам, не чумели от чарующих красот природы.

Что? Напорхались, пташки?!

Их взор тупо полз по пыльному асфальту крупного помола, насилу успевая отскочить из-под армейских обшарпанных ботинок, вминающих в дорожное покрытие мою шагающую тень, что мало-помалу всё же начинала удлиняться.

Но таки временами взгляд вскидывался, по собственному почину, надеясь высмотреть, сквозь жгучесть капель на ресницах, спасительную тень дерева у дороги… Хотя я на все 100 % знал – до перевала таких чудес и близко не предвидится.

Случились две попытки уклониться от прямой и приглушить жажду ягодами Ежевики, разросшейся вдоль основания дорожной насыпи. Но хер там ночевал. Похоже, в этом году нас ожидает ежевичный недород…

(…впрочем, будем надеяться, что это мне случайно подвернулась бесплодная полоса, потому что терпеть ненавижу сеять даже и обоснованную панику…)

И снова, по неумолимо наклонной плоскости асфальта, ботинки на моих ногах шли и шли, и шли… дальше… выше…

~ ~ ~

Чтобы развить в себе хотя бы предварительные навыки предвидения (заглядывать в грядущее иногда полезно, но только в меру, не перебарщивая), лучше гор не ищи наставника…

И когда прямая бесконечного подъёма финишировала на перевале, чтобы превратиться в горизонтальные извивы, рабски послушные диктату рельефа в караване тумбов, бредущих прочь от широкой долины, я уже мог предсказать (не только, что запросто, но даже и наверняка), как получасом позже, окончательно растаявшая вдали (если наблюдать не сходя с этого самого места) точечка меня (который пока ещё вот он – тут я) свернёт, неразличимо исчезая за самым дальним склоном во-о-он того тумба…

А спустя ещё минут пятнадцать, на расстоянии полукилометра от расположенной между дальнейших тумбов деревни Сарушен, я сойду с шоссе на грунтовку, которая полого тянется на самое дно тамошней долины, к речке Варанда, а там-то уже точно всё будет хорошо: и тени сколько хочешь, и деревьев, и родник прохладной воды на базальтовом берегу реки…

Предсказание сбылось один в один, а когда грунтовка докатилась до неглубокого брода по галечной россыпи, чтобы на его той стороне вложиться в крутой подъём к деревне Саркисашен, в двух километрах далее, я с ней расстался, и зашагал по туннелю – живому, шелестящему, длинному – сквозь

гущу прибрежного Орешника.

Дальний конец туннеля, как и предвиделось, выходил на непривычно ровное (среди гор) поле по-над излучиной реки, огибавшей великанский тумб на противоположном берегу…

Представь себе футбольный стадион, где взамен газона широколистый лес, и вся эта спортивная арена вдруг вздыбилась, почти до вертикальности. А под копытами… ну, то есть… а у подножия тумба, шумит река Варанда…

Из-за крутизны склона, кроны деревьев не загораживают одна другую, а поднимаются, чередуясь, шеренга над шеренгой. Причём у каждой кроны свой персональный оттенок зелёного, какой-то из его двухсот, – чуть-чуть отличный от остальных 199-ти.

Можешь вообразить всю эту грёзу наяву? Если – да, то и меня легко здесь разглядишь, вот он – валяюсь под кряжистым Грецким Орехом возле поля, машу рукой – на всякий… Лежу роскошно, – под спиной толстый матрас из листвы, нападавшей за былые годы – сухая, мягкая, ломкая труха.

Тут я, тут. Наслаждаюсь оргией зелёного потока, мягко струящегося вверх по тумбу за рекой. Наблюдаю за игрой Грецкого Ореха, как он на фоне яркой синей выси, подхватывает длинными ладонями листвы чуть шелестящие с подачи ветерка блики солнца. Ловко ловит! Натренированный…

Чертовски здорово – просто жить, так вот вытянуться, носом к небу, думать про всякое то или какое-нибудь сё, или про совсем другое…

Класс! Всё путём… Ну, максимум, быть может, малость напрягает, что вокруг – ни души, не с кем красотищей этой поделиться…

(…блин! забудь! я этого не говорил… мне уж не в новинку, а наоборот в привычку даже, что такие вот моменты случаются только когда один.

Главное, – держать свою мегаломанию в узде, чтоб и не пикнула, и рыпнуться не смела, не попыталась бы подкинуть диверсионную мыслишку (на вид безобидную), чем больше, мол, пространства на душу индивида, тем выше его зна́чимость и ранг… Но если речь пошла про Табеля о Рангах, то – чур меня! Чуууур!..)

Давным-давно, случилось мне листать лощёный журнал на Немецком, вернее его огрызки, в довольно потёртом таки состоянии.

Заглавная статья сбереглась без урона, чтобы поведать мне – Немецким, практически, не владеющему – про господина Херцога, владельца крупного химического концерна.

(Один из тех сиятельств, которым западло соваться в политические игры, они эту крысиную возню предоставляют президентам, премьерам, соперничающим партиям und so weiter, однако малейший поворот руля внутри их вотчин определяет весь внешнеполитический курс Германии (на тот момент ещё не объединённой с ГДР)).

Статья пестрела красочными фотками, на развороте: ближний план Herr Херцога, а фоном ему персональный

парк, в его же заднем дворике – газон гектара на два: трава, постриженная через расчёску, напедикюренные деревья из позапрошлого столетия; парочка внучат-херцогинят, блондины в локонах, пускают стрелы между двух деревьев – под его левым ухом – типа купидончиков, а может, в Робин Гуда играют.

Праотцы его, бродячие Евреи-челноки, пешком верстали весь Шёлковый Путь, туда и обратно, приносили китайский ширпотреб на продажу феодальным герцогам, баронам и прочим титулованным бандитам средневековья. А эта погань варварская устраивали пейсоносным коробейникам всяческие зверства и мучительства.

Ну а нынче банкует он, пахан по полной, да… монарх крупного индустриального царства. Но счастлив ли? Сомненье брало, если приглядеться к потёртому выражению лица Herr Херцога, посреди его холёного, оплаченного-муками-предков-и-личными-достоинствами, парка…

Ну ладно, оставим в стороне все эти августейшие рояли, а как насчёт меня-то?

Счастлив ли я, вытянув ноги в гостеприимной сени лиственного балдахина, под опахалом ветерка, вкушая негу сладостной прохлады… ничего не забыл?.. а ну там ещё, наверно, про струны струй журчащих… впрочем, суть не в этом, главное – во! охренеть какая усадьба! ты ж погляди какое поле стрёмное, с травой по пояс, и в нём полно увесистых, с кулак, шаров-колючек симпатично-сизого отлива, шипас-

тых, как булава, и тот вон тумб-Камелот над горным потоком, высоченный, как башни многоэтажек, что громоздятся вдоль шоссе от Киева в аэропорт Борисполь…

Чего тебе ещё надо для счастья, а?

Вопрос, конечно, интересный, если внимательно вдуматься… Жаль, что у вещмешка нету дверцы с зеркальцем, а то бы ставил самому себе диагноз по выражению самодовольного хрюкальника.

~ ~ ~

Этот рай земной мне подвернулся шесть лет тому, когда Министерство Образования Нагорно-Карабахской Республики – ново-независимого, само-провозглашённого, но так никем и не признанного государства —

(…да! не спорю! откликнулась пара мэрий из дальних полушарий, чей вес на политической арене извиняет их безответственное поведение. Мудрые же державы себе на жопу приключения не ищут: «Ты, касатик, прав по всем статьям: юридическим, морально-этическим, этнографическим, сейсмо-футурологическим, но у тебя же в недрах нефти ни шиша, так ты, душа моя, иди-кась, гуляй отседова, мы делом заняты»…)

– устроило тут как бы пионерский палаточный лагерь для школьников Степанакерта.

Сатэник тогда отработала в нём две лагерные смены. Подряд.

С моей стороны состоялась попытка заикнуться (загодя и

довольно робко) с предложением оставить кровинушек наших под мой отеческий надзор, включая бесплатную опеку…

Вполне ожидаемо, инициатива получила должный отфырк… Не сказать, что я особо уж так настаивал, но всё равно довольно яркая демонстрация наличия доброй воли с моей стороны, нет разве?

В результате Ашоту с Эммой почти всё лето пришлось коротать под маминым крылом: две лагерные смены – от звонка до звонка – в отрядах соответственно их возрасту и полу.

А старший ребёнок в семье, Рузанна, через день-другой после открытия лагеря, сдала экзамены за второй курс местного Госуниверситета, и махнула к ним, на должность самопровозглашённой Пионервожатой.

С развалом Советского Союза, должность эта приказала долго жить, да и пионеров не сыскать стало, кроме как в нетленных шедеврах Советской кинематографии… Однако я всегда готов принести соболезнования близким родственникам любого форс-мажора, который неосмотрительно возник на пути Рузанны, идущей к избранной ею цели…

Так что, для всего лагеря, она стала Пионервожатой. В платёжной ведомости усопшая должность, разумеется, не значилась, однако Рузанну это мало трогало, главное, что вышло по её хотению…

Оставшись один дома, за пару всего недель бессемейной жизни я смертельно устал от непривычно плотной тишины

вокруг себя.

Дальнейшее произошло само собой, беспланово, без должной подготовки…

Под вечер очередного дня, покинув место жительства, я вышел в направлении деревни Сарушен. Уже на выходе из города, производился закуп одной пачки печенья и развесных конфет (200 гр.), в какой-то будке типа магазинчика на спуске у моста «Самосвал-Маз».

(…на тогдашней стадии своего развития, я уже дорос до осознания, что радость встречи с папой следует закреплять: чем слаще, тем лучше…)

Пешком и на попутках, мне удалось преодолеть двадцать-с-чем-то километров до деревни. Только вот не вышло уложиться до наступления темноты, посреди которой я и явился в лагерь.

Как раз на этом самом месте, где я сейчас лежу, стоял раздвижной табурет лагерного Директора, Шаварша, с холстяным верхом, на который, помимо самого него, никто не смел садиться – престол монарха не под всякий зад заточен.

На широком стволе этого Грецкого Ореха, уже тогда расщеплённого ударом молнии, висела одинокая яркая лампочка, а её питал, урча по-матерински ласково и почти неслышно, электрогенератор, задвинутый дереву за спину.

Плотная тьма ненасытно отсасывала жёлтый свет, который таки успевал облить пару длиннючих столов из листового железа, пунктирно врытых друг за другом, чтобы обо-

значить край поля. По обе стороны каждого, стояли как вкопанные (такими они и были) узкие скамьи из того же хладоточивого материала.

Две непроглядно-чёрные приземистые пирамиды армейских палаток, ёмкостью на взвод военнослужащих (каждая), силуэтились в тёмном поле. Девочкóвая (для Воспитательниц и всех остальных девочек лагеря) стояла правее второй, которая для мальчиков и Физрука.

Чуть в сторонке, угадывалась двухместная палатка Директора Шаварша и его жены на должностях лагерной Поварихи и Медсестры (3 в 1).

Глубже в поле, метров за тридцать от всех трёх палаток, тихий костёрчик лениво лизал короткими язычками пламени конец сунутого в него бревна, целый ствол, фактически, с наскоро отсéченными сучьями, чтобы легче пропихивался вперёд, по мере прогорания, в мерцающие угли уже отпавших от него кусков…

Все, без исключения, лагерные Воспитательницы рекрутировались, естественно, из учительниц городских школ, которым хватило света всего одной только лампы (1300 кандел/ 35 люменов), чтобы опознать меня, и тут же кликнуть Сатэник. Рузанна прибежала следом.

Моё появление обрадовало обеих, хоть законная спутница моей жизни напряглась, внутренне, готовая с полуслова дать отпор излишним сантиментам из числа не вошедших за минувшие две с чем-то тысячи лет в список дозволенных

(местными традициями) орудий в борьбе за выживание.

Вокруг стоял поздний вечер, сменивший трудовой день и долгий променад, и меня как-то не особенно тянуло посягать на основополагающие ценности.

Для отвода малейших от себя подозрений в потенциальном пустозвонстве, я проявлял послушливый респект и не дерзил, а сдержанно, благопристойно и с достоинством, сел за указанный край стола.

Холод железа под задом и холод железа под локтями, исходя из различных предметов вкопанной мебели, действовали сообща, словно сговорившись.

За столом разворачивалась ежевечерняя трапеза почти минувшего лагерного дня. Благодарно и беспрекословно, приял я тарелку жидкой каши из, по-видимому, крупы неопределённо общего назначения, ложку из алюминия и осколок рубила, бывшего когда-то хлебом.

И внешний вид, и результат пальпации засвидетельствовали, что данное орудие Каменного Века сохранило первозданную твёрдость своей структуры, не замечающей воздействия пластмассовых зубов. Тем не менее, в порыве вежливости, была предпринята попытка отгрызнуть кусочек.

Да, так и есть: предварительная визуально-осязательная оценка подтвердилась даже и экспериментально, на все 100 %.

Назвался груздем – будь вежлив до конца; я неприметно заныкал археo артефакт под алюминиевый край тарелки и

сосредоточиться на вареве…

(…как глобально непризнаваемой стране удалось воссоздать слепок счастливого пионерлагерного детства времён Советского благоденствия? Стране настолько нищей, что её министр образования, в приступе гласности признался, что вверенное ему министерство не располагает финансами даже на покупку футбольного мяча для Школы № 8?

Скорее всего, Армянская Диаспора прислала целевой грант, и осенью благотворители пожнут доклад, бурлящий неподдельным ликованием: «На $40 000 вашего щедрого дара, все школьники Степанакерта, столицы новонезависимой Нагорного Карабахской Республики, поимели уникальнейшую возможность…»…)

Реляция гипотетическим донорам от непойманных грантокрадов оборвалась радостным писком Эммы, притиснувшейся к моему боку.

Я ласково гладил её воздушно тонкие волосы и узкие плечи дошкольного возраста, задавал пустые вопросы, она отвечала мне и тоже о чём-то спрашивала.

– А где Ашот? Не знаешь?

Она указала на дальний конец следующего – в пунктирной линии из двух столов. Там, где свет от лампочки изнемогал в неравной борьбе с ночью, сидел Ашот, забыв об ужине, восхищённый рот разинут на высящихся вокруг него старшеклассных недорослей, воссоздающих гогот неумолчного птичьего базара на скалах северных морей и хоровое ржанье

табунов…

Причём не слышат и не слушают друг друга! Ни жеребцы, ни птицы.

Я достал гостинцы из кармана своей летней куртки и отдал Эмме – это вам с ним, пойди, поделись.

Она отошла, растворяясь в темноте, вплотную обступавшей пыл перепалок и звяк посуды о ночной холод в железе столешницы…

Ужин плавно перетёк в трапезу взрослых. Воспитательницы, чинно и педагогично, пили сухое-полусладкое годичной выдержки. Физрук, Директор, Участковый из ближней деревни, и я довольствовались неизменной тутовкой.

С полной демократичностью, закуской всем служила мелкая рыбёшка, которую днём Участковый трахнул в речке разрядом из одолжённого в лагере генератора, а затем казнённых (без суда, без стула, но электричеством) дожаривала лагерная Повариха, она же Медсестра, она же жена Директора…

Группа активистов из рядов неразличимого за темнотою подрастающего поколения приблизилась к застолью, с челобитной о позволении им потанцевать, и Шаварш великодушно соблаговолил сдвинуть лагерный отбой на полчаса.

Их августейшество явно изволили быть в духе.

Тем временем, я спросил Рузанну про Ашота. Она сказала, что тот уже спит в палатке мальчиков и вызвалась сходить за ним, но я ответил: «Не надо. Не буди».

Подростки выдвинулись в поле вокруг костёрчика и танцевали под музыку из колонки, подвешенной на дерево по соседству с офанарённым Грецким Орехом.

Вначале мне показалось странным, что все, как один, выплясывают спинами к руководству, всё так же восседавшему за столом из листового железа, но затем дошло – каждый выплясывает с персональной тенью, такой прыгучей, запуленной светом лампы-одиночки в стремительный полёт в ночное поле, так далеко-далеко…

Вскоре, Директор лагеря объявил, что хватит уже с них, заглушил генератор и удалился в двухместные апартаменты своей власть предержащей палатки…

Часть отдыхающих в «уникальнейшем из уникальных» по-тихому прокрались – звеньями от двух до пó трое – рассесться вокруг тихо обугливающегося бревна, чтобы, часов до двух-трёх, взаимно ущекотываться (до всхрюков, до вскликов, до приступов!) непревзойдённейшими из анекдотов: да-да! – золотой запас, что держит Пальму первенства со времён палеолита! – или стращать друг дружку ужастиками Раннего Ренессанса, под сочувственным присмотром Воспитательниц (их школьных училок), сменявших одна другую в ходе негласной ночной смены…

Я выдержал до часу, прежде чем согласиться на свободную раскладушку в мальчукóвой палатке, и оставил Сатэник отбывать её очередь у костра, потому что утром в шесть должен был успеть на автобус до Степанакерта…

. .. .

Годы спустя, я спросил Ашота, почему он не подошёл ко мне в ту ночь.

Он отвечал, что о моём приходе ему сказали лишь на следующий день, после того как я уже покинул лагерь.

На мой вопрос, а как же, мол, печенье и конфеты, ну, типа того десерта под конец ужина? Он лишь недоумённо пожал плечами…

Эмму я не виню. Шести лет от роду, схомячить втихаря печенье, что приплыло в руки посреди лагерного пайка – вполне уместное и обоснованное проявления здорового эгоизма.

Но бедный Ашот! Каково вырастать с мыслью (давным-давно погребённой и надёжно забытой, но от которой никак не избавиться), что твой отец не захотел подойти к тебе? Изо всей семьи, только к тебе одному, отец твой подойти не захотел…

Ладно, кто старое помянет… или, цитируя ежедневную поговорку моей заключительной, но самой почитаемой тёщи, Эммы Аршаковны, «кянгя ли-и!»

И-иии! Чёт меня на блюзы сковырнула эта уединённо роскошная ширь, вместимостью на одну персону…

Скажем дружно – нафиг нужно! Посидели, а теперь похулиганим…

Вперёд, каналья!

~ ~ ~

Не углубляясь в чащу, взбегающую на крутой склон, я прочёсываю опушку вдоль поля, выдёргиваю сухой сук отсюда, усохшее деревце оттуда, роняю их на старую коровью тропу.

Прекратив продвижение по ней через примерно сто саженей, бреду обратно, подбирая надёрганный сушняк-валежник.

С охапкой дров, заключённых в дружески тёплое объятие, я возвращаюсь в бывший лагерь, роняю груз добычи наземь, и снова выхожу – за недособранным.

Манёвр повторился раз и ещё полраза. Готово.

Переходим к дальнейшей операции – проводим ломку топлива для готовки классического блюда: «пионеров идеал-ал-ал», оно же звонко воспетая, в костре запечённая картошечка-картошка, она же картофан.

И эту часть работы приходится выполнять голыми руками, потому что при мне и ножа даже нет…

Порой людей буквально обижает факт моего безоружного бродяжничества и, в отместку, они заводятся стращать меня волка́ми и бандитами. Однако до сих пор, за все свои побеги на волю, мне встречались только олени и лисы, да пару раз медвежьи следы.

Ну, а бандитам явно лень устраивать на меня засаду в тумбах. Умные засранцы.

Единственный, однако неизбежный напряг, когда посреди ночи вдруг резко дёрнется очко, из-за необъяснимых лесных

рявков, ну прям совсем вот рядом с палаткой.

Чуть погодя, задним числом, врубаешься, что кто-то там кого-то ухватил, но кто кого конкретно, хрен его знает, а я не овощ, не Чингачгук и не Дерсу Узала.

В общем, один из случаев, для которых ещё не разработан препарат, и даже если б я, предположим, пердолил на себе «калаш» с полным боекомплектом, реакция на нежданные ночные крики такой бы и осталась, физиологически, а полотно палатки могло бы пострадать, изнутри…

Правда, без нападения не обошлось. В тот раз я ночевал под кустом в окрестностях деревни Мекдишен, в своём спальном мешке, обёрнутом куском синей синтетической рогожки, на всякий.

(…абсолютно бесполезная хрень, рогожка эта – в дождь секундально промокает, но дело было до 2000 года, когда я купил свою одноместную Made-in-China…)

Где-то после полуночи пара волкодавов – охранный эскорт запоздалого всадника – наткнулась на моё гнездовье под кустом. Вуй! Вот они взлаяли у меня над головой!

Хозяин их, как только подъехал со своим фонариком, тоже ох… охнул, то есть… а сверх того оторопел от невиданного явления в родных околицах.

Однако синий куль проорал ему из-под куста, что я, де, турист из Степанакерта, и поскорей уйми своих зверюг.

Мужик завёл было знакомую херню про волкóв с бандитами, на которую у меня уже просто зла не хватает, и я крат-

ко отвечал, что после его сучьих гампров мне вообще всё поеб… ну, в общем… не испугает, как бы…

А во время ночёвки на Дизапайте (третья по высоте гора в Карабахе), туда же полчаса спустя поднялись ребята из Хало Траста.

(…Halo Trust – международная организация с британской пропиской, которая финансирует и обучает технике разминирования аборигенов горячих точек на всей планете, потому что у конфликтующих сторон любого континента есть пакостная привычка – натыкать уйму минных полей для убиения живой силы противника, якобы военной, но и гражданских лиц немало гибнет. Побочным эффектом является геноцид животных – и диких, и одомашненных – бедные создания, как правило, понятия не имеют о политической ситуации в ареале их обитания. Мы же в ответе, за тех кого приручаем, или как?..)

Короче, местные сапёры, обученные британскими аборигенами, взобрались на Дизапайт в свободное от службы время, ввиду наступавшей после их рабочего дня темноты.

Чтобы провести отдых с пользой, они решили принести умилостивляющую жертву, поскольку на вершине Дизапайт с незапамятных времён стоит каменная часовенка, которую нужно обойти, трижды, и получить за это от заведующих судьбой «добро» на что уж там ты просишь.

Конечно, парни из Хало Траста пришли не с пустыми руками, а притарганили жертвенного петуха для взятки под ви-

дом матага. Однако выдвигаясь на взяточный матаг с бухты-барахты, они спонтанно упустили прихватить нож для петуха и, естественно, отсутствие при мне такого снаряжения вызвало у них досаду…

Однако молодцы не растерялись, а на лету изобрели новую технологию, оттяпав голову жертвы осколком горлышка водочной бутылки, из кучи мусора после предыдущих матагистов…

И только в том году, когда я взобрался на вторую по высоте (и совершенно чистую) вершину, Кирс, со мной была имитация Швейцарского армейского ножа – подарок Ника Вагнера.

У него в ручке до фига всякой всячины: вилка, штопор, и даже пилочка для ногтей… Не помню куда я его потом запропастил.

Но сколько б я тут не раскручивал саморекламу, в павлиньем хвосте моих бродяжьих достижений отсутствует региональная вершина номер один. Линия фронта незавершённой войны между Азербайджаном и Арменией проходит по той горе. Так что, если не одна сторона, так другая меня не пропустит, а может, без вопросов – шмальнут синхронно.

Всё это к тому, что ломать сухие ветки руками, технически, не слишком-то и сложно, и вскоре я заготовил две достаточные кучи дров для предстоящего костра. Когда первая прогорит, нечищенный (так требует рецепт) картофан закапываешь в горячий пепел, а сверху надо навалить вторую,

чтобы и та сгорела.

Однако с кулинарией можно повременить немного, сперва установлю палатку, а то круто вздыбленный тумб за речкой уже бесповоротно застил солнышко, и от Варанды потянуло сумерками…

. .. .

(…в каждом человеке сидит пироман…

“ пировали пироманы пирогами с Пиросмани…”

Поначалу смахивает на недошлифованную скороговорку, но следом, исподволь, подкрадывается жуткий разделительный вопрос: Пиросмани тоже пировал в компании или же присутствовал там в виде начинки для пирогов?..)

Очень удачно вышло, что мне не удалось сломать этот толстый сук в процессе заготовки топлива, и теперь, чтоб не устроить пожар на всё поле, я обхожу кулинарный костёр систематическими кругами, как тот цепной кот учёный, и пресекаю поползновения к бегству пламенных протуберанцев, из тех что пошустрее…

Но вот, постепенно, костёр обведён чёрной ретушью сгоревшей травы, на смену дубиноносцу часовому явился праздный зевака, поротозейничать на огневую пляску поверх кучи сучьев, а несломимый дрын преобразился в посох для пóдтыка моего опорно двигательного аппарата…

А что тебе видится в языках пламени, или в трепещущем мерцании чёрно-седых головешек, разваливающихся на угольки?

(…мы были семенем, потом ростком, потом ветвями, почками…)

Теперь, превращая посох в кочергу, я разгребаю жар их воспоминаний о былом – сделать ямку на дюжину картошек: обед и завтрак, – 2 в 1.

Огонь ест дерево, я ем картошку, меня едят мошки…

(…кто не ест, тот не живёт, даже такие паиньки-тихони как кристаллы неслышно пожирают пространство своим безубойным ростом.

Однако никому не удаётся слопать время, ведь невозможно прожевать то, чего нет.

Время – это ржавая селёдка, которой сманивают лопоухих легковеров на ложный след. Элементарный лохотрон.

На самом деле, «время» – это подлог, чтобы покрыть серию различных состояний пространства.

Вот тебе место, освещаемое солнцем слева – это утро; а вот оно же в подсветке справа – вечер. Только и делов.

День как единица измерения времени? А-а, брось трандеть! День – всего лишь разница между двумя состояниями пространства…

Яблоко прибавить яблоко получится пара яблок, а не единица времени, блин! Дичь! Чушь собачья!

О, прости, милая! Тих-тих-тих… Ты только не пугайся, всё хорошо, серый волк далеко, за горами за долами, а тут всё схвачено и под контролем…

Ну а такое… как-то само собой… едва заходит речь про

эту сладкую парочку, пространство и время, и – у меня враз катит расширение сознания… Но совсем чуть-чуть! Почти что незаметно, если не всматриваться чересчур.

Это всё они, гады эти, как только взбредут на ум, хотя бы и слегка, совсем мимоходом, тут же – хрясь! – треск короткого замыкания, взъерепенюсь весь и – пошёл лепетать взахлёб полную галиматью и ахинею.

Чёрт знает что горожу, где и Господь ногу сломит… Ни дать ни взять – реинкарнация юродивого Васьки Блаженного, но тот был чокнутый, а тут научная тематика…

Зато не буйствую ничуть. На этот счёт ни-ни. Чёрта с два и Боже упаси.

Они оба могут подтвердить, что жертв, по ходу приступов, среди гражданских лиц не случалось, и мир животных не пострадал ни разу и никоим образом.

Наплету, наплету несуразиц, да в них же и запутаюсь, – тут и бзику конец, а дальше на мне опять хоть воду вози, или что уж там сочтут нужным навьючить на покорную спину кроткого йеху…)

~ ~ ~ ~ ~ ~ ~

~ ~ ~ Истоки

Что-то упорно мне подсказывает, что у тебя негусто сведений о личных корнях, генеалогических, по линии отца.

За материнскую сторону мне как-то спокойней, уверен, что той половине твоего фамильного дерева достаётся надлежащий уход, подкормка и поливка. Могу поспорить – бабушка твоя, Гаина Михайловна, детально изложила тебе: кто есть кто в 2-х предыдущих поколениях. Если не глубже.

Да, оно давно со мной, это подозрение, что в доме, где ты вырастала, родословную мою держали в чёрном теле. А если поминалась ненароком, то лишь в твоё отсутствие, а при тебе её ухватывали в ежовые рукавицы и затыкали кляпом жёсткого табу.

Подозрение переросло в уверенность благодаря письму твоей матери, где меня ставилось в известность о моей скоропостижно непредвиденной кончине.

Ну не то чтобы – бух! по мозгам: ты чё? не понял, что уже покойник? И, пока растерянно вшмыгиваешь носом воздух, чтоб хоть как-то прийти в себя, а слева и справа уже пара чертей – руки за спину заламывают волки́ позорные, и в ад – шлямблысь! – со всего размаху…

Нет! Деликатная подача в мягком ключе смягчала неожиданность факта, что мне пора уяснить раз и навсегда: ребёнку сказано, что папа умер, и нечего испытывать хруп-

кость детской психики видениям бродячего мертвяка, который нет-нет да и вынырнет с того света… Правильная презентация, она тебе хоть что самортизирует.

С тех пор, как призрак благовоспитанных манер, я избегал надолго покидать свою могилу, и в результате почти ни разу не схватил насморк, даже в самую мокву и слякоть.

А и к тому же у меня появился козырь для общественной жизни, и когда сосед в пивной начинал гнать пургу своей печальной повести, что хоть теперь он и никто, но в своё время ходил Старпомом на атомной подлодке, то в ответ, без всяких угрызений и зазрений (и на вполне законном основании), я поливал о своей карьере заслуженного лётчика-испытателя, покуда не разбился, да, трагически, на сверхсекретной модели нового поколения… Причём, за это не имеющее аналогов достижение, был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза. Посмертно, куда ж денешься… Печаль факта в том, что награда не нашла героя, потому что суки ленивые даже и не поискали толком, как всегда…

Сказать по чести, эта потетень не служит показателем моих способностей врубать форсаж фантазии не отходя от кассы. Увы, но нет.

Я просто катил плод коллективного творчества масс, потому что в ту романтическую эпоху, когда ребёнок матери-одиночки задавал вопросы о причинах неполного состава семьи, недоукомплектованная мамаша озвучивала традиционную отмазку: «Твой папа был лётчик, и – погиб».

Голые факты жизни приберегались для подруг из непосредственного окружения.

– Он младший счетовод был, девоньки, и разложил в конторе на столе. По гроб жизни не забуду как у меня под сракой те счёты ёбаные ёлзали. Туда! Сюда! Круть! Круть!..

Впрочем, на подробный корневедческий отчёт особо не рассчитывай, моё знакомство с деталями личного происхождения весьма шапочно, можно даже сказать – поверхностно до обидного: науку евгенику в те поры держали в том же загоне, что и нынче…

– – -

Мать матери твоего отца носила фамилию Пойонк, а по имени звалась Катериной.

Твой прадед, Иосиф Вакимов, Комиссар Первой Кавалерийской Армии Будённого, привез её из Польши как трофей, а может, как сувенир о легендарном эпизоде Гражданской войны, когда конники Будённого чуть было не разграбили Варшаву. Распутица, пся крев, карты спутала.

Факт их взаимоотношений был узаконен ЗАГСом тех времён, и спустя восемь лет родилась моя мать, Галина, за которой последовал её брат, Вадим, и их сестра, Людмила (каждый из последующих с интервалом в два года).

В разрозненных воспоминаниях всех троих, Иосиф был очень умный. Он знал Еврейский и Немецкий языки, и исполнял должность Торгового Ревизора в одной из южных областей Украины. В период нэпа (он же "новая экономическая

политика") у Катерины имелась отдельная пара туфель под каждое из её платьев.

В конце тридцатых, Иосифа арестовали (как большинство из бывших комиссаров), однако к стенке не поставили, не вычистили к чертям собачьим, в отличие от миллионов прочих «врагов Советского народа». Можно предположить, что у него нашёлся умный способ выкупить свою жизнь.

Его ждала ссылка в очень северную, но всё же Европейскую часть России.

Семья переехала туда же, а в начале сороковых, уже в полном составе вернулась на Украину – осесть в городе Конотоп, который вскоре был захвачен Германским Вермахтом.

После двух лет Нацистской оккупации, когда Немецкие войска откатывались под ударами Красной Армии на запад, мой дед исчез из дому буквально за день до освобождения. Вместе с ним пропал его велосипед – большая ценность по тем временам.

Наутро массированный артобстрел вынудил Катерину бежать с тремя детьми в пригородное село Подлипное, где осколок артиллерийского снаряда срезал ветвь Яблони над головой моей матери, стоявшей под нею (важная деталь, без тех десяти сантиметров, мне не пришлось бы сейчас писать это письмо тебе)…

К полудню, наступающие части Красной Армии освободили город и село. Катерина вернулась в Конотоп, где и взрастила, как мать-одиночка, своих детей – Галину, Вадима

и Людмилу…

Миновали ещё десять лет и Галина, старшая дочь в семье, познакомилась по переписке с Николаем Огольцовым, Старшиной второй статьи Черноморского ордена Красного Знамени Военноморского флота.

«Знакомство по переписке», – это когда почтальон приносит письмо, где в первой строке стоит: «Здравствуйте, незнакомая Галина…», а заканчивается оно словами: «пришлите, пожалуйста, свою фотокарточку!»

Вот почему, шесть месяцев спустя, Николай Огольцов, в свой отпуск, не отправился привычно посещать родную деревню в Рязанской области России, а купил билет до станции Конотоп, на Украине.

Широкий клёш его парадных Флотских штанов, а также ширина грудной клетки под тельняшкой, в глубоком вырезе форменной рубахи, золотобуквенная надпись «ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ» по чёрной ленте бескозырки над его лбом, которая раздваивалась сзади в пару хвостиков, свисавших до лопаток, с тиснёно-золотистым отпечатком якорька на конце каждой, и ещё один сияющий якорь (на этот раз медный) – в надраенной бляхе его поясного ремня, – глубоко впечатлили тихие улочки окраины, где он бродил, отыскивая дом, куда полгода слал письма в конвертах с добавочной строкой на обороте: «Лети с приветом, вернись с ответом!», собственноручного дизайна.

И три дня спустя, мои родители зарегистрировали свой

брак в Конотопском ЗАГСе, впопыхах позабыв предупредить мою бабушку Катерину.

(…подставлял ли Областной Торговый Ревизор Вакимов невинных людей после своего ареста?

Безусловно, да. Шоу шло должным образом, с конвейерной неотвратимостью, и всё, что тебе подкладывали, ты подписывал по доброй воле, либо подписывал ту же бумагу уже калекой, изувеченным битьём и пытками, которые именовались "следствием".

Сотрудничал ли он с Нацистскими оккупантами?

Знание языка предоставляло ему такую возможность, но в таком случае приходится предположить, что этим он занимался втайне от соседей и бесплатно, без улучшения жилищных условий и даже без новой пары туфель для своей жены.

Велосипед – тоже весьма красноречивая деталь: Немцам предстояло вести войну ещё больше года, у них нашлось бы место для здорового коллаборациониста мощностью в одну человечью силу, в кузове грузовика, движущегося в западном направлении…

Вероятнее всего, его до смерти пугала перспектива повторного «следствия» в НКВД, потому-то и крутил педали своей веломашины вдоль дорожной обочины, отчаянно пытаясь выжить… утлая скорлупка о двух колёсах на перепутьях бушующего океана мировой бойни. Где тебя захлестнуло?

Был ли мой пропавший дед Иосиф Евреем?

Участие в Гражданской войне на должности Комиссара, знание соответствующего языка, да и – чего уж там! – само уже имя, могут сочлениться в цепочку косвенного доказательства.

Однако высокий процент детей избранного народа среди революционных активистов той эпохи, не снимает вероятность исключений. Языковые навыки могли приобрестись в ходе работы посыльным и/или приказчиком в торговом заведении какого-нибудь Еврея-негоцианта.

Относительно имени, не следует забывать, что даже такой несомненный антисемит, как Товарищ Сталин, являлся его тёзкой…

Тем не менее мать моя, представляясь новым знакомым, предпочитала подменять отчество своё (уходящее корнями к миловидному персонажу из Ветхого Завета) его русифицировано омужиченной формой – «Осиповна»…)

Свои лучащиеся тёмной влагою глаза Галина унаследовала от своей матери Катерины Ивановны (Катаржины Яновны?), чья породнённость с коленами от семени Израилевой выглядит достаточно сомнительной.

Во-1-х, в красном углу её кухни висела тёмная лакированная доска с каким-то угрюмо-бородым святым (не берусь судить какой конкретно конфессии, мог оказаться и католиком). Плюс к тому, в сарайной загородке она откармливала свинью Машку на убой.

Но и опять-таки: икона могла прижиться, как маскирую-

щая деталь интерьера, в период Фашистской оккупации, а кошерные ограничения диеты легко опрокидываются Украинской поговоркой – «біда навчить коржи із салом їсти».

Разумеется, все эти безответные вопросы встанут в свой полный рост не сразу, а после возвращения твоих далёких предков с церемонии регистрации их брака в Конотопском ЗАГСе, куда мы не последуем за ними, поскольку делаем крутой разворот и движемся вспять, чтобы отследить линию происхождения отца твоего деда.

– – -

Линия, предложенная к рассмотрению, бесхитростно проста и незатейлива. С какого боку ни глянь, сразу бросится в глаза приземлённость этой линии. Ну ладно, чего уж дальше рассусоливать – происходил Михаил Огольцов из наидревнейшей людской породы: из крестьян, беспримесно…

Во глубине земли Рязанской находится районный центр Сапожок, в девяти или одиннадцати километрах от которого (это смотря у кого спросишь) расположена деревня Канино. Мой отец любил похвастать, что деревня повидала и лучшие времена, когда в ней насчитывалось до четырёхсот домов.

Ложбина с беззвучным из-за своей неторопливости ручьём делила деревню на «ихних» и «нашенских». Исстари сходился народ на пологие берега его для забавушки молодецкой, кулачного боя «Стенка на Стенку».

В аттракционе коллективного мордобоя, мужики из двух концов деревни упоённо крушили ряхи друг другу, по слу-

чаю какого-нито церковного праздника или же просто отметить светлое воскресенье. Да, умел народ распотешиться безоглядно, во всю ширь души неуёмную…

Отшумело. Быльём поросло. Неясным преданием обернулся Алёха-Шорник, легендарный боец и послушливый сын. Но уж тятька-та – ух! – держал его в строгости.

–Эт, куды?– Шумнёт бывалоча,– шибко богатый, сукин сын? Ну-кыть, работай, давай!

И могучий сукин сын тридцати трёх годов от роду, клонит широкие плечи над недоконченным конским хомутом, тычет шилом, дратву тянет, а сам весь там, на ристалище у ручья, откуда бегут запыханные мальцы со сводкой о боевой обстановке: «Ой, Алёша! Ох, и жмут ихние! Ломят нашенских!»

Но отец только – зырк! – и Алёха помалкивает, сопит над своей работой. И лишь когда в избе услышатся: «н-на!», «хрясь!», «плюсь!» – упорного отступления вдоль улицы, отец уже не выдержит боле.

Подхватится на ноги, подскочит к Алёхе и – хлобысть кулаком его в ухо: «Блять! Нашенских тама ломять, а этот расселси тут, распрое…»

Конца упрёка Алёха не слышит, – он уж за дверью, задворками и огородами оббега́ет битву «Стенок», потому что правила запрещают атаку противника с тыла, это потеха честная…

«Алёха вышел!» И – у наших открылось второе дыхание,

а из «ихних» кой-кто уже загодя валится наземь, потому как по правилам лежачих не бьют. А Алёха, глубоко сосредоточенный, вышибает стоячих одного за другим, а и без единого «распрое…» совсем даже…

Да, гремела деревня…

Коллективизация сельского хозяйства в СССР положила край невинным игрищам этим, а мудро спланированный Великий Голод, призванный закрепить революционные преобразования в жизни деревни, одолел Алёху, ну и тятьку его тоже прибрал, куда ж денется…

– – -

Мать моего отца, Марфа, застала жизнь при Царе, потому что к моменту Великой Октябрьской Социалистической Революции ей уже исполнилось десять лет. Десять лет спустя, она была уж мужней женой Михаила Огольцова, чтобы родить ему троих детей: Колю, Сергея и Александру (именно в таком порядке).

Проведение всеобщей коллективизации Михаил как-то пережил, но Голодомор не смог он осилить, и осталась Марфа матерью-одиночкой.

Она готовила суп из лебеды и менее съедобных трав, тело её и её детей опухало от голода, а куда пальцем надавишь – то так потом ямка и держится… Однако выжили.

Затем пошла эра каторжных работ в обобществлённом хозяйстве, оно же колхоз, где за труд платили грошовыми «трудоднями». Жизнь вертелась вокруг этих «трудодней» (¾

«трудодня» выдавались натурой – продуктами, произведёнными рабским трудом самих же деревенских на колхозном поле) и сходками в колхозный клуб, куда дважды в месяц привозили Советские кинофильмы: «Ленин в Октябре», «Свинарка и пастух» и тому подобное…

Чтобы смотреть кино бесплатно, деревенские пареньки крутили, в очередь, коленчатый рычаг динамо-машины, которая вырабатывала электричество, а привозилась на грузовичке, совместно с проектором и катушками кинофильмов в ведёрных банках из жести.

Летом 1941, Товарищ Иосиф Сталин ошелоумил народ своими словами по радио: «Дорогие братья и сёстры», – это ж как если Господь Всемогущий тебя за родственника вдруг признал. Дальше он объявил про вероломное нападение Фашистской Германии на Советский Союз, и мужиков угнали на войну, поголовно…

Немцы так и не достигли Канина, хотя фронтовая канонада ворочалась на горизонте. Потом в деревню пришли подразделения резерва Красной Армии, мужики из Сибири, с их удивительным обычаем – сесть после парной бани во дворе и задумчиво затягиваться самокруткой, в одних штанах и нательной рубахе, под звёздами в тёмном небе морозной ночи.

Сибиряки ушли в сторону канонады, и вскоре та затихла. В деревне, канувшей в глубокую тишь, остались лишь бабы, девки да пареньки слишком молодые для призыва.

Ах, да! Ещё председатель колхоза, однорукий инвалид в

общевойсковой гимнастёрке.

Так оно и шло, не днями и неделями, а месяцами, из году в год. И, от жизни такой, у баб случился коллективный сексуальный вывих – соберутся в какой-то избе или бане, и ну влагалища друг у дружки рассматривать, комментируют, суждения выносят, чья краше…

Взяв след этого Возрождения Сапфоизма, председатель колхоза сделал попытку пресечь досадно массовый лесбийский уклон, прежде чем о нём пронюхает районное руководство. И созвал он общее собрание для одних только баб и девок в колхозном клубе.

Деревенские парни тоже приняли участие. Без его ведома. Они втихаря проникли в кинопрожекторную комнату клуба и, разиня рты, подглядывали через окошечки для демонстрации кино, как председатель материл собрание во всю ивановскую. Учащённо трахая своим единственным кулаком по трибуне, он клятвенно заверял собравшихся и их мать-перемать заодно, что повыведет это грёбаное пиздоглядство калёным железом.

(Я отчасти смягчаю невзыскательное очарование, проникавшее буколическую прямоту выражений в речи оратора…)

Мой отец так и не узнал, исполнил ли инвалид своё обещание, потому что его загребли (моего отца) в Красную Армию. Вернее, в его случае это был Флот, но всё равно Красный…

~ ~ ~

Вторая Мировая догорала, однако мясо пушечное жрала́ всё так же жадно.

Коле, пареньку из рязанской деревни, и многим другим паренькам из разных других мест, выдали полосатые Флотские тельняшки, чёрные штаны, чёрные рубахи под чёрные бушлаты и около месяца муштровали, обучая основам боевой подготовки, чтобы чётко исполняли команды: «стой! раз-два!», «смирно!», «разойдись!», да умели бы отличить приклад винтовки от её штыка.

Потом их посадили – прям как были, в чёрном – на быстроходные десантные катера для захвата плацдарма где-то в верховьях Дуная, в Австрии.

Но как ни спешили проворные судёнышки, десант не поспел захватить плацдарм – Фашистская Германия коварно капитулировала, и не осталось на кого бежать чёрной массой со штыками наперевес.

(…когда-то, очень давно, я втайне огорчался на этом месте: эх! не успел Папа стать героем! Теперь же наоборот, меня радует, что мой отец ни разу не выстрелил и никого не убил, даже нечаянно.

И всё-таки он считался ветераном Великой Отечественной войн, и по особым годовщинам типа 20-летнего или 25-летнего, или (так далее) Юбилея Великой Победы, его награждали памятными медалями участника, которые он держал в ящике серванта, но ни разу не нацепил, в отличие от тех ветеранов, что побрякивают своими коллекциями на

гражданских пиджаках, по случаю очередного Дня Победы…)

Потом его взвод пару месяцев охранял (непонятно зачем и от кого) необитаемый Остров Змеиный у побережья Болгарии, а может Румынии, откуда его перевели в мотористы на военный тральщик, крохотное судно с малочисленным экипажем.

Морская жизнь моего отца началась переходом из Севастополя в порт Новороссийск, по неспокойному Чёрному морю. Не то, чтобы оно штормило, но болтанка случилась изрядная…

Качаться на качелях в парке – весело, но после пары часов этой потехи, желудок выбросит всё, что случайно залежалось в нём от позавчерашнего завтрака. Тот морской переход тянулся дольше…

Когда Краснофлотец Огольцов сошёл на берег в порту назначения, даже суша продолжала раскачиваться у него под ногами. Он попытался вырвать между высоких штабелей из длинных брёвен, складированных вдоль причала, но не оказалось чем.

Молодой моряк сел там же, где стоял на уплывающем из-под ног портовом сооружении и, глядя на стену штабеля деловой древесины, которая продолжала вздыматься и опадать, решил, что помрёт непременно – не выжить ему на морской службе…

(…нетрудно придти к выводу о ложности подобного пред-

положения, поскольку он не встретил ещё твою бабушку и не зазвал пойти с ним в ЗАГС. И твоя бабушка – по отцовской линии – не родила ещё троих детей, так и не став матерью-одиночкой: беспрецедентный случай за весь этот экскурс в генеалогию…)

Итак, морская болезнь не уморила моего отца. Он научился переносить или как-то терпеть качку. Татуировка синего якоря пришвартовалась на тыльную сторону кисти его левой руки, а вдоль правой – от запястья до локтя – запечатлелся контур стремительно летящей ласточки (такой же синей, как и якорь) с крохотным конвертом в клюве («лети с приветом!..»), и на своём утлом корабле-тральщике он бороздил широкие просторы Чёрного моря, очищая его от морских мин.

Для того, собственно, и предназначены минные тральщики на Флоте.

Основное отличие морских мин от их сухопутных разновидностей в том, что морские мины нужно привязывать, не то расплывутся кто куда, и будут рвать кого попадя, не разбирая «ихних» от «нашенских». Потому-то морскую мину фиксируют к якорю, который, в свою очередь, хватается за морское дно.

Мина (железный шар наполненный воздухом и взрывчаткой) всплывает над своим якорем, не достигая, однако, поверхности, – её удерживает на привязи тонкий прочный трос, чья длина устанавливается из расчёта на глубину фар-

ватера в месте размещения минного поля. И там эти морские мины висят, на пару метров ниже поверхности, в ожидании, когда проходящий корабль заденет один из рожков-детонаторов, что торчат из корпуса мины в разных направлениях, наподобие солнышка в детском рисунке…

Благодаря своей мелкой осадке, военный тральщик проходит над минным полем, не задевая торчащих детонаторов. У себя за кормой, судно волочит по дну моря широкую петлю из толстого стального троса, который обрывает связь мины с её якорем и, освобождённая от привязи, она всплывает на поверхность для предстоящей ликвидации.

На завершающем этапе чистки, от тральщика отваливает весельная шлюпка, направляясь к бесхозно дрейфующей мине. Задача экипажа шлюпки: прификсировать динамитную шашку с Бикфордовым шнуром на плавучий железный шар. (Причём задание исполняется не на тихом пруду в парке, а среди бегущих волн открытого моря, где сферический череп мины возносится над шлюпкой, затем проваливается под неё, норовя боднуть в бок рогом детонатора).

Финальную точку в приключениях мины ставит боцман, что расселся на лодочной корме с раскуренной папиросой в ощеренных зубах. Папироса не для форсу – вот, мол, какой я стрёмный пофигист, она – инструмент, приготовленный для поджога шнура. Вот он занялся и – И-раз! И-раз!

Гребцы выкладываются не жалея сил, сачкующих нет на вёслах. Подальше, как можно дальше, покуда шнур дошипит

к оглушительному «БУ-БУХ!».

Заряд тола в морской мине рассчитан рвать корпуса броненосных линкоров…

При разложении на составные элементы, романтический героизм куда-то улетучивается, и разминирование морских путей начинает смахивать на работу трактора, что фырчит и лязгает в колхозном поле.

Точно так же, с утра пораньше, военный тральщик выходит в заданный квадрат акватории, и день-деньской бороздит его покрытую толщей воды площадь – вперёд-назад, – со спущенным за корму тросом, а назавтра судёнышко ждёт следующий квадрат.

В общем, героизм экипажа военного тральщика – бригадный и то, что мой отец остался в живых – заслуга общая: каждый хорошо выполнил свою часть работы.

Простой пример:

В конце обычного рабочего дня, Николай Огольцов присматривал за лебёдкой на корме, куда наматывался толстый трос, таскавшийся за тральщиком всю смену. Вдруг он заметил мину, целеустремлённо преследующую их корабль, потому что её оборванная привязь спуталась взахлёст с тросом, ползущим по морскому дну, и мина, неизвестно сколько времени, таскалась за ними под водой, в недовсплывшем состоянии.

И вот теперь донный трос сматывается на барабан вместе с приставучей миной. Выключать лебёдку уже слишком

поздно – она продолжит вращаться по инерции: недолго, но достаточно, чтобы подтащить мину для удара в корму рогом детонатором.

Рубаха на Папе отлипла от тела, раздулась, как вставшая дыбом шерсть на животных, в момент смертельной для них опасности, и он взревел «полный вперёд!» до того истошным, нелюдским криком, что находившийся на мостике Капитан мгновенно подчинился и продублировал команду судовым телеграфом в машинное отделение.

Моторист, папин сменщик, немедленно отреагировал. Ускоренно взвертевшись, лопасти винта, взбили воду, взбуруненный напор которой послабил и отцепил захлестнувшийся обрывок привязи. Мина отстала, покачиваясь на воде…

Так слаженная команда спасли жизнь друг другу…

Пять лет спустя, на морских путях не осталось неизборождённых тральщиками квадратов, и моего отца перевели служить на сторожевой корабль, опять-таки мотористом корабельного дизеля. Ещё через год, истёк повторный срок его Флотской службы —

(…из-за тяжёлых потерь во Второй Мировой войне, срок службы в Советской Армии был удвоен, пока подрастут следующие поколения призывников: армейская служба до шести лет, служба на Флоте до восьми… Да, тянуть лямку на два года больше, чем пехоте, но утешайся тем, что только Флотские носят такую крутую форму: тельняшка, золотые

якорьки, клёш… когда сойдут на берег…)

– и моему отцу была предложена работа в «почтовом ящике».

– – -

В те времена в СССР развелось множество секретных институтов, секретных заводов и даже секретных городов. Для поддержания секретности, пришлось частично отменить привычные почтовые адреса, чтобы шпионы вражеской разведки не догадались, где какой секрет находится.

В результате адресат переставал жить на какой-то улице, в каком-либо городе, какой угодно области, к нему адресовались намного проще: «Н. Огольцов, Почтовый Ящик № ****».

Поскольку за полгода до своей демобилизации Краснофлотец Огольцов Н. М. зарегистрировал брак с гражданкой Вакимовой Г. И., то и её ждал один с ним «почтовый ящик» в Карпатских горах.

Роддома в «ящике» не оказалось, и моей матери, для моего рождения, пришлось посетить город Надвірна, в 30 километрах от областного центра, он же город Станиславль, позднее переименованный в Ивано-Франковск (по-видимому, ещё кого-то понадобилось заморочить и сбить со следа).

Поездка пугала её больше, чем предстоящие роды, поскольку Бандеровцы обстреливали машины на дорогах.

(…долгое время я считал Бандеровцев жестокими бандитами и пособниками Нацистов. А что ещё остаётся думать,

если целая дивизия Западных Украинцев, «Галичина», воевала против Красной Армии?

Затем, довольно постепенно, мне дошло, что за два года до Немецкого вторжения, Красная Армия оккупировала Западную Украину и помогала там Советской тайной полиции, она же НКВД, в депортации и убийствах потенциальных противников Советского режима.

Казнили без суда, на всякий, массовыми расстрелами.

Кроме того, что такое дивизия по сравнению с армией? Среди товарищей по оружию Германского Вермахта имелась и Русская Освободительная Армия, РОА, в рядах которой насчитывалось до миллиона военнослужащих, сражавшихся за Россию, против СССР.

И наконец, рядовые Красноармейцы, участники событий той поры, рассказывали мне, что Бандеровцы воевали одинаково круто против Советских и Немецких войск. Так, легендарный Советский разведчик Н. Кузнецов погиб в случайной стычке с Бандеровцами, подвернувшись им в мундире Фашистского майора…

Это были Карпатские партизаны, которые защищали свою родину от сменявших друг друга освободителей, они же поработители. Однако для моих родителей, во всю их прожитую жизнь, Бандеровцы неизменно оставались бандитами…)

И даже два года спустя, когда моей матери пришёл срок снова отправиться в роддом, на склонах Карпатских гор продолжали греметь ожесточённые автоматные и пулемётные

очереди, но она их уже не слышала, потому что мужа её перевели из одного «почтового ящика» в другой, из Закарпатья на Валдайскую возвышенность.

Причиной перемены обстоятельств жизни моих родителей послужил письменный донос в Особый Отдел предыдущего «почтового ящика». Донос поступил в письме из Конотопа, от жителей дома, в котором Галина Вакимова проживала до своего замужества.

Дом (на Конотопском разговорном «хата») представлял собой одноэтажное строение размером 12 х 12 метров и являлся разделённой собственностью. Половина хаты принадлежала гражданину Игнату Пилюте.

Остальная половина распределялась поровну между гражданкой Катериной Вакимовой, с тремя её детьми, и гражданами Дузенко, с их дочерью, таким образом, что каждая из двух вышеозначенных семей располагала 1 (одной) дощатой прихожей, 1 (одной) кухней и 1 (одной) комнатой.

Дочь граждан Дузенко вышла замуж за гражданина Старикова, который переехал в принадлежавшую её родителям четверть хаты. Одной кухни и одной комнаты оказалось недостаточно для приемлемого сосуществования родителей и молодой четы.

В целях расширения своего жизненного пространства, Дузенко и Стариков выведали номер «почтового ящика» и составили письмо в его Особый Отдел.

Донос информировал, что отец Галины Вакимовой (на

данный момент Огольцовой) арестовывался органами НКВД как враг народа, однако накануне войны сумел каким-то непонятным образом вновь объявиться на Украине.

Во время Нацистской оккупации, по его месту жительства располагался Немецкий штаб (что верно, отчасти, так как на Пилютиной половине хаты квартировали штабные офицеры роты Германского Вермахта). При наступлении Красной Армии, Иосиф Вакимов бежал совместно с отступающими Фашистами.

Особые Отделы секретных объектов отличала особо неукротимая бдительность и цепкость, так что родственникам Иосифа, исчезнувшего столь вопиюще предательским образом, светил, как минимум, арест и ссылка, что решало жилищную проблему доносителей.

Однако в своих вполне логичных расчётах, вернее в применении, без раздумий, шаблонного в те годы приёма обеспечиться жилплощадью, они не учли фактор времени. На тот момент Великий Кормчий, Вождь и Учитель Народов, Товарищ Сталин, успел почить в бозе. Гайки, затянутые в бытность его до предела, мало-помалу начинали послабляться.

Конечно, Николая Огольцова неоднократно вызывали в Особый Отдел для дачи показаний. Состоялся обмен официальной перепиской между Особым Отделом «ящика» и Отделом Внутренних Дел города Конотоп. И всё же репрессировать моего отца не стали, учтя его абсолютно крестьянское происхождение, а также факт, что его так охотно слушались

моторы-дизели, производившие электроэнергию на засекреченных объектах.

Вместе с тем, многолетняя натасканность особистов не позволяла оставить «сигнал» информаторов без внимания, и моего отца, на всякий, перевели в другой «почтовый ящик», подальше от границ с зарубежными странами.

. .. .

Вторые роды Галины Огольцовой состоялись за пределами нового «ящика» – в соседнем, незасекреченном, райцентре.

(…похоже роддом, вернее его отсутствие, являлся Ахиллесовой пятой тогдашних антишпионских предосторожностей…)

Поначалу, запредельный роддом наотрез отказывался её принимать. Из-за слишком чёрных волос и ярко-красных цветов на ситце халата, Галину сочли Цыганкой.

Однако сопровождавший её муж («Коля, ну, скажи ты им!») до того веско опроверг скоропалительное заблуждение, что сегрегационно настроенные медсёстры изменили своё отношение и отперли-таки дверь перед роженицей.

Полтора часа спустя медперсонал оповестил отца, что жена подарила ему дочку, а ещё через пять минут его снова поздравили, но уже с рождением сына.

И тогда: «Гасите!» – ликующе вскричал отец наш (мой и новорожденных), – «Скорей гасите лампочку в родильной! Они на свет идут!»

– – -

(…есть две разновидности истории, и совсем неважно идёт ли речь об отдельно взятой личности или о многомиллионном обществе:

1) история незапамятная, представленная в двусмысленных легендах, сомнительных мифах и неясных преданиях; и

2) история фиксированная,чьи факты (порой фальсифицированные) чётко очерчены, увязаны с определённым летоисчислением, и отражены в общественных хрониках, того или иного вида, или же в личной памяти, если рассматриваем индивидуальную особь…)

Все дети моих родителей с восторгом внимали семейным преданиям, когда у Мамы с Папой появлялось настроение поведать о деяниях самих же слушателей в былые времена, оставшиеся за пределами их детской памяти…

О том, как старший, например, впервые начал ходить на вокзале, за несколько минут до отправления поезда из Карпат на Валдай. На последующих крупных станциях, Папа выносил меня на очередной перрон для закрепления слабых, пока что, навыков хождения, ведь шаткий пол мчащего вагона не слишком-то годится начинающим…

На новом месте семье предоставили деревянный дом, откуда меня выпускали для самостоятельных прогулок во дворе, окружённом брусками штакетника среднего роста.

И всякий раз Мама диву давалась – где, в настолько аккуратном дворике, я умудряюсь находить такую грязищу и вот

опять пришёл с прогулки завозюканный как поросёнок.

Переодевая меня в очередной раз, она предложила Папе разгадать эту загадку.

И что же он видит, подглядывая в щель не до конца прикрытой двери?

Едва за порог, – ребёнок не колеблясь топает в угол двора, а там какой-то из брусков ограды болтается на только одном – верхнем – гвозде.

Толкнул штакетину в сторону, протиснулся и – нет его!

На улице малыш, пыхтя, кряхтя, штурмует кучу песка, сваленную для строительства соседнего дома.

Вершина взята, и альпинист – плюх на пузо! Па-а-ехал донизу по мокрому после дождя песку! Да ещё хохочет, довольный такой. Ну разве настираешься на этого негодяя?

Пока Мама снова меняла одежду на мне, Папа вышел во двор с молотком, и прибил недозакреплённый брусок. Потом он вернулся и, вместе с Мамой, стал наблюдать исподтишка: ну-ну, а теперь-то – что?

Мальчуган подошёл к привычному месту и толкнул штакетину. Та не шелохнулась. И соседки её тоже не подались. Ребёнок прошёл вдоль ограды, дважды, безрезультатно дёргая бруски, каждый, затем остановился и заревел отчаянно и горько…

В моей памяти не сохранился деревянный дом, нет там и дворика, но от рассказа родителей в глазах начинало пощипывать сочувствие детской обиде. За что?!.

От следующей легенды, неслышная лапа касалась волос на моём загривке, мягко ерошила их, прежде чем вонзить свои тонкие, как иглы, когти жути в шейные позвонки пониже затылка, потому что Мама вдруг встревожилась, что меня давно и нигде не видно, и послала Папу пойти посмотреть, где я.

Он оглядел двор, вышел за ворота. И там всё пусто, и соседи ничего не знают, а уже вечереет.

Папа прошёл вдоль улицы ещё раз, из конца в конец, а потом обратил вдруг внимание на громкий шум воды, и поспешил на крутой, почти отвесный обрыв, под которым катила река, сердито вздувшись от дождей. А там, далеко внизу, он увидал сынулю.

Бегом, Папа! Бегом!

Поток мутной, прибывающей воды покрыл узкую полоску берега под высоким обрывом. Пришлось бежать по колено в воде.

Мальчик лежал, прижимаясь к мокрой глине откоса, в кулаке – стебель случайной былинки, бурлящий поток бежит по ногам. Он даже и не плакал, а только хныкал потихоньку: «ыхы, ыхы…»

Папа закутал его в свой пиджак и насилу отыскал место, где можно подняться наверх без рук…

Но с какой гордость трепетали крылья моего носа при пересказах, что не кто-то, а именно я дал имена сестре и брату!

Из-за того, что у меня имя брата моего отца, на двойня-

шек заготовили имена маминых сестры и брата. В роддоме, к ним уже так и обращались – Вадик и Людочка.

Однако когда младенцев привезли домой, и родители меня спросили: как же мы их назовём? – я не задумываясь, ответил: «Сяся-Тятяся!»

И никакие ласковые уговоры не смогли меня переубедить.

Вот почему моего брата зовут Александр, а имя моей сестры Наталья.

~ ~ ~ ~ ~ ~ ~

~ ~ ~ Детство

Всему когда-то настаёт конец, и первую борозду окончательной черты под моим легендарным прошлым проложили нестерпимо резкие лучи солнца.

Дальше рассчитывай только сам на себя (выскрёбывали лучи той бороздой), затем и дана тебе память, чтобы держал в ней факты, а родителям и без тебя забот хватает.

Конечно, мне не хватало подготовки, чтобы осмысленно интерпретировать скрежет беззвучных лемехов. В ответ я недовольно жмурил глаза, бычился лбом и отворачивал лицо от солнца, стоя на зелёном ковре, что устилал мой пьедестал.

Это Мама за руку меня втащила на обросший свежей травой взгорочек.

И мы стояли там, ладонь в ладони, над головами чёрных людей, что затолпили собой всю дорогу, по которой Мама вела меня в детсад.

Их марширующая масса орала мне весёлые приветы. Однако моя вздёрнутая вверх рука ответно не махала, пока что не приученная мотивировать толпу в правильное русло. К тому же Мама сжимала её слишком крепко.

Но всё равно я чувствовал себя большим и очень важным – вон сколько взрослых зэков выкрикивают моё имя!

Слишком краткое знакомство с фактами жизни не позволяло осознать, что внимание колонны расколоколилось при-

сутствием такой красивой молодой мамы…

. .. .

Зэки строили два квартала двухэтажных домов наверху Горки и, когда они кончили первый, наша большая семья переехала в двухкомнатную квартиру на самом верхнем, втором этаже восьми-квартирного дома. Весь квартал состоял из шести домов, оцепивших прямоугольный периметр большого двора.

Подъезды всех зданий выходили во Двор, каждый целился в точно такой же подъезд точно такого же дома по ту сторону прямоугольника.

Четыре здания по углам преломлялись пополам под девяносто градусов, и в них имелось по три подъезда, а в двух оставшихся всего по одному. Но именно без этой пары коротышек, не вышел бы прямоугольник, и Двор без них остался бы просто квадратом.

Дорога твёрдого бетона охватывала наш Квартал и его зеркальное отражение – недостроенного близнеца – объединяя и разлучая их, как петли в 8 или в ∞. Хотя, конечно, не настолько закруглённо. Просто мне негде взять квадратную восьмёрку для наглядности.

Как только меня выпускали погулять, я спешно покидал безлюдную бездетность Двора, и убегал через дорогу в соседний, строящийся квартал.

Рабочие зэки, меня не прогоняли, а когда им привозили обед, они делились со мной своим супом баландой…

Замечательно быстрый рост запаса сочных междометий в моём, на тот момент всё ещё детском лепете, прямым текстом настучал моим родителям о круге общения у их ребёнка, в котором на обед «опять, сука, щи, хоть ху. полощи!», и они тут же сдали меня в детский сад.

Горка, самая верхняя часть секретной территории, поделилась своим именем с двумя кварталами на ней. Со всех сторон закольцевавшей их дороги рос лес, но ни одному дереву не удавалось пересечь бетон дорожного покрытия…

Когда второй из кварталов «Горки» был завершён, зэки исчезли полностью, и дальнейшие строительные работы на «Объекте» (население «Почтового Ящика» почему-то предпочитали называть их место жительства именно так) производили солдаты с чёрными погонами на плечах их формы, они же «чернопогонники».

Кроме них, имелись на Объекте и «краснопогонники», но чем такие занимались там – поныне ума не приложу.

~ ~ ~

Путь в детский сад начинался за углом нашего дома.

Надо перейти бетон окружной дороги, и топать вниз пологим затяжным спуском по простой дороге, пролегшей к воротам в заборе из колючей проволоки вокруг бараков Учебки Новобранцев.

Однако мы до них чуть-чуть не доходили, сворачивая вправо на широкую тропу через Сосновник, в обход Учебки с её проволокой, а также оставшегося на свободе большого

чёрного пруда, с высокими деревьями вдоль берега, но уже лиственными.

Затем путь круто скатывался вниз через густую чащу молодого Ельника. За спуском открывалась широкая поляна среди леса, вся окружённая забором с просветами между остроконечных досок, которые деревьев не впускали.

А вот кустам удалось пробраться к двухэтажному зданию, в окружении сетью узких дорожек, что расходились от него к игровым площадкам с песочницами, с домками-теремками, и качелями. Но не те качели, которые вперёд-обратно, а такие где вверх-вниз, и на них надо только вдвоём, а одному не получается.

Совсем близко от здания стоял даже взаправдашний автобус, короткий, но с большим носом. Стоял он на брюхе, из-за отсутствия колёс, снятых для удобства зашагивать в него прямо с земли. Однако рулевое колесо и сиденья остались при нём, как раньше, когда он ещё ездил.

Зайдя в детский сад, нужно снимать пальто с ботинками, чтоб они дожидались тебя в узком высоком шкафчике.

Тут их таких много, но только всего один, где пара весёлых Вишенок на дверце. Открываешь, а там внизу – тапочки, которые нужно одеть сперва и только уж потом ступеньками подниматься на второй этаж, где три большие комнаты для разных групп.

И есть ещё одна, совсем большая, чтобы там кушать, сразу всем вместе, за маленькими столиками…

. .. .

Моя детсадовская жизнь складывалась из всевозможных чувств и ощущений.

Нескрываемая гордость победителя посреди шумной раздевалки, куда набились родители разберать своих детей и где (с подачи Мамы: «Ты же умеешь! Вот попробуй!») я обнаружил, что могу сам завязать шнурки своих ботинков на бантик, совсем без никакой помощи…

Горечь по причине унизительного поражения, когда те же самые шнурки (только грязные и промокшие) затянулись в тугие гадские узлы, и их пришлось распутывать Маме, хотя она сама уже опаздывала на свою работу…

В детском саду никогда не знаешь наперёд: что может случиться с тобой за день, пока Мама, а иногда Папа или соседняя женщина с «Горки», придут забирать тебя домой… Потому что пока ты тут, тебе ни с того ни с сего могут сунуть блестящую трубку на тонком резиновом шланге глубоко в нос, и пшикнуть туда колючий порошок гадостного вкуса, который потом никак не вычихивается.

Или заставят выпить целую столовую ложку вязко противного рыбьего жира: «Давай-давай! Знаешь как полезно?»

Самый страшный ужас, если объявят, что сегодня день укола. Дети снимают рубашки и выстраиваются в тихую очередь к столу. А на нём позвякивает стальной крышкой коробка медсестры, откуда она достаёт сменные иглы для своего шприца.

Чем ближе к столу, тем жутче давит ужас и грызёт зависть к счастливчикам, кому укол уже сделан, и они отходят, прижимая к плечу кусочек ваты, возложенный медсестрой, радостно хвастаясь, что вовсе не больно было, ну ни капельки…

Дети в очереди перешёптываются, как хорошо, что сегодня укол не «под лопатку», он самый страшный из всех…

А самые лучшие дни, конечно, субботы. Кроме обычного обеда из ненавистного фасолевого супа, на столики расставляют сметану – чуть не по полстакана! – поверх неё крупицы сахарного песка, и вставлена чайная ложечка.

И в субботу детей не отправляют по кроваткам отлёживать «тихий час». Заместо этого, в столовой наплотно завешивают окна одеялами и на какой-нибудь из белых стен показывают диафильмы – картинки с надписями внизу.

Воспитательница не спеша читает белую надпись, а следом спрашивает – хорошо ли все дети рассмотрели картинку?

И только после этого, начнёт она прокручивать на следующий кадр, где Матрос Железняк захватит бронепоезд Белых или Ржавый Гвоздь станет совсем новеньким, после купания в сталеплавильной печи, смотря какая плёнка заряжена в диапроектор…

Меня эти субботние сеансы восторгали трепетно: негромкий голос из темноты, светящаяся лесенка прорезей в боку проектора, картинки, медленно вплывающие в яркий квад-

рат на стене – всё складывалось в неведомо магическое таинство…

~ ~ ~

Пожалуй, детсад мне больше нравился, чем наоборот, хотя порой меня там подстерегали непредусмотренные рифы. На один из которых я напоролся, когда Папа отремонтировал дома будильник.

Он отдал его Маме в руки и сказал: «Готово! С тебя бутылка!»

Не знаю почему, но эти слова мне показались настолько восхитительными, что в детском саду я с восторгом воспроизвёл их своим одногруппникам, чтобы поделиться чувством. А воспитательница воспроизвела моё воспроизведение Маме, когда та пришла забирать меня домой.

По пути через густой тёмный Ельник, Мама сказала, что сделанное мною – стыд и позор. Нельзя, чтобы мальчик рассказывал посторонним про всё, что бывает в семье. Теперь вот могут подумать, что у нас Папа алкоголик, разве этого я хочу, а? Мне это надо?..

О, как же я ненавидел себя в том Ельнике!..

И именно в детсаду я полюбил впервые в жизни. Пришлось приложить все силы и превозмочь незваное чувство.

Нет, я не признался в нём, а просто отвернулся и ушёл, возможно, что и убежал даже, – с грустью понимая всю безнадёжность этой любви. Бездонная – глубже глубокой пропасти – возрастная разница отделяла меня от смуглой девоч-

ки с вишнёвым блеском тёмных глаз… Она была на два года младше.

И до чего недостижимо взрослыми казались бывшие детсадницы, что посетили нас после своего первого дня в их первом классе! В их белых праздничных фартучках, напыщенно чинные и чопорные, они едва снисходили до редких откликов на оживлённые расспросы нашей (бывшей их) Воспитательницы.

В детском саду воспитательницы и прочие работницы ходили в белых халатах, не снимая, не по каким-то особо торжественным дням, а постоянно…

Впрочем, везде есть исключения. Как с той женщиной, что сидела рядом, на одной со мной скамейке возле песочницы, и утешала от очередной (какой конкретно мне уже не вспомнить) из моих горестей – ушиб, царапина, возможно, новая шишка на лбу.

Однако что звали её Зина, мне не забыть вовеки…

Её тихая ладонь ласково гладила мне голову, и я забыл плакать, прижимаясь щекою и виском к её левой груди.

Другая щека и зажмуренные веки моих глаз нежились тёплым солнцем, и я слушал глухие толчки её сердца под зелёным, пахнущим летом, платьем…

Пока не прозвучал от здания пронзительно ненужный крик: «Зинаида!»

~ ~ ~

А дома у нас добавилась бабушка, которая приехала из

Рязани, потому что ведь Мама ходит на работу, а кому-то же надо смотреть за Сашей-Наташей, помимо многих других дел по дому…

Баба Марфа носила ситцевую блузу навыпуск, поверх её тёмной прямой юбки до самого почти что пола, и белый, с голубыми крапушками, платок поверх волос. Его мягкий большой квадрат она складывала диагонально, и получался треугольник.

Баба Марфа возлагала его себе на голову – серединой гипотенузы к середине запрокинутого лба, а затем завязывала длинные висячие углы тканевой фигуры податливым узлом под своим круглым подбородком…

Мама работала в три смены у себя на работе – на Насосной Станции. А Папа ходил на свою, где Дизельная Станция, но тоже в дневную, во вторую, и в ночную смены. Не сразу все за один день, конечно. Работал он одну, просто она менялась каждую неделю.

Где его Дизельная Станция, я так и не узнал, однако наверняка в лесу, ведь Папа принёс однажды кусок хлеба, завёрнутый в газету, а этот свёрток ему дал Зайчик по пути домой.

– Ну, иду я домой после смены, смотрю – Зайчик под деревом, и он мне говорит: «Отнеси это Серёжке и Саньке с Наташкой!»

Хлеб от Зайчика намного вкуснее, чем тот, который Мама нарезает к обеду…

. .. .

Иногда смены родителей не совпадают, и кто-то из них получается дома, пока другой кто-то у себя на работе.

В один такой раз, Папа привёл меня на Мамину работу в маленьком здании из кирпичей. А дверь зелёная, и за ней, сразу как зайдёшь – маленькая комната с маленьким окошком, только очень высоко в стене над старым большим столом с двумя стульями.

Но если туда не заходить, а свернуть налево в коричневую дверь, то там вокруг большой тёмный зал, где что-то всё время гудит и воет. А далеко в зале тоже стол стоит, поменьше, за которым сидит Мама и работает свою работу.

Она совсем нас не ждала и очень удивилась, а потом показала мне журнал, под лампой, что светит на её столе, куда надо записывать время и цифры из-под стрелок на манометрах. У них у всех большие круглые лица за круглым стеклом, под которым цифры, и они стоят в самом конце разных железных узких мостиков с перилами, потому что во всём зале пола нет, а повсюду только тёмная вода, чтобы насосы её качали.

И это как раз от насосов такой ужасный гул и шум всё время, что приходится их перекрикивать, но даже и тогда не всё слышно. «Что?! Что?!»

Поэтому мы вернулись в комнату напротив входа, но я теперь уже знал, кто это за стеной гудит.

Мама достала из ящика в столе карандаш и ненужный

журнал, где уже много страниц вырвано, чтобы я порисовал каляки-маляки.

Я занялся рисованием, а они, хотя им не было занятия, и шум уже больше не мешал, молчали почему-то, и только всё смотрели друг на друга.

Когда я докончил большое круглое солнце, Мама спросила – может, я хочу поиграть во дворе?

Во двор мне вовсе не хотелось, и я заканючил, но тогда Папа сказал, что раз я не слушаюсь Маму, он больше не приведёт меня сюда никогда-никогда.

И я вышел.

Двор оказался просто куском дороги из мелких камушков, через которые выросла трава – от ворот и до деревянного сарая, чуть дальше правого угла Насосной Станции. А сразу за спиной здания стоял крутой откос в сплошной крапиве, куда никак не протиснуться.

Я вернулся к зелёной двери, от которой короткая бетонная дорожка спускалась к совсем маленькому домику в побелке, но без никаких окон, а с большим висячим замком на железной двери.

Ну, как тут вообще играть-то?

Правда, были ещё две круглые горки, обросшие травой. Они стояли с каждой стороны от белого домика, который просто карапузик между ними.

Хватаясь за длинные пучки травы, я взобрался на правую. С такой высоты стало видно пустую крышу Насосной Стан-

ции и соседнего с ней сарая. А крапиву я уже и так видел.

С другой стороны, за проволокой забора, тянулась полоса кустов, за которыми текла быстрая речка, но меня точно накажут, если пойду за ворота…

Для всякой дальнейшей игры оставалась одна только вторая горка с тонким деревцем у неё на макушке.

Я спустился к белому домику, обошёл его сзади, и вскарабкался на соседнюю горку. Отсюда сверху видно было всё то же самое, просто здесь ещё стояло деревце, которое можно потрогать.

Вспотевший и разгорячённый подъёмом, я лёг на тонкую полоску тени от дерева.

Ой! Что это?!. Что-то куснуло меня в ляжку, потом в другую, а потом ещё и ещё. Я обернулся заглянуть через плечо за спину.

Куча красных муравьёв бегали по моим ногам пониже шортов из жёлтого вельвета. Я смахнул их, но жгучесть укусов стала ещё больнее…

На мой вой, Мама выскочила из-за зелёной двери, а следом за ней Папа. Он взбежал ко мне и отнёс вниз на руках.

Муравьёв повычистили и стряхнули, однако покраснело опухшие ляжки щемили невыносимо…

И это стало мне уроком на всю жизнь – нет лучше средства от жгучих укусов этих рыжих людоедов, чем посидеть в зелёной шёлковой прохладе подола Маминого платья, туго растянутого её присевшими коленками.

~ ~ ~

Баба Марфа жила в одной комнате с её внуками – нами тремя – узкая железная койка, на которой она обычно сидела или спала, стояла в правом углу от входа.

В стене за изголовьем койки начиналось и заканчивалось окно, а за ним следующий угол, заполненный громоздким сооружением. Это был не диван, а диванище – с прямоугольно-высокой спинкой в обивке чёрным дерматином, заключённой в раму из широкой лакированной доски.

Пухлые валики двух дерматиновых подлокотников, по краям дерматинового же сиденья, откидывались (в направлениях противоположных друг от друга) на петлях, которые удерживали откинутых.

Тем самым, валики превращались в продолжение плоскости сиденья. Оно уже годилось для лежания вытянувшись, и диван вполне бы мог предоставить ночной приют баскетболисту среднего роста.

Однако возможность проверки предположения дивану не предоставляли, укладывая на нём двойняшек на ночь.

Верхняя доска лакированной рамы включала в себя длинную полоску зеркала, чуть ниже которого выступала полочка для прогулок слоновьего стада. Отражая белые фигурки слонов, зеркало удваивало их поголовье, выстроенное по росту: от вожака и до самого мелкого слоника, замыкающего в стадной шеренге.

Слоны затерялись ещё до приезда Бабы Марфы, в те вре-

мена, что сберегли́сь только в родительских легендах. Поэтому зеркалу некого удваивать на слоновьей полке, и она пустует, пока мы не затеем играть в Поезд.

С наступлением ночи на долгом пути следования, я карабкаюсь на слоновью вагонную полку, но выступ её слишком узок, не даёт перевернуться с боку на бок. Надо спускаться на пружинисто чёрную спину сиденья, чтобы влезть обратно уже следующим боком.

Играть в Поезд ещё интереснее, когда Лида и Юра Зимины, соседние дети на нашем этаже, приходят через лестничную площадку к нам в комнату.

Поезд наращивает свою длину и, стоя внутри торчащих ногами кверху табуреток – друг за дружкой, как цепочка вагонов, или стадо затерявшихся слонов – мы расшатываем во всю эти наши вагоны, натасканные из кухни, вместимостью на одного пассажира, и они, набирая скорость, стучат и щёлкают сиденьями о доски крашеного пола.

Поезд и вправду мчится, унося из игры в неясно предстоящие странствия.

И тогда Баба Марфа, очнувшись от молчаливого сидения на своей железной койке, начинает ворчать, что хватит нам уже беситься, как оглашенные.

. .. .

А когда уже совсем поздно, после игр и ужина, в центре комнаты расправляет свою брезентовую спину моя раскладушка. Мама опять выходит из детской: за матрасом и синей

клеёнкой под простынь, на случай если я уписяюсь ночью. И под конец строительства она приносит огромную подушку и толстое ватное одеяло – покрыть всё сооружение сверху.

Баба Марфа выключает коробочку настенного радио, в левом углу возле двери, и щёлкает выключателем света.

В комнату заходят потёмки, но не совсем беспросветные – из окон соседнего, углового, здания, и от нескольких фонарей во Дворе Квартала, сквозь сеточку тюли оконных штор проникают неясные отблески, а под самым низом двери закралась полоска света из коридора между кухней и комнатой родителей…

Я наблюдаю тёмный силуэт Бабы Марфы, которая стоит у изголовья своей койки и что-то шепчет потолку над головой. Однако такое странное поведение меня совсем нисколечко не беспокоит, после того, как Мама объяснила, что это так Баба Марфа молится своему Богу. Но всё равно родители не могут ей позволить, чтобы повесила икону в том углу, потому что наш Папа – член Партии…

~ ~ ~

Утром, самая надоедная досада – отыскивать свои чулки. Хочешь верь хочешь нет, однако в те времена даже мальчиков понуждали носить чулки.

Поверх трусиков одевался специальный матерчатый пояс с парой пристёгнутых спереди резинок. На конце у каждой резинки – застёжка из резиновой кнопочки с откидным проволочным ободком. Его нужно приподнять, натянуть на кно-

почку кусочек чулка и втиснуть покрытую им кнопочку обратно, в тугую проволочинку ободка – щёлк! – получилось… Уфф!

Всю эту сбрую на меня одевала, конечно же, Мама, однако розыск чулков – на мне, а они постоянно умудрялись прятаться в каком-нибудь новом месте.

Из кухни Мама опять зовёт, ну, идти уже наконец завтракать: «Что ты там всё копаешься?» Потому что ей же ведь тоже на работу, а эти гады затаились где-то…

И тут – ага! – замечаю мятый нос кого-то из их пары, что высунулся из-под диванного валика на петлях, но двойняшки ещё спят, и надо звать на помощь Маму, потому что на валике подушка со спящей Сашкиной головой…

Меня достали эти утренние упрёки с насмешками, и как-то само собой придумалось красивое решение проблемы пропадающих чулков.

Перед сном, я взял их к себе на раскладушку, а когда свет в комнате уже потушился, но Баба Марфа всё ещё перешёптывается со своим Богом, чулки украдкой привязываются к моим ногам – по одиночке, отдельным узлом на каждую щиколотку, теперь уж точно не сбегут.

Мои сестра с братом, чьи подушки разложены к разным подлокотным валикам на диванище, как всегда, перебрыкиваются под своим общим одеялом. Они там хихикают и не замечают моих манипуляций в темноте.

И я успел очень вовремя укрыть ноги, когда Мама зашла

перецеловать своих деток на сон грядущий.

Но вдруг она сделала что-то новое, чего прежде никогда не случалось!

Мама включила свет, который живёт под потолком в своём стеклянном лампочном домике. Вокруг его жилья висит густая бахрома тугого шёлкового оранжевого абажура, чтобы в дневное время, после работы, свету удобней было спать.

Правда, он и ночью тоже спит, у него постоянно вторая смена – вечером.

Но тут пришлось ему выскакивать из своей койки между круглых тонких стенок лампы, чтобы включиться, и чтобы Маме – как только сдёрнула одеяло с моих ног – открылись чулочные кандалы.

– Что-то прямо-таки толкнуло меня заглянуть! – со смехом рассказывала она наутро Папе.

Пришлось мне отвязать чулки и бросить сверху остальной моей одежды, сваленной на стуле всегдашним шохом-мохом.

А до чего блестящая была идея…

~ ~ ~

Основную неприятность и совсем, пожалуй, лишнюю ненужность вносил в детсадовскую жизнь «тихий час» – принудительное лежание в кровати днём после обеда.

Вот и снимай всё до трусиков и майки, складывай одежду на белую табуреточку. Ну-ка, ну-ка! Аккуратненько!

Но как ни старайся, при подъёме после «тихого часа» всё будет в полной перепутанице. И чулочная кнопочка на од-

ной или другой резинке откажется, как ни старайся, протискиваться в свой ободок.

А перед этим лежи просто так, без всякого совершенно толку, целый час, и смотри в белый потолок, или на белую штору окна, или вдоль длинного ряда белых кроваток, с узким проходом после каждой их пары.

Ряд тихо лежащих согруппников кончается у дальней белой стены, где далёкая Воспитательница в белом халате тихо сидит на стуле и читает свою книгу, и только совсем иногда, какой-нибудь ребёнок отвлечёт её, шёпотом, просясь выйти в туалет.

Она позволит, шёпотом, и, переходя на негромкий голос, пресечёт поднявшийся было шумок шушуканья вдоль ряда кроваток: «А ну, закрыли все глазки и – спать!»

Возможно, временами я и вправду засыпал, в какой-то из «тихих часов», хотя чаще просто лежал в недоуснулом оцепенении, не различая открытыми глазами белый потолок от белой простыни натянутой поверх лица…

Но полудрёма вдруг стряхнулась тихим касанием осторожных пальчиков, что ощупью скользили вверх по моей ноге, от коленки к ляжке. Я оторопело выглянул из-под простыни.

Ирочка Лихачёва лежала в соседней кроватке, глаза зажмурены крепко-накрепко, но в промежутке между нашими простынями виднелся кусочек её вытянутой руки.

Тихие пальчики нырнули ко мне в трусы и мягкой тёп-

лой горстью охватили мою плоть. Стало невыразимо приятно. Но вскоре прикосновение послабилось и ушло прочь – зачем? о, ещё!

В ответ на бессловесный зов, её рука нашла мою и потянула под свою простыню – положить мою ладонь на что-то податливо мягкое, провальчивое, чему нет имени, да и не надо, потому что надо только, чтоб это длилось и длилось.

Однако когда я, крепко-накрепко зажмурившись, привёл её ладонь ко мне обратно, она побыла совсем недолго и отскользнула потянуть мою к себе…

Но тут Воспитательница объявила конец «тихого часа» и совсем уже громким голосом велела всем подниматься. Комната наполнилась шумом-гамом одевающихся детей.

– Хорошенько кроватки заправляем! – напоминательно повторяла Воспитательница, шагая вперёд-назад по длинной ковровой дорожке, когда Ирочка Лихачёва вдруг выкрикнула: «А Огольцов ко мне в трусы лазил!»

Дети выжидательно затихли. Оглаушенный позорящей правдой, я почувствовал, как накатила жаркая волна стыда – выбрызнуться слезами из глаз, совместно с моим рёвом: «Сама ты лазила! Дура!»

И я выбежал из комнаты на площадку второго этажа, покрытую квадратиками жёлтой и коричневой плитки, в шахматном порядке.

Посреди площадки бег мой остановился, и я решил никогда больше в жизни не возвращаться в эту группу и в этот

детский сад. Совсем никогда ни разу. Хватит с меня уже.

Но времени на обдумывание: как же теперь дальше жить? – у меня не оказалось, потому что всё моё внимание приковал красный огнетушитель на стене.

Вообще-то меня привлёк не огнетушитель целиком, а только жёлтый квадрат картинки на его боку. Внутри квадрата человек, в кепке рабочих людей на голове, держал точно такой же (только уже нарисованный) огнетушитель.

Он держал его не просто так, а в рабочем положении – кверх ногами, и направлял пучок расширяющейся струи из нарисованного огнетушителя на махровый куст широких языков пламени.

Должно быть картинка служила наглядной инструкцией, как надо правильно бороться с огнём. Поэтому изображение огнетушителя в руках человека с кепкой на голове отображало всю правду жизни.

Даже жёлтый квадрат картинки-инструкции на боку огнетушителя, перевёрнутого в рабочее положение, дотошно воспроизводил махонького человечка в кепке, который (в перевёрнутом виде) боролся с перевёрнутым очагом возгорания струёй из крохотного огнетушителя.

И тут меня осенило, что на следующей, уже неразличимой картинке (в инструкции перевёрнутой инструкции) совсем уже крохотулечный человечишка вернулся в естественное положение, ногами книзу.

Зато ещё глубже, уменьшенным до невозможности, он

снова окажется на голове и – самое дух захватывающее открытие! – эти кувыркающиеся человечки никак не могут кончиться: им дано лишь становиться всё меньше, превращаясь в невообразимо крохотные крапушки, и – кувыркаться дальше.

Их назначение – идти путём вечного уменьшения. Однако исчезнуть полностью им не дано из-за того просто, что этот вот Огнетушитель висит на своём гвозде, в стене над площадкой второго этажа, рядом с дверью старшей группы, напротив двери в прихожую туалета.

Зачарованное ротозейство разбилось командным окриком, чтоб я немедленно шёл в столовую, где все группы детсада сидят уже за полдничным чаем, в награду пережившим «тихий час».

Однако с того дня, проходя под Огнетушителем, несущем бесчисленные миры на жести своего раскрашенного бока, я проникался понимающим почтением. Если, конечно, голова не занята была чем-то другим.

Что же касается посягательств на трусы посторонних, та девственная вылазка осталась единственной и неповторимой.

И уже умудрённый опытом, оплаченным жёстко обличающей гласностью, в последующие «тихие часы», когда мне приходилось выйти (с тихого разрешения Воспитательницы) пописять, мне ясен был смысл простыней, спутанных вперехлёст между парой соседствующих кроваток, и почему так

крепко-накрепко зажмурился Хромов, у себя на кроватке рядом с кроваткой Сонцевой…

~ ~ ~

Мы жили на втором этаже и дальше, следом за нашей, шла дверь Морозовых, супружеской пары пенсионеров на всю их трёхкомнатную квартиру. Напротив них, в углу лестничной площадки, была вторая трёхкомнатная квартира на нашем этаже. Однако семья Зиминых занимала в ней только две комнаты, а третью населяли бессемейные женщины, время от времени сменявшие друг друга.

Иногда женщины проживали в ней парам из двух, которые объявляли себя родственницами, пересмехнувшись одна с другой.

А прямо напротив нас жили Савкины, чей толстый весёлый папа носил очки и офицерскую форму.

Глухая стена конца площадки [от двери Морозовых до двери Зиминых] разделялась вертикальной железной лестницей, устремлённой к постоянно распахнутому люку на чердак, где жильцы всего дома развешивали свои стирки, а папа семьи Савкиных, из квартиры напротив нашей двери, держал голубей, когда приходил домой со службы и переодевался в синий спортивный костюм.

Деревянная перилина, поверх чёрных железных стоек, тянулась, по самому краю площадки, от двери Савкиных к нашей, однако не дотягивалась, а сворачивала вниз, сопровождая 2 лестничных марша до площадки на первом этаже.

Ещё четырьмя ступенями ниже, после навек прижавшейся к стене двери, тебя встречал подъездный тамбур. А из него, приналёгши на широкую входную дверь, чтоб одолеть натяжение прибитой к ней ржавой пружины, ты получал доступ в необъятность общеквартального Двора.

А та узкая дверь в углу тамбура (которая без пружины) тебе совсем ни к чему, за ней прячутся ступеньки круто сбегающие вниз, в непроглядную темень теснины подвального коридора. Причём без всяких перил.

Исходя из последующего жизненного опыта, могу уверенно предположить, что мы жили в Квартире № 5.

В том беспечном возрасте я вообще ещё не представлял, насколько важна нумерация в жизни людей. Однако мне уже начало доходить, что главную роль в устройстве квартир играют наполняющие их двери.

Входная, с привинченным на неё объёмистым самодельным ящиком для почты, открывалась в прихожую, населённую парой других дверей. За узкой направо, скрывалась тесная кладовка. Дверь налево – двустворчатая, остеклённая выше пояса – вела в комнату-спальню родителей, где вместо окна – снова дверь, на балкон, тоже широкая и так же стеклянная от половины роста.

Прихожую продолжал длинный прямой коридор мимо двух глухих дверей справа: первая в ванную, следующая в туалет. Со стеной слева смогла ужиться всего одна только дверь, глухая – ну ещё бы! – это дверь в детскую. А рядом

с нею – последняя дверь в коридоре, она же поперёк него: кухонная, в которую тоже вставлено стекло, но это не имеет значения, потому что сквозь него смотреть не на что, там постоянно тёмно-зелёная краска стены. Дверь не отходит от неё ни на шаг, ни даже на полшага, для беспрепятственного сообщения с кухней.

В детской комнате целых два окна, ведь она угловая. Одно окно смотрит во Двор, а в другом вид на непроглядность серых окон в торцевой стене соседнего здания.

В единственном окне кухни, панорама всё той же соседней стены, а если оглянуться на распахнутую кухонно-коридорную дверь (она засунута слегка буфету за спину, что помогает ей держаться нараспашку), то чуть левее, высоко под потолком, матовое стекло в квадрате туалетного окошка.

Его матовость полна той же серой мути, что и окна в здании напротив, когда там не включён свет. Ни ванная, ни кладовка в прихожей, никаких окон не имеют, совершенно нет, но из потолка каждой свисает электрическая лампочка, просто щёлкаешь чёрным клювиком на коридорном выключателе, и – вперёд!

Ведь, как оказалось, любая дверь квартиры толкается внутрь своего помещения!

. .. .

Зайдя в туалет, я первым делом плевал на зелёную краску стены слева от унитаза, и только уже потом садился делать «а-а», и наблюдать неспешное продвижение плюнутой кап-

ли, что оставляла за собой очень вертикальную слюнную полоску пройденного пути.

Если слюне недоставало сил доползти до плинтуса над плитками пола, я помогал ей дополнительным плевком, чуть-чуть повыше застрявшего паровозика.

Иногда на путешествие уходило от трёх до четырёх плеваний, а иногда хватало и самого первого.

Родители терялись в догадках – отчего это стена в туалете всегда мокрая? Но однажды Папа зашёл туда сразу после меня, и на последовавшем допросе с пристрастием я признался, что это моя работа, хотя и не смог объяснить зачем.

С тех пор, страшась наказания, я затирал следы мокрых преступлений кусками нарезанной, в целях гигиены, газеты ПРАВДА, из матерчатой сумки на стене напротив, но очарование беззвучных странствий сверху-донизу – исчезло.

(…мой сын Ашот, в возрасте пяти лет, иногда мочился мимо унитаза, на стену. Неоднократно я объяснял ему, что так нельзя, а если уж промахнулся, то будь добр подтереть за собою.

Однажды он заартачился и отказался вытирать лужу. Тогда я схватил его за ухо и отвёл в ванную, чтобы взял половую тряпку, затем привёл обратно и, спёртым от бешенства голосом, приказал вытереть досуха. Он повиновался.

Разумеется, в более продвинутых странах я бы запросто мог нарваться на лишение родительских прав из-за бесчеловечного обращения с ребёнком, но до сих пор продолжаю

считать себя правым в данном случае, потому что ни один биологический вид не способен выжить в собственных отходах…

Мне как-то было бы понятнее, плюй он на стены, но в доме, который построил я, их покрывала известковая побелка, ну а по извести никакая слюна не поползёт.

Позднее, наскреблись деньги и на облицовку кафелем, но дети, к тому времени, стали уже взрослыми…)

~ ~ ~

Чувствуешь себя в шкуре Всемогущего, воссоздавая мир полустолетней давности, подгоняя детали так и эдак, по личному произволу, и некому ткнуть носом, если случайно где-то и заврёшься.

Однако обмануть можно кого угодно, кроме самого себя, и должен признаться, что на расстоянии в пятьдесят лет не всё складывается абсолютно гладко.

Например, я не слишком уверен, будто помянутая вскользь загородка для голубей, на чердаке двухэтажного дома, хоть как-то связана с Капитаном Савкиным. Вполне даже возможно, что сооружение принадлежало Степану Зимину, отцу Лиды и Юры…

А может, там было две загородки?

Честно говоря, теперь я даже не уверен в присутствии голубей в одной или другой из загородок (но где гарантия, что их точно две было?) в тот день, когда я отважился пуститься ввысь по железной лестнице вдоль глухой стены – к чему-то

неизведанному, неразличимому в смутно-тёмном квадрате вечно распахнутого люка на чердак, над моей головой.

И очень даже может быть, что мне просто вспомнилось замечание в разговоре родителей, что голуби Степана тоже страдают из-за его запоев.

В целом, вне всякого сомнения остаётся лишь одно – восторженный трепет первооткрытия, ради которого оставил я внизу мою сестру, с её зловещими пророчествами про убиение меня отеческой рукой. А рядом с ней молчаливый взор моего брата, неотступно следящий за каждым из моих движений. (Я старательно скрывал холодок страха, что перекарабкивался со мною вместе с одной железной перекладины на следующую.)

Пара их задранных ко мне лиц всё отдалялась, всё более мельчали плитки пола лестничной площадки, при оглядке с каждой из высот, поочерёдно достигаемых при восхождении в новый таинственный мир. И он всё ближе, он вот-вот расстелится передо мной, под сумеречно-белёсым брюхом шиферной крыши…

. .. .

Дня через два, Наташа прибежала в детскую, с гордостью оповестить, что Сашка, только что, тоже залез на чердак!

С учётом этого всего, вполне возможно, что голубей в чердачной загородке уже не оставалось, но по Двору они летали толпами…

~ ~ ~

Систематично выверенным дизайном, Двор являл собою шедевр безукоризненной геометричности.

Эллипс дороги, окаймлённой парой параллельных дренажных кюветов (по одному вдоль каждой из обочин), вписан в площадь прямоугольника, с шестёркой двухэтажек по периметру.

Пара дощатых, но мощных мостков – чётко напротив каждого из 14-ти подъездов в 6-ти домах Квартала (итого 28) – дают возможность пересечь кюветы для доступа в центральный овал площади охваченной дорогой.

Две узкие дорожки забетонированы под прямым углом к продольной оси эллипса, рассекая площадь овала натрое. Они же служат противоположными сторонами квадрата, полученного соединением их концов отрезками кюветов между ними.

Ещё пара подобных дорожек (однако параллельных оси эллипса и, следовательно, друг другу) делит квадрат на тройку равных по площади сегментов. Среди них бетоном ограничен только тот, что в середине. Он образует прямоугольник равноудалённый от общедворового периметра.

Бетон его углов переходит в центробежные лучи дорожек. Каждый из четырёх устремлён к центральному подъезду в ближайшем к нему угловом здании (у каждого своё, сообразно расположению в позиции многократно вписанных фигур).

Но и на этом ещё не всё! Линии, проведённые (и уже за-

бетонированные) между ближайшими друг к другу точками старта лучей из углов центрального прямоугольника, являются диаметрами полуокружностей, описанных вовне его коротких сторон. Итого две полуокружности.

Полукруг, в свою очередь, содержит шатрообразную беседку с жестяной крышей поверх брусчатых стен, вход в которую обращён ко входу в точно такую же беседку, метров за 50, по ту сторону среднего сегмента в центральном квадрате внутри овала площади эллипса, вписанного в общий прямоугольник всего Двора.

Таким образом планировка могла, при желании, вызывать ассоциации с разбивкой палисадника перед Версалем или Тюильри. Пусть не настолько заковыристо, зато прагматично и из практичного бетона.

(…столь рафинированный Bau Stile в природе просто-напросто не существует. Нет в ней ни циркульных окружностей, ни абсолютно равнобедренных треугольников, ни даже квадратов без малейшего изъяна – где-нибудь, как-нибудь, а таки выткнется, нарушая идеальность, неутаимое шило из домотканой котомки Матушки-Природы…)

Конечно, никаких вычурных фонтанов в нашем Дворе не наблюдалось. Отсутствовали также и куртины декоративных кустарников, как и изнасилованные скульптурной стрижкой деревья.

Возможно, впоследствии там что-то и выросло, но в моей памяти даже и саженца не завалялось. Одна только тра-

ва, расквадраченная в геометрические фигуры бетонными дорожками, ну и конечно же, стаи голубей, перелетающих из одного конца необъятного Двора в другой, на призывное: «…гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гууль!»

. .. .

Мне нравилось, когда эти – такие схожие друг с другом, но чем-то непременно разные – птицы слетались окружить тебя воркующей толпой и торопливо склевать хлеб, раскрошенный на дорогу.

Дорожного движения ни голуби не опасались, ни кормилец. Машин, дорога, практически, не видела, ну, разве что в полгода раз проедет грузовик с мебелью въезжающих или съезжающих жильцов, а ближе к зиме наведается неторопливый самосвал с дровами для чугунных топок в котлах квартир, где греется вода для ванной.

Но ещё больше я любил кормить голубей на жестяном подоконнике кухонного окна. Правда, при оконном кормлении приходилось дольше ждать, пока кто-то из птиц сообразит, откуда именно «гуль-гулится» твой призыв и, разрезая воздух биением пернатых крыльев, зависнет над серой жестью, щедро усыпанной хлебными крошками, прежде чем спрыгнуть на неё своими голыми ногами и дробно застучать клювом по угощенью.

Похоже, голуби присматривают друг за другом: кто, куда, зачем, как, или же у них имеется некая мобильная связь, но вскоре вслед за первыми слетаются и остальные, по двое,

тройками, целыми ватагами. Возможно, даже из соседнего квартала.

Подоконник тонет в половодье столпотворения из оперённых спинок и головок, чуть ли не два слоя друг на дружке, ныряющих за крошками сквозь тесноту… Жестяная дробь, толкотня, спихивают суетливо один другого через край, припархивают обратно, хоть как-то втиснуться…

И в эту суматошную неразбериху, можно постепенно свесить руку из форточки кухонного окна и потрогать, сверху, какую-нибудь из торопливых спинок, но осторожно и совсем слегка, не то, все разом всполошившись, шарахнутся в отрыв и, хлеща крыльями, подадутся прочь, словно живой, изменчиво объёмный эллипсоид.

Ни «пока» тебе, ни «спасибо»…

~ ~ ~

Кроме голубей мне ещё нравились праздники, особенно Новый год.

Сначала на лестничной площадке, опершись на перилину между нашей и дверью Савкиных, появлялись две-три полулежачие Ёлки с короткими иглами и пронзительно зелёным запахом. Папа знал, которая из них наша и на следующий день обувал на неё крестовину, чтобы Ёлка смогла стоять.

Пахучее дерево шло в комнату родителей на помощь белой тюлевой шторе, которой в одиночку почти не удавалось сдержать холод от балконной двери.

Потом из тесной кладовой прибывали фанерные ящики.

В каком-то из незапамятных времён их принесли к нам как почтовые посылки, но с тех пор они успели превратиться в ларцы полные ёлочных сокровищ, укутанных для сохранности в отдельные куски газеты, каждому сокровищу – свой.

Под шорох жёлтой от древности бумаги, на свет, поблескивая серебром и ярким лаком, являлись хрупкие стеклянные фрукты, гномики, колокольчики, деды-морозики, корзиночки, дюймовочки…

Ворох газетных обёрток всё рос, а из следующих вылуплялись сверлообразные лиловые сосульки, зеркальные шары, с примёрзшими по их бокам снежинками, и гладкие шары, но тоже красивые, разноцветные искристые звёзды, в обрамлении из тонюсенько-стекляных трубочек, пушистые гирлянды дождика из золотой фольги…

Папа редко участвовал в украшении Ёлки, но красную Кремлёвскую Звезду ей на макушку одевал только он, стоя на табурете.

Под конец, когда дерево уже обросло игрушками и конфетами (да, потому что конфета, на продетой сквозь фантик нитке, тоже красочное украшение, которое можно снять или срезать, и подсластить дни наступившего года), вокруг её крестовины залегал белый сугроб из ваты. Своим краем он покрывал и прятал фанерку под валенками Деда Мороза.

Посылочного ящика его размера не нашлось, и Дед Мороз весь круглый год лежал опрокинутым на спину посреди кладовочной темени, на верхней полке, и даже не снимал

матерчатую шубу, красную с белым воротником, дожидаясь праздничного стояния на ватном сугробе.

Одной рукавицей Дед Мороз сжимал высокий посох, упёртый в ту же фанерку под ногами, а вторая держала мешок, переброшенный за спину.

Мешок, однако, был накрепко обвязан красной тесьмой и обострочен слишком крепким швом, который не пускал проверить – что это там в нём бугрится?

Ой! Чуть не забыл разноцветное миганье крохотульных лампочек на тонких проводах!

Они развешивались по Ёлке раньше всего остального, а провода уходили в тяжёлый электрический трансформатор, под тот же самый сугроб из ваты.

Электрогирлянду Папа сам сделал, вместе с трансформатором, а лампочки покрасил Маминым лаком для маникюра, и ещё зелёнкой из аптечного ящика в прихожей, и ещё чем-то жёлтым.

. .. .

И маску Медведя для детсадовского утренника мне тоже Папа сделал. Мама объяснила ему как, а он уже у себя на работе нашёл особую глину, и на куске фанеры вылепил из неё морду со стоячим носом.

Когда глина стала твердокаменной, Папа и Мама, по очереди, покрыли её слоями марли и кусочками газеты, размокшей от воды. Прошло два дня, пока газета подсыхала и твердела поверх морды на табуретке, возле батареи отопления.

Затем глину выбросили и – ух, ты! – получилась маска из папье-маше с дырочками для глаз.

Маску покрасили коричневой акварелью, и Мама пошила костюм Медведя из коричневого сатина, где в шаровары надо одеваться через курточку.

Так что, с такой мордой, на утреннике я уже не завидовал дровосекам, у которых фанерные топорики через плечо.

(…и до сих пор Новый год для меня пахнет акварельными красками, а может они – Новым годом. Вот с этим как-то всё не выходит поконкретнее определиться…)

~ ~ ~

А когда в спальне родителей разбирают их большую кровать, а её части переносят в детскую, значит вечером, вместо неё, туда притащат разные столы и стулья от соседей.

Там соберётся много взрослых, а к нам в детскую придут играть соседские дети.

И когда уж станет совсем поздно, а гостевые дети разойдутся по своим квартирам, я проберусь в комнату родителей, где шумно и гамно, и глаза щипает серый туман папиросного дыма, а многие дяди говорят голосом, чтобы погромче голоса у других дядей.

Потом старик Морозов объявит, что в молодости он грёб на вёслах на свидание за 17 километров, а его сосед за столом подтвердит, что, да, значит то оно того стоило.

И всех очень обрадует такая хорошая новость, всю комнату зальёт счастливый смех, люди ухватятся друг за друга

и на радостях закружатся в танце, и заполнят всю комнату своим высоким ростом до самого потолка.

А вместе с ними будет кружиться пластинка на патефоне, который принёс папа Савкиных, чтобы играла музыка. Меня тоже кто-то покружит, но слишком близко к абажуру.

Потом они снова раскричатся, не слушая, кто что говорит, а Мама, сидя за столом, заведёт песню про огни на улицах Саратова, полного холостых парней, и веки её глаз осоловело сползут вниз, до середины.

Мне станет стыдно, я заберусь к ней на колени и начну просить: «Мама, не надо петь, ну, не пей, пожалуйста!»

Она засмеётся и отодвинет свой стаканчик на столе, и скажет, что вот не пьёт уже, и запоёт дальше.

Потом гости станут очень долго расходиться и уносить столы по своим квартирам, и всё так же громко спорить, но не слушать, даже когда уже на площадке, за нашей дверью настежь.

Меня пошлют в детскую, где Саша давно спит, а Наташа тут же вскинет голову со своей подушки.

На кухне будет постукивать посуда, которую моют Баба Марфа с Мамой, а потом свет в нашей комнате ненадолго включат, чтоб унести звяканье кроватных частей.

~ ~ ~

Кроме своей работы, Мама вечерами уходила ещё на Художественную Самодеятельность в Дом Офицеров, который очень далеко, и я знал это, потому что иногда родители бра-

ли меня туда в кино, на зависть Сашке-Наташке.

Каждое кино начиналось очень громкой музыкой и большими круглыми часами на Кремлёвской башне, которая открывала каждый новый номер киножурнала «Новости Дня», где чёрнолицые шахтёры улыбаются белыми зубами и дружной толпой шагают в своих касках, а одинокие ткачихи, в белых косынках на волосах, ходят по длинным пустым залам, где нет никого, только дёргаются длинные белые нити в станках, а множество людей, с непокрытыми головами, радостно стоят в громадном светлом зале и быстро-быстро хлопают в ладоши.

Но однажды меня до слёз напугала новость, где чёрные бульдозеры мяли гусеницами и толкали груды голых трупов, чтобы заполнить глубокие чёрные рвы Фашистского концлагеря.

Мама сказала мне закрыть глаза и не смотреть, и после этого меня уже больше в кино не водили.

Однако когда Художественная Самодеятельность представляла свой концерт в Доме Офицеров, Папа взял меня с собой.

Разные люди Художественной Самодеятельности выходили на сцену петь под один и тот же баян, и зрители им за это хлопали.

Потом всю сцену оставили одному человеку, который долго что-то говорил, но я не мог разобрать, что именно, хотя он говорил всё громче и громче, чтобы ему тоже похлопали.

Наконец, вышли много тёть в длинных платьях танцевать с дяденьками в высоких сапогах, и Папа сказал: «Ага! Вот и Мамочка твоя!»

Только я никак не мог её увидеть, потому что когда в одинаковых длинных платьях, все тётеньки совсем одинаковые. Папе пришлось показать мне ещё раз, кто из них Мама, и после этого я не сводил с неё глаз, чтобы не затерялась.

Если бы не такое пристальное внимание, я, возможно, пропустил бы тот миг, что застрял во мне на долгие годы, как заноза, которую невозможно вытащить и лучше просто не бередить и не надавливать то место, где сидит…

Танцовщицы на сцене кружились всё быстрей и быстрее, их длинные юбки тоже вертелись, подымаясь фонариком до колен, но юбка моей Мамы вдруг всплеснулась и оголила её ноги до самых трусиков.

Нестерпимый стыд хлестнул мне по лицу, и остальной концерт я просидел упорно глядя на красную краску половых досок, далеко внизу от моих свешенных валенков, и не поднимал головы, хоть как громко ни хлопали бы вокруг, а весь обратный долгий путь домой, я не разговаривал ни с кем из моих родителей, и не отвечал почему я такой надутый.

(…в те недостижимо далёкие времена я ещё не знал…)

Но кому вообще нужны эти концерты, если на стене в нашей детской есть блестящий коричневый ящичек радио? Оно может и петь, и говорить, и играть музыку.

Мы, дети, хорошо знали, что надо покрутить белый регу-

лятор, добавляя громкости, и со всех ног бежать по дому, созывая всю семью – скорее! идите! – когда объявят выступление Аркадия Райкина, чтобы всем вместе хохотать под ящичком на стене.

И – наоборот, мы быстренько спускали звук, или даже совсем выключали радио, если начинался концерт для виолончели с оркестром, или какой-то дяденька рассказывал про победу кубинцев на Революционной Кубе, которая его так обрадовала, что он выдал две дневные нормы за одну смену, назло реваншистам и их вождю Аденауэру…

~ ~ ~

А Первомай совершенно недомашний праздник. До него надо долго шагать по дороге от углового здания Квартала, спуститься до самого низа Горки, а там опять идти и идти. Не в одиночку, конечно, много людей шли тем же путём, в одну и ту же сторону – и взрослые, и дети.

Люди весело приветствовали друг друга, и несли в руках охапки воздушных шариков или гибкие веточки, усаженные самодельными листьями из нежно-зелёной папиросной бумаги, каждый листочек примотан куском чёрной нитки, туго-претуго, чтобы хорошо держался.

Ещё на Первомай несли красные полосы материи, такие длинные, что их вязали на пару высоких шестов. Часто попадались портреты разных дядей, лысых и не так чтоб очень, и каждый на отдельной толстой палке.

Как почти любой другой ребёнок, я нёс красный прямо-

угольничек флажка на тонкой – как карандаш, только подлиннее – палочке.

Жёлтый кружок в жёлтой решеточке изображал, в центре флажка, земной шар, над которым завис неподвижный жёлтый голубь, а поверх него жёлтые буквы «МИРУ – МИР!»

(…конечно, в то время я не умел ещё читать, однако те флажки не изменялись десятилетиями, чтобы все тугодумы и неуспевающие смогли бы догнать, со временем…)

И пока мы так все и шагали, издалека к нам приближалась музыка. Чем ближе, тем громче звучала она и заставляла нас шагать отчётливее.

И уже прекращались всякие пустые разговоры, а вскоре даже не пустые, а всяческие вообще глушились громкими ярко сверкающими трубами, в руках солдатского строя музыкантов. А с ними большущий барабан, – бум-бум-бум! – под высоким красным балконом с дядями, застывшими наверху, в офицерских фуражках.

Только балкон какой-то непонятный, совсем даже без дома за его спиной…

. .. .

После одного из Первомаев, мне захотелось нарисовать праздник, поэтому Баба Марфа дала мне бумагу и карандаш, простой…

По центру листа я нарисовал большой круг воздушного шара, чья ниточка спускалась вниз – за край бумаги.

Он хорошо смотрелся, – большой такой, праздничный. Но

мне хотелось большего, я хотел, чтобы праздник был во всём мире, поэтому справа от шарика я нарисовал забор из плотных досок, за которым живут не нашенские, а Немцы и другие враги из киножурнала в Доме Офицеров.

Только никого из них не видно, конечно, потому что за забором.

Ну, ладно, Немцы! Пусть и у вас будет праздник тоже! И я нарисовал ещё один шарик на ниточке, которая тянулась из позади забора.

Наконец, чтобы шарики не спутались, – для понятности: кто, где празднует, я нарисовал жирный крест на вражеском шару.

Затем я чуть полюбовался своим художеством, и побежал показывать картину, для начала – бабушке…

Сперва она никак не разбиралась, что к чему, и мне пришлось всё ей объяснять.

Но когда я дошёл до места, что пусть и у Немцев тоже будет праздник – жалко, что ли? – она меня вдруг резко оборвала, и подвергла суровой критике.

Мне давно пора знать, так она сказала, что из-за этих моих шариков с крестами, машина «чёрный воронок» приедет к нам домой. И тот «воронок» арестует и увезёт моего Папу, а разве этого, спросила она, я хочу?

Мне стало жалко Папу, и страшно оставаться без него.

Разрыдавшись, я скомкал злосчастный рисунок, убежал в ванную и сунул смятую бумагу за чугунную дверцу Титана, –

котла для нагревания воды, где зажигали огонь перед купанием и стиркой…

~ ~ ~

Самое трудное по утрам – покинуть постель. Вот, кажется, всё бы отдал за одну ещё только минуточку полежать, и чтобы без криков через дверь, что пора подыматься в садик.

В одно из таких утр, подушка у меня под головой оказалась мягче белых завитушек облачка на небе, а вмявшийся под спиной матрас превратился в точный слепок моего тела, и охватил его мягким объятием, оторваться от такой неги и тепла, накопленного под одеялом за ночь, превосходило мыслимые пределы человечьих сил.

Вот я и лежал дальше, покуда не явилось пугающе чёткое осознание – если сию минуту не стряхнуть эту засасывающую в блаженство дрёму, то я никогда не приду в детский сад, и вообще никуда не приду, потому что это будет смерть во сне.

Разумеется, настолько вычурные фигуры речи в ту пору оставались вне пределов моего обихода. Да, впрочем, в них, как и в других словесных выкрутасах, я, не особо-то нуждался, поскольку мысли приходили в виде ощущений. Так что, когда посреди дрёмы навалился страх, я – испугался, вылез в холод комнаты и начал торопливо одеваться…

По воскресеньям можно было поваляться и подольше, но постель уже ни разу не принимала настолько сладостную форму…

В какое-то из воскресений я проснулся в комнате один, и услыхал где-то за дверью весёлые Сашки-Наташкины взвизги. Одевшись, я выскочил в коридор, где их не оказалось.

На кухне тоже нет. Там только Баба Марфа в одиночку бряцала кастрюльными крышками. Ага! Вот снова смех в спальне родителей!

Я вбежал в самый разгар веселья – мои брат-сестра и Мама ухохатывались над бесформенно белым комом, что стоял в углу на голых ногах. Конечно, это Папа! Накинул на себя толстое одеяло с родительской кровати, и теперь высится там неуклюже, возле гардероба.

Но тут эти две ноги начали совместно прыгать, всколыхивая вислые складки ногастого кома. Жуткое белое голоногое существо отрезало путь к выходу, оттесняя Маму и нас троих к балконной двери. О, как мы смеялись! И всё крепче ухватывались за Мамин халат.

Потом один из нас расплакался, и Мама сказала: «Да, что ты глупенький! Это же Папа!» Но Саша не унимался (или, может, Наташа, но только не я, хотя мой смех всё больше скатывался к истеричной икоте).

Тогда Мама сказала: «Ну, хватит, Коля!» И одеяло выпрямилось во весь рост и свалилось, открывая лицо смеющегося Папы, в трусах и майке, и мы все вместе начали успокаивать Сашу, который сидел высоко на руках у Мамы и недоверчиво пытался засмеяться сквозь слёзы.

(…смех и страх нераздельны и нет ничего страшнее, чем

не разбери пойми что…)

А утром в понедельник я прибрёл в комнату родителей расплакаться и признаться, что ночью я опять уписялся. Они уже одевались и Папа сказал: «Тоже мне! Парень называется!»

А Мама велела снять трусики и залезть в их постель. С гардеробной полки она достала сухие, бросила поверх одеяла, под которым лежал уже я, и вышла за Папой на кухню.

Под одеялом, ещё тёплым от их тепла, было так хорошо. И простыня такая мягкая, ласковая. От удовольствия, я потянулся в потягушеньки, сколько тянулось, всеми руками и ногами.

Моя правая рука угодила под подушку, и вытащила непонятную заскорузлую тряпку. Я понятия не имел, зачем она тут, но чувствовал, что прикоснулся к чему-то стыдному, про что нельзя никого спрашивать…

~ ~ ~

Трудный вопрос: что было вкуснее – Мамино печенье или пышки Бабы Марфы, которые они пекли по праздникам в синей электрической духовке «Харьков»…

Свои дни Баба Марфа коротала на кухне за стряпнёй и мытьём посуды, или сидела в детской комнате на своей койке в углу, чтоб не мешать играм.

По вечерам она одевала очки и читала нам книгу «Русские Былины», про богатырей, которые бились с несметными полчищами или со Змеем Горынычем, а для отдыха от битв, бо-

гатыри ездили в город Киев, погостить на пирах у князя Владимира Красное Солнышко. И тогда кроватная сетка прогибалась под дополнительным весом нас троих, обсевших Бабу Марфу.

А если богатырям случалось закручиниться между битвами, то они вспоминали мать, каждый свою, и к своим разным, но одинаково отсутствующим матерям, они обращались с одним и тем же упрёком. Эх, да зачем же эти матери не завернули будущих героев в белую тряпицу, пока те были ещё младенчиками несмышлёными, да и не бросили их в быструю Речку-Матушку…

Только Илья Муромец и Богатырь Святогор, который стал таким большим и сильным, что даже Мать-Сыра-Земля не могла уж выносить его, и ему пришлось уйти в горы, где скалы и камни как-то пока что выдерживали, никогда не заводили этих причитаний про белу тряпицу, даже когда им случалось очень горько прикручиниться…

Иногда некоторые из богатырей затевали бой с какой-нибудь девицей-красавицей, переодетой в воинские доспехи. Такие стычки могли заканчиваться с переменным успехом, но в последний момент у побеждённого – будь то девица или, как ни странно, богатырь – неизменно находились одни и те же слова: «Ты меня не губи, а напои-накорми, да поцелуй в уста сахарные».

Посреди всех многажды слушанных былин, я знал места таких поединков со сладким концом, они мне особенно нра-

вились, и я заранее их предвкушал…

. .. .

Ванную Баба Марфа называла «баней» и, после еженедельного купания, возвращалась в детскую распаренной до красноты, усаживалась на свою койку, чуть ли не телешом – в одной из своих длинных юбок и в мужчинской майке на лямках, и – остывала, расчёсывая и заплетая в косицу свои бесцветные волосы.

На левом предплечье у неё висела большая родинка в виде женского соска – так называемое «сучье вымя».

В ходе одного из таких остываний, когда она ничего, казалось, не замечает кроме пластмассового гребешка и влажных прядей своих волос, я улучил момент особо бурных пререканий моих брата-сестры, на большом диване, и заполз под пружинную сетку в узкой бабкиной койке, просевшую под её весом.

Там я осторожно перевернулся на спину и заглянул вверх – под юбку между широко расставленных и крепко упёртых в пол ног. Зачем? Я не знал.

Да ничего и видно-то не было в тёмном сумраке изнаночного купола её юбки. И я уполз прочь со всей возможной осторожностью, чувствуя запоздалый стыд и сильно подозревая, что от неё не утаилось моё заползновение…

~ ~ ~

Саша был надёжный младший брат, доверчивый и молчаливый.

Он родился вслед за шустрой Наташкой и напугал медицинских работников посиневшим цветом лица, из-за пуповины, которая захлестнула его и чуть не удавила. Несмотря на это, он родился в сорочке, хотя ту всё равно в роддоме с него сняли. Мама говорила, что из сорочек новорожденных делают какое-то особое лекарство.

А Наташка и впрямь оказалась ушлой выдрой. Она первая узнавала все новости – что назавтра Баба Марфа будет печь пышки, что в квартиру на первом этаже въезжают новые соседи, что в субботу родители уйдут куда-то в гости, и что никогда-никогда нельзя убивать лягушку, не то дождь польёт.

Баба Марфа заплетала ей две косички по бокам от затылка, вперемешку с ленточками, чтобы каждую из косичек закончить красивым бантом. Но жил такой бант недолго, и распадался на тугой узел и пару узких хвостиков из ленты. Наверное, из-за усердного верчения головой во все стороны примечать: что-где-когда?

Двухлетняя разница в возрасте давала мне прочный запас авторитета в глазах младших. Однако, когда Саша молчком повторил моё восхождение на чердак, то этим поступком, он как бы обогнал меня на два года. Конечно же, ни он, ни я, ни Наташа не могли в ту пору выразить словами такие дедуктивные вычисления. Мы оставались на уровне эмоциональных ощущений, выразимых междометиями типа «ух, ты!» или «эх, ты!»

~ ~ ~

Меня со всех сторон обуревало желание упрочить свой авторитет и уважение, шатнутое в глазах двойняшек, не говоря уж про свои личные. Однако при всей его всестороннести, желанию оставалось только помалкивать в тряпочку из-за жёсткой ограниченности словарного запаса.

Возможно, к неудовлетворённости примешивались некие, невыразимые даже пером классиков, причины, и вся эта шайка-лейка, объединённымии усилиями, довела до случившегося в тот поздний вечер.

В полупотёмках после щелчка выключателя, уложенные в свой диванный «валет» мелкие всё ещё брыкались, с обычной безнаказанностью в момент, когда Баба Марфа не могла шумнуть, застыв у изголовья своей койки для шёпотного общения с потолком.

И вдруг среди довольно относительного полумрака, из-под реально тёплого одеяла поверх алюминиевой раскладушки в центре комнаты, раздался голос, мой: «Бабка? А ты знаешь, что Бог – сопляк?».

Шёпот пресёкся, а через миг силуэт в углу прорвало потоком несдержанных угроз, выплёскивая, в полный голос, картину красной сковородищи, раскалённой на весь ад, чтоб черти её протирали моим богомерзким языком.

Однако, мотивируясь благоговейной тишью на неподвижно замершем диване, я отвечал наглым смехом в адрес чертей и предстоящих мук лизания: «А так и что! Всё равно, твой Бог – сопляк!»

Наутро Баба Марфа со мной не разговаривала. По возвращении из садика, я выслушал Наташкин обзор новостей, что Баба Марфа всё рассказала Папе, когда он пришёл с третьей смены, и плакала на кухне. Сейчас родители ушли куда-то в гости, но мне точно будет, да ещё как!

На мои заискивающие попытки восстановить общение, Баба Марфа реагировала неприступным молчанием, и вскоре ушла на кухню…

Невыносимо тянулись часы подавленного ожиданья, прежде чем хлопнула входная дверь и в прихожей раздались родительские голоса. Переместясь на кухню, они звучали там всё горячей и громче. Дверь нашей комнаты не позволяла разобрать о чём.

Громкость на кухне нарастала до момента, когда у двери больше не хватило сил держаться. Дрогнув, она вдруг резко распахнулась под рукой Папы.

– Что?! Над старшими измываться? Я тебе дам «сопляка»!

Его руки выхватили ремень из брюк. Чёрная змея сверкнула хромом пряжки-головы. Взвилась к потолоку, но не успела врезаться – рука, схватившая за хвост, прервала взмыв змеи, и резко дёрнула ремень книзу.

Незнаемая прежде боль ожгла меня. Ещё. И ещё.

Взвизжав, я сключился и закатился под бабкину койку – укрыться от ремня. Ухватив железные прутья боковины, Папа мощным рывком выдёргивает койку в центр комнаты.

От неожиданности, заставшей его полностью врасплох, матрас шлёпнулся на пол, таща за собой всю прочую постель в скомканную груду под стеной.

На торопливых четвереньках, настигаю голое железо койки, чтобы нырнуть под щит её пружинно прядающей сетки. Койка пустилась в пляс на двух ногах, подпрыгивает, скачет, стуча о доски пола.

Но Папа крепко держит боковину, и хлещет необъезженную скакунью по панцерным бокам – оттуда, отсюда – поочерёдно.

С необъяснимой прытью, я не отстаю от взбрыков сетки, что часто бряцает над головой, шмыгаю, словно ретивый поскакун, под её брюхом, вплетая свои вопли «Папонька! Родненький! Не буду! Никогда не буду!» в его осатанелое «Сопляк! Гадёныш!»

Из кухни рысью вбежали Мама с бабой Марфой.

Мама закричала: «Коля! Не надо!» – и выставила руку, принять на себя охлест ремнём. Бабка тоже заголосила, и они вдвоём увели Папу из комнаты.

Жалко скуля, я тру вспухающие рубцы, и прячу глаза от младших. Они молчат, окаменело вжавшись в спинку диванища…

~ ~ ~

Во Дворе мы играли в Классики…

Прежде всего, нужен кусок мела, чтобы нарисовать большой прямоугольник на бетоне дорожки. Делишь его попо-

лам сверху донизу. Затем слева направо, то есть, поперёк, прочерчиваешь 4 линии, с примерной удалённостью одна от другой. Образовались пять пар квадратов. Ну, почти квадратов (потом у тебя лучше станет получаться), каждая пара на голове другой, только под первой нету пары, – она на самом дне. Вот тебе и классики – как бы таблица: две колонки из пяти строк.

Правда, колонки и таблицы не слишком-то и важны, ты их не проходил. И совсем не факт, что когда станешь школьником будешь их учить, вообще. Тем более, что к тому времени на классики уже не тянет. Вообще. Зато сейчас понадобится битка, – это песок, насыпанный в пустую баночку-жестяночку из-под обувной ваксы.

Битка – продукт разделения труда: жестянка держит песок от рассыпания, а он придаёт ей нужную увесистость. Битка – как бы диск для прицельного метания.

Теперь, стоя снаружи под первой колонкой, вбрасываешь битку в нижний слева классик-квадрат и прыгаешь туда же на одной ноге, чтобы поднять битку и скакать дальше, через остальную таблицу (до верха первой колонки и вниз вдоль второй, по одному прыжку на каждый классик), на одной и той же ноге, чтобы завершающим прыжком, через нижнюю черту второй колонки, выпрыгнуть на волю, где можно ходить двумя ногами. Тур по параболе завершён.

Если сошло без излишнего шума (стоит лишь твоей сандалете приземиться поблизости любой из меловых линий, то

остальные игроки, привязчиво внимательные к твоим перемещениям, испустят радостный крик, что ты на неё наступил), то вбрасывай битку в следующий классик, и скачи новый тур.

Когда битка побывает во всех (в порядке параболических номеров) классиках, один из них помечаешь, как свой личный «домик», и в дальнейшей игре можешь чувствовать себя в нём, как дома – опустить вторую ногу и отдохнуть. Но конечно, это больше показуха, чем необходимость.

А если при вбросе битки, она не угодила в нужный классик или застряла на линии, или же ты наступил на какую-то черту, тогда в игру вступает следующий, а ты становишься зрителем, придирчиво следящим за одноногой скачкой…

Ещё были игры с мячом. Например, ударяя мяч о землю – без остановки, в одно касание,– каждый шлепок ладонью следовало сопроводить отдельным словом-вскликом: «Я! – Знаю! – Пять! – Имён! – Девочек!» На каждый из последующих ударов по резиновому боку, нужно выкрикнуть пять любых, но непременно женских и без повторов.

Затем, подряд, и не снижая темпа, шли пять имён мальчиков, пять цветков, пять животных и т. д., и т. п., покуда мячу не надоест всё это, и он отскочит криво, вкось, куда уж не поспеть, или же пока не заплетёшься языком в своих речитативах…

Другая игра с мячом не требовала интеллектуального напряга. Просто мечешь мяч в поблекло-розовую штукатурку

стены дома (поближе к его углу, подальше от окна на первом этаже). Прикинув место приземления отскочившего мяча, ты должен перепрыгнуть его на излёте широко раздвинутыми ногами, прежде чем он ударится о землю…

Игрок за твоей спиной подхватывает мяч, отскочивший от земли, чтобы снова бросить о стену, но прыгать уже ему, а ловить – тебе. Проще некуда.

Однако участников может оказаться больше, и тогда придётся ждать в очереди попрыгунчиков. Впрочем, движется она довольно быстро.

Меня завораживала бесконечность этой игры. Типа картинок на красном боку Огнетушителя, где за каждым кувыркнутым идёт следующий…

Играли мы и вне пределов Двора, за неизменно пустым бетоном дороги, охватившей кварталы-близнецы.

Точно напротив нашего дома, у самого начала спуска к Учебке Новобранцев, высокие стенки забора из досок ограждали два ряда железных ящиков для мусора из нашего Квартала.

Правее от Мусорки – зелёное поле, ровное, если не считать кучи песка, расползшейся у забора, которая, наверное, осталась ещё со времён, когда зэки бетонировали площадку под железные ящики.

Впоследствии, по мере заселения Двора, куча стала использоваться, как любой песок, любыми детьми, в любой песочнице.

Помимо общеизвестных и традиционных, у нас имелась особая игра с песком, которая никак не называлась. Просто зачерпываешь пригоршню песка и бросаешь вверх, а когда он моросит обратно, нужно поймать в ладонь, сколько насыплется.

Над уловом произносилась ритуальная формула: «Ленину – столько!»

Ленинский пай тоже отправляется во взлёт, и над вторым уловом ты меняешь адресата: «Сталину – столько!»

Песок из третьего подброса никто не ловил, наоборот, во избежание падающего песка, руки прятались за спину, а потом ещё и вытряхались, ладонью об ладонь, для гарантии, что и песчинка случайно не прилипла: «А Гитлеру – вот сколько!»

Подстроенная обездоленность третьего, мне не нравилась, однако я помалкивал, что оставлять нарочно без самой даже крохотной песчинки – нечестно.

Но как-то раз, играя с песком кучи в одиночку, я нарушил правила, поймав щепотку и для Гитлера, хотя и знал, что он плохой и даже с хвостом, как выяснилось при поимке под мостом…

. .. .

Помимо всего прочего, на окраинах кучи мы строили «секреты»: выскребали мелкие ямки, чтобы выстелить дно головками цветков из-посреди окружающей травы, и придавить осколком пыльного стекла. Лепестки плющились, и гля-

дели сквозь пыль с невыразимо красивой грустью.

Ямка заравнивалась песком, и мы сговаривались «проверить секрет» на следующий день, но либо забывали, либо шёл дождь, а потом мы уже не могли отыскать «секрет» и просто делали следующий…

. .. .

Однажды дождь захватил меня в ближней к подъезду беседке Двора. Вернее, это не дождь даже грянул, а смесь грозы с потопом.

Чёрные тучи навалились разом, всё потемнело снизу доверху, будто вот-вот уже и ночь. Бывшие в беседке взрослые и дети пустились врассыпную, по дорожкам к своим подъездам.

Только я задержался над забытой кем-то книгой, где трое охотников бродят, на картинках, по горам, с длинными ружьями. Тут-то и хлынул сверху водопад.

Бежать домой сквозь струи водонизвержения даже и подумать страшно, оставалось только – переждать.

Гроза разразилась невиданная, молнии раздирали небо над всем Кварталом, из края в край. Беседка вздрагивала от оглушительных раскатов грома. Шквалистый вихрь забрасывал полосы дождя до середины круга бетонированного пола.

Я отнёс книгу на брусья лавки вдоль подветренной стороны, однако некоторые шальные капли добивали и туда. Было жутко, и мокро, и холодно, и без конца и края.

Когда гроза всё же закончилась, и в клочья подранные ту-

чи разошлись, открылось синее небо и стало ясно, что день совсем ещё не прошёл, и что моя сестра Наташа бежит от нашего подъезда с уже ненужным зонтиком, потому что Мама послала её звать меня домой.

– Мы знали, что ты тут,– сказала она запыханно,– тебя сначала видно было.

~ ~ ~

(…и подумать жутко даже, будто у меня особый нюх на конспираторов, однако странное стечение случайных обстоятельств неизбежно заводит не в одно так в другое место, где зреет некий тайный сговор…)

Когда три мальчика постарше начали в моём присутствии обмениваться намёками явных заговорщиков типа:

– Так значит сегодня?

– Точно пойдём?

– После садика, да?

Мне стало горько и обидно, потому что ясно же – тут готовится какое-то приключение, но так вот и пройдёт ведь мимо, а мне опять останется каждодневное одно и то же. Поэтому я встал лицом к лицу с предводителем сговора и спросил напрямую:

– А куда вы идёте?

– На Кудыкины Горы – воровать помидоры!

– Можно и мне с вами?

– Ладно.

У меня уже имелось смутное понятие, что воровать нехо-

рошо, хоть я и не знал, как это делается. Однако мне ни разу в жизни не встречались горы, а только лес, речка да невысокий, поросший Елями и Сосенками холм Бугорок, обрывистый песчаный бок которого завершал зелёный луг, расстилавшийся к нему от забора Квартальной Мусорки.

Однако все смутности отметались нестерпимым желанием дивных кудыкинских помидоров. И мне уже неясно виделись их сочные округлые бока, мягко лоснящиеся красным.

День проходил в ожидании часа, когда взрослые придут разбирать своих детей. И он таки настал. Прежде всего, я отказался идти домой с чьей-то посторонней мамой, которую моя просила прихватить и меня тоже.

– Нет, я с мальчиками пойду, чтобы быстрее.

Однако, оказавшись за воротами, четвёрка заговорщиков свернула не на короткую тропу через лес, а к широкой грунтовой дороге, по которой вообще никто и никогда не ездил.

Дорога повела бесколёсную компанию вверх, затем вниз, сделала поворот, а я всё высматривал по сторонам, и спрашивал одно и то же – ну, когда же уже покажутся Кудыкины Горы?

Ответы становились всё короче, звучали неохотнее, и я уныло приумолк, чтоб не спугнуть своё участие в помидорном приключении.

А когда мы вышли на дорогу из бетонных плит, все щели между которыми залиты полосами чёрного гудрона, чтобы ровнее ездилось, я её тут же опознал. Ведь это именно она

вела к Дому Офицеров.

Однако в тех краях помидоров не предвидилось. Мы пересекли бетон и углубились в густые гибкие кусты с широкой тропой через их чащу, которая закончилась возле дома из серых от старости брёвен. Повыше двери поблескивала вывеска под стеклом для тех, кто умеет читать.

Отсюда участники заговора дальше уже никуда не шли, словно выжидая чего-то. Забыв про горы, мальчики бездельно шатались от кустов к серому дому и обратно, пока оттуда не выступил сердитый дяденька, и стал прогонять нас.

Наш предводитель отвечал, что родители прислали его забрать газеты и почту, но дяденька ещё громче рассердился, и я понёс домой жизненный опыт, – в чём смысл хождения на Кудыкины Горы…

. .. .

И всё же меня не покидала уверенность, что приключения и странствия обязательно начнут случаться, когда-нибудь. Только надо заранее к ним подготавливаться. Вот почему, когда в пустой кухне мне на глаза попался скучающий в грустном одиночестве коробок спичек, я и опомниться не успел, а рука уже – хвать его! И только после этого мне подумалось, что надо же развить в себе умения необходимые для жизни. Или что-то вроде того. Но точно помню, что оправдание нашлось…

Пара первых опасливых проб удостоверила, что зажечь спичку – проще простого.

И тут же взыграл порыв похвастаться кому-то, на что я теперь способен. Но кому?

Конечно же, Сашке-Наташке, их такая редкая среди детей способность удивит больше, чем Бабу Марфу. К тому же, мой подмоченный авторитет нуждался в подсушке и, возможно, штопке, после недавних провалов…

(…разумеется, перечень мотивов сделан задним числом, из неизмеримо далёкого будущего – моего нынешнего настоящего, над этой картошкой в этом костре.

Но в том, недостижимо далёком прошлом, без всяких умствований и обоснований, я мигом сообразил, что…)

Надо позвать младших в какое-то укромное местечко и показать им моё владение огнём. А самое из наиболее подходящих мест – под кроватью родителей в их комнате, куда мы и заползли гуськом.

При виде коробка в моих руках, Наташа шёпотом заохала. Саша молча посапывал, он внимательно следил за процессом.

Первая спичка вспыхнула, но угасла чересчур быстро. Следующий огненный цветок красиво распустился, но вдруг шатнулся слишком близко к тюлевому покрывалу, что ниспадало с придвинутого к стене края кровати.

Узкий кончик огня потянулся (сам собою!) вперёд,– живая жёлтая сосулька весело заструилась – кверх-ногами – из чёрной, ширящейся дырки в тюли.

Какой-то промежуток времени я недоумённо наблюдал,

как дыра превращается в горизонтальную полосу с неровной бахромой огня, прежде чем значение живого натюрморта мне дошло. Кроватная сетка, упираясь в голову, не пускала вскочить во весь рост, но я крикнул моим сестре-брату: «Пожар! Убегайте! Пожар!»

Однако эти глупыши остались лежать на досках пола, и только разревелись хором…

Я выкатился из-под кровати и побежал через площадку к Зиминым, где Мама и Баба Марфа сидели на кухне, где тётя Полина Зимина их угощала чаем.

На моё сбивчивое объявление пожарной тревоги, все три женщины метнулись через площадку. Я добежал последним.

Под потолком прихожей неторопливо проворачивались толстые клубы жёлтого дыма. Дверь комнаты родителей стояла настежь. Вдоль стены, поверх родительской кровати весёло плясали полуметровые языки пламени.

Комната тонула в синевато белом тумане, и где-то в нём по-прежнему ревели двойняшки.

Баба Марфа сдёрнула матрас и всю постель на пол, и тоже присоединилась к танцу, торопливо выплясывая шлёпанцами по огню. Свою чечётку она сопровождала вскриками: «Батюшки! Батюшки!». Мама звала Сашу с Наташей скорее вылезать из-под кровати.

Огонь перепрыгнул на тюлевую занавеску балконной двери, и Баба Марфа оборвала её голыми руками. На кухне Полина Зимина грюкала кастрюлями о раковину, наполняя их

водой из-под крана. Мама отвела двойняшек в детскую комнату, бегом вернулась и приказала мне идти туда же…

Мы сидели на большом диване тесным рядком. Мы молчали. Мы хранили неподвижность. Внимательно вслушивались через закрытую дверь детской в беготню, туда-сюда, по коридору, в непрерывный шум воды из кухонного крана, в отрывистые восклицания женщин. Что теперь будет?

Потом шум мало-помалу унялся, хлопнула входная дверь за уходящей тётей Полиной. Из родительской спальни доносилось постукивание швабры, как при влажной уборке, из туалета – плеск сливаемой в унитаз воды.

И – наступила полная тишина…

Дверь открылась. На пороге стояла Мама с широким Флотским ремнём в руках.

– Иди сюда!– позвала она, не уточняя кого конкретно, но мы трое знали, кому сказано…

Я поднялся и пошёл получать по заслугам…

Мы сошлись посередине комнаты, под шёлковым абажуром в потолке.

– Никогда не смей больше! Негодяя кусок!– сказала Мама, и замахнулась ремнём.

Я сключился. Шлепок пришёлся на плечо. Вот именно! – шлепок, а не удар – ни капельки ж не больно.

Она повернулась и вышла… Ничто по сравнению с тем, что влетит мне от Папы, когда придёт с работы и увидит руки Бабы Марфы, забинтованные после смазки постным мас-

лом…

Но вот щёлкнула дверь в прихожей, и голос Папы сказал: «Что за х… гм… Что тут у вас такое?», Мама быстро прошла туда из кухни.

Что именно она говорит ему – слышно не было, но эти вот слова я различил очень чётко: «Я уже наказала его, Коля»…

Папа зашёл в их комнату – оценить ущерб – и вскоре пришёл в нашу. «Эх, ты-и!» – было всё, что он мне сказал.

. .. .

Пару дней в квартире стоял крепкий запах гари. Ковровую дорожку из комнаты родителей порезали на более короткие половички. Остатки тюлевой занавеси и сгоревшую постель Папа вытащил на Мусорку через дорогу.

Ещё через пару лет, когда я уже умел читать и мне попадался спичечный коробок с грозным предупреждением на этикетке «Прячьте спички от детей!», я знал, что это и про меня тоже.

~ ~ ~

Поныне, до текущего часа с минутами, хоть убей не нахожу ответа, что именно – в том безвозвратно нежном возрасте – не позволяло мне и на секунду усомниться, что в предстоящем человечеству грядущем про меня напишут книги. Непременно.

За что конкретно – я не знал, но мои щёки заранее жёг стыд при мысли, что будущие жизнеописатели моего детства установят, что да, уже совсем даже большим мальчиком, пер-

воклассником, фактически, мне всё ещё случалось описять ночью свою раскладушку, хотя у Папы уже просто зла не хватало, потому что в моём возрасте, он уже не пудил в постель. Нет! Никогда!

Не говоря уже о том ужасном случае, когда по пути из школы мой живот скрутило невыносимой коликой, но когда измученным галопом я притащил её домой на унитаз, всё встало и застопорилось на полдороге – ни туда ни сюда – покуда Баба Марфа, напуганная моим натужным воем, не ворвалась из кухни в туалет, чтоб выхватить кусок нарезанной ПРАВДЫ из сумки на стене, и выдрать упрямо застрявшую какашку…

Ведь невозможно же писать такое в книге!

{…уже совсем в другой – моей нынешней – жизни, моя жена Сатэник посещала популярную гадалку в разрушенном войной городе Шуше, когда наш сын Ашот сбежал из местной армии из-за неуставных прессований со стороны командира роты, и регулярных избиений на гауптвахте.

В год, когда Ашот родился, Советский Союз трещал по швам, как гнилой орех. Забрезжила надежда какой-то новой жизни. Поманила шальная мечта, что покуда он вырастет, на смену призывам в армию явится служба контрактников. А почему нет? Чем чёрт не шутит… Да видать и у нечистой силы очко не железное перед лицом священного долга Отечеству…

Командир роты, по кличке Кёха, въелся в Ашота из-за

личной обиды на несправедливое устройство жизни.– После карабахской войны, его братаны по оружию в генералы вышли, брюха поотрастили, на Джипах их катают личные шофёры, а он, Кёха, так и гниёт на передовой…

Восемь дней Ашот был без вести пропавшим дезертиром, и Сатэник поехала в Шушу, к общепризнанно знающей гадалке, и та её заверила, что всё будет хорошо.

Так и случилось. Ашот пришёл домой, переночевал, и мы отвезли его к месту службы, но к более высоким командирам, чем Капитан Кёха, и после перевода в другой полк, Ашот дослуживал на постах более жаркого района, зато уже без сержантских лычек…

Так вот, в процессе предвидения, гадалка поделилась дополнительной информацией, ну типа бонуса, раз обратились к ней, что моя бабка тревожится обо мне, хотя уже на том свете, но если на этом ей поставить свечку, тогда на том она поуспокоится.

А зовут мою бабку (это всё ещё гадалка) почти что как бы Мария, но всё же по другому…

Меня буквально ошарашила точность экстрасенсорной угадки. Мария и Марфа и впрямь весьма похожие имена двух сестёр из Евангелия. Лео Таксиль уверяет, что даже Сам Иисус иногда в них путался…

А когда моей Бабе Марфе перевалило за 90, она уж и сама порою забывала своё имя. По таким дням ей приходилось звать на помощь дочь: «Ляксандра, а я вот всё думаю – меня

как звать-та?»

Ну да, нашла помощницу! Тётка Александра ещё тот подарочек: «Ой, Мамань! И я-чёт не упомню! Может, ты – Анюта?»

– Не-е… По-другому как-то было…

А через пару дней победно объявляла дочери: «Вспомнила! Марфа я! Марфа!»

Легко ли это всё распутать гадалке в древнем городе Шуше?

Однако, тут кое-кто слишком забежал вперёд, потому что в армию сперва меня загребли, а в этом письме – я всё ещё в старшей группе детского сада… Так что, мне лучше заткнуть фонтан заумной чепухи про инфантильную мегаломанию, да вернуться в ту судьбоносную пору, когда детсад завершал свой вклад в процесс формирования моей личности…)

Итак – вперёд, обратно в поворотный 1961…

Чем замечателен этот год (помимо выпуска меня из старшей группы детсада на Объекте)?

Ну, во-1-х, как ни крути его, цифра не меняется – «1961».

Кроме того, в апреле обычное звукотечение программ из коричневого ящика на стене детской оборвалось, радио умолкло на несколько минут, и только треск статических помех подавал признаки, что оно ещё не испустило дух.

Но наконец набатный голос диктора Левитана проколоколил, что через час будет зачитано важное правительственное

сообщение.

Баба Марфа начала вздыхать и украдкой креститься…

Однако, когда к назначенному часу вся семья собралась в детской комнате, голос Левитана возвысился в ликующие перезвоны, и оповестил про первый полёт космического корабля с человеком на борту. Наш соотечественник, Юрий Гагарин, за 108 минут облетел земной шар и открыл новую эру в истории человечества…

В Москве и прочих главных городах Советского Союза, люди вышли на улицы для непредвиденной демонстрации, прямо со своих рабочих мест – в халатах и спецовках. Некоторые несли большие листы ватмана, с написанными от руки плакатами: «Мы первые! Ура!».

Тем временем на Объекте, наша детская полнилась бодрыми маршами из радио на стене. Вынужденно повышая голос, Папа нетерпеливо объяснял Маме с Бабой Марфой: «Ну, так и что тут не понятно, а?! Посадили его на ракету, он и облетел!»

Специальный самолёт с Юрием Гагариным на борту близился к Москве и, всё ещё среди облаков, его единственный пассажир был с лёту произведён из Лейтенанта прямиком в Майоры.

К счастью, на борту нашёлся запасной комплект погон именно такого ранга, и в аэропорту он сошёл по трапу с большими майорскими звёздами на плечах светло-серой офицерской шинели.

Парадно печатал шаг новый Майор по ворсу ковровой дорожки, простеленной от самолёта до группы Правительства в плащах и шляпах.

Шнурок одного из начищенных ботинок случайно развязался и хлестал дорожку, на каждый чёткий шаг, но первый космонавт планеты не подал виду и, в общем ликовании, шнурочный непорядок остался незамечен.

{…много лет спустя, нечаянно просматривая кадры знакомой кинохроники, шнурок-раздолбай вдруг бросился мне в глаза, хотя прежде, как и, наверное, все остальные зрители, я видел только лишь лицо Гагарина и отличную выправку…

А сам-то он заметил? Не знаю. Но всё равно держался чётко и уверенно и, вскинув ладонь под козырёк своей фуражки, отрапортовал, что задание Партии и Правительства успешно выполнено…)

Стоя под настенным радио на Объекте, я слабо представлял, как можно облететь земной шар сидя верхом на ракете, но раз это говорит Папа, значит – именно так и открываются новые эры…

. .. .

В виде содействия всем окончательно понять, что эра точно новая, 3 месяца спустя состоялась денежная реформа.

На смену широким и длинным кускам бумаги пришли заметно укорочённые ассигнации, однако копейки остались прежними.

Эти (как и прочие, не столь очевидные) детали реформы,

служили темой оживлённых обсуждений на кухне.

В попытке приобщиться к миру взрослых, по ходу очередных дебатов я встал посреди кухни и заявил, что новые однорублёвые бумажки отвратительно желты, а Ленин на них даже и на Ленина-то не похож, а прям тебе чёрт какой-то.

Папа бросил краткий взгляд на пару соседей по площадке, участвовавших в дискуссии, и резко приказал мне не лезть в разговоры взрослых, а сейчас же отправляться в детскую.

Невзирая на чувство оскорблённости, свою обиду я уносил молча. Выходит Баба Марфа может говорить, что ей вздумается, а мне нельзя? (Но этого я не сказал.)

И это при том, что мне уже случалось слышать восхищённые отзывы о моём уме! Я личными ушами слышал, как Мама выдавала информацию для размышления соседкам: «Он иногда такие задаёт вопросы, что даже и меня в тупик ставят». (Это про меня, если кто не понял.)

Меня после подобных слов накрывала волна гордого щипания в носу, как после ситра или минералки с пузырьками.

{…не тут ли корни моей мегаломании? Однако взбучка при обсуждении новых денег послужила мне хорошим уроком – не плагиатничай у бабки, а умничай своим, если отыщется, конечно…

И кстати, о носе, не о том, который задирают, а которым нюхают. В домах других людей, в соседних квартирах или в отдельных домиках, как у Папиного друга Зацепина, всегда чувствуешь какой-то запах. Не обязательно противный,

но всегда, и только вот у нас дома никогда ничем таким не пахнет…)

В то лето взрослые кварталов «Горки» увлеклись волейболом.

После работы и домашних дел Мама одевала спортивный костюм и отправлялась на волейбольную площадку, до которой рукой подать – за дорогу и через луг, к песчаному боку Бугорка, похожего на какой-нибудь холм из Русских Былин…

Игра велась «на вылет». Команды сменяли одна другую до бархатистой ночной темени, что сгущалась вокруг жёлтого света лампочки на одиноком деревянном столбе рядом с волейбольной площадкой.

Игроки кричали друг другу упрёки или азартно пререкались с командой по ту сторону сетки, но судье никто не смел перечить, потому что тот высоко сидел, и у него был свисток.

Болельщики менялись тоже. Они приходили и уходили, орали по ходу игры, загодя сколачивали свои команды, – на смену проигрывающей; пришлёпывали на себе кровососных комарих, слетавшихся с писклявым "зззиии…" из темноты, либо гуманно отгребали прочь их полчища широколистыми ветками, отломанными где-нибудь неподалёку…

И я там был, и комарих кормил, но они всего лишь невнятное припоминание, зато память уважительно хранит то редкостное ощущение породнённости, единства – всё это мы, мы все – свои, мы – люди.

Жаль, что кому-то из нас пора уходить, но – посмотри! – вон ещё подходят. Наши. Мы…

{…а ведь было так… пока TV и WIFI не разъединили нас, рассовали по отдельным камерам… где всего-то и жизни, что различишь через глазок экрана в твоём телефоне…)

~ ~ ~

С приближением осени, Мама принялась обучать меня чтению Азбуки с картинками для каждой строчки, где буквы связывала цепь из чёрточек, чтобы послушнее складывались в слова.

Однако даже в таком вспомогательно увязанном виде, буквы упрямо не желали превращаться в слово. Иногда, чтоб сократить азбучные муки, я мухлевал и, рассмотрев картинку рядом с буквами, объявлял: «Лы-у-ны-а… Луна!»

Но Мама отвечала: «Не ври. Это «Ме-сяц».

Я эхал, пыхал и начинал сызнова составлять слова из слогов и, через пару недель, а может, через три (ну, хорошо! спустя целый месяц!), мог уже нараспев вычитывать живописательные тестики в конце Азбуки – про комбайн, что косит колосья в колхозном поле…

. .. .

Юрий Гагарин так и не смог повлиять на Бабу Марфу своим разъяснением на вопрос журналистов, что пока летал, он так и не увидел никакого Бога в небесах, ни даже и вокруг планеты.

Наоборот, она настойчиво и скрытно повела анти-ате-

истическую пропаганду среди подрастающего меня, чтобы втихаря переманить своего старшего внука к верующим.

Ненавязчиво, но ежедневно, она советовала мне поиметь ввиду, что Бог всё знает, а и к тому же ещё и может всё, даже исполнять любое желание. Какое только захочется.

А главное – за что? Да просто в обмен на одну всего-навсего молитву в день – только и делов-то! Пустяк же, правда? Зато в школе, с Божьей помощью, у меня всё пойдёт как по маслу. Захотел получить «пятёрочку»? Помолись и – получи! Честный обмен, по-Божески, чем плохо, а?

Выгоды обетованной лёгкой жизни ввергли меня в соблазн, и я дрогнул.

Сам вздрог происходил внутри, не отражаясь внешне, однако там, про себя, уже исчезло всякое сомнение, что я – потайной верующий.

Скрывая свою секретную суть и храня наружную невозмутимость, я переметнулся в Бабкин лагерь, чего, конечно, Юрий Гагарин не одобрил бы, не говоря уж про наземных членов Партии. Поэтому тайна веры оставалась неразделённой.

Путь к обеспеченности Божьей помощью усложнялся отсутствием Пастыря. Наставник – первая необходимость для начинающего верующего. Кто мне расскажет, что больше любит потолок, чтобы ему шептали? Как выпросить инструктаж, не раскрывая своей тайны?

Сложилась весьма серьёзная дилемма, один рог которой

перечёркивает другой. Самораздирательство какое-то! Причём она досталось мне, жившему чувствами, для передачи которых имелись только "эх!" да "ух!". Задача непомерная для человека, который, если уж начистоту, буквально на днях освоил чтение про комбайн в колхозном поле.

Другое дело взрослые, они запросто находят выражения своим чувствам. Хотя бы тот же Папин друг Зацепин, о котором я толком знать ничего не знаю, но которого, по свидетельству Папы, хлебом не корми, дай только повыражаться. Он просто сыпет ими на каждом шагу.

Неинформированность на тему Боговедения понуждала применять обряды собственноручного производства, то есть, потреблять продукты личного невежества. Причём, довольно регулярно, если не забывал, конечно.

Так, выходя играть во Двор, я на минутку заскакивал в самое укромное место подъезда – за узкую подвальную дверь, чтобы шагнуть в кромешность на пару ступенек ниже, чтобы там отслужить молебен, не вслух даже, а про себя, в уме, то есть: «Ну ладно, Бог. Сам всё знаешь. Видишь же, крещусь вот».

В завершение молитвы накладывалось крестное знамение примерно в области пупка… После чего, с воспрявшим духом, что не забыл исполнить зачётный ритуал, я бежал играть в классики…

Однако, когда до школы оставалась последняя пара дней, в душе моей восстало невесть откуда взявшееся непокор-

ство, и сделало меня Богоотступником.

Я отрёкся от Него. И совершил это открыто, нимало не таясь. И очень громко.

Выйдя в поле чистое (тот самый луг возле Мусорки), я что есть мочи проорал: «Бога нет!»

Крик, прозвучавший посреди пустынной предзакатной тишины, не вызвал отклика.

Довольно одиноко он как-то прозвучал, без эха.

И хотя вокруг никого не было – ну, совершенно ни души – я всё же принял меры предосторожности, просто на всякий. Ведь если кто-то услышит случайно, ну, скажем, из-за позади забора вокруг мусорных баков, то без труда смекнёт: «Ага! Раз этот мальчик заорал, что Бога нет, тогда и дураку ясно – он перед этим верил в Какого-то Него».

А это просто стыд и срам для мальчика, который уже школьник. Не сегодня-завтра.

Поэтому, чтоб не позволить посторонним догадался, вместо отчётливого богохульства, отречение оралось неясно гласным звуком: «Ы-ы ы!». Однако громко…

Ничего не произошло…

Задрав лицо кверху, я проорал повторно:«Ы-ы ы!» После чего, для надёжности, поставил окончательную точку в моих отношениях с Богом – плюнул в небо.

Ни грома, ни молнии в ответ. И только щеки ощутили капельки слюны, рассеявшейся в изморось, идя на приземление. Так, вместо точки вышло многоточие. Ну да не велика

разница.

С лёгким сердцем, радуясь обретённой свободе духа, я покинул пустошь и вернулся в периметр Квартала.

. .. .

{…микроскопические слюнные осадки, окропившие, в результате Богоборческого плевка в небо, лицо семилетнего меня, неоспоримо свидетельствовали о неготовности извлекать выводы из личного опыта – пригоршни песка, подброшенного для Ленина-Сталина-Гитлера, неизменно падали вниз, исполняя закон сэра Исаака Ньютона на эту тему, о котором тот «я» понятия не имел.

Короче, пришёл срок юному атеисту плюхнуться в неизбежную каламуть обязательного среднего образования…)

Нескончаемое лето поворотного года сжалилось, наконец-то, над маленьким невеждой и передало беспросветного меня сентябрю…

В сизом костюмчике с троицей тускло-оловянных пуговиц на пиджачке, с ровным чубчиком, как в стрижке у Китайских мальчиков с почтовых новогодних открыток конца пятидесятых (хотя из парикмахерской для взрослых дядей, куда сводила меня Мама накануне), сжимая в правом кулаке шуршащий хруст газеты, окутавшей стебли букета георгинов, который прибыл накануне вечером из палисадничка Папиного друга Зацепина, на его чёрном мотоцикле с коляской – я пошёл в первый раз в первый класс, под конвоем Мамы.

Уже и не вспомнить – вела ли меня Мама за руку, или я смог-таки настоять, что сам буду нести свой тёмно-коричневый портфельчик.

Мы шли той же дорогой, с которой давным-давно исчезли чёрные колонны зэков, но солнце сияло ярко, как и при них.

Тем же путём посреди солнечного утра шагали и другие первоклассники с их мамами, а также разнокалиберно более старшие школьники, без сопровождения, Вразнобой: группами и по отдельности.

Но с окончанием затяжного спуска, мы не свернули на торную детсадную тропу, а пошли прямо, – в распахнутые ворота Учебки Новобранцев, чтобы пересечь их двор и выйти через боковую калитку, и продолжить идти вверх, на взгорок, по другой, пока ещё неведомой тропе среди Осин и редких Елей.

Подъём сменился долгим спуском по лиственному лесу, с болотом справа вдоль тропы, а после следующего – краткого, но крутого – взгорка мы были встречены грунтовой дорогой, что подвела к воротам в периметре штакетного забора, вокруг широкой школьной территории.

Внутри ограждения, дорога заканчивалась полдюжиной ступеней из бетона, восходивших к бетону дорожки, устремлённой к дверям здания из двух этажей, с плотным строем широких окон на каждом.

Мы не вошли внутрь, а долго стояли перед школой, пока большие старшие школьники бегали сквозь занятую разго-

ворами толпу, чтобы взрослые на них кричали.

Потом нас, первоклассников, построили лицом к раскрытой двери в здание.

Родители всех первоклассников остались позади, отдельным строем, но всё-таки почти что рядом, и бегуны уже перестали носиться, а мы так и стояли с нашими новыми портфелями коричневого дерматина и букетами в газетных обёртках.

Потом нам сказали взяться попарно за руки, и идти вслед за пожилой женщиной в чёрном.

И мы двинулись неуклюжими парами. Одна девочка из нашей, разнобойно шагающей колонны, вдруг разрыдалась. Её мама подбежала с уговорами не плакать, а идти как все.

Я оглянулся на Маму. Она махнула мне рукой и сказала что-то, чего я уже не мог расслышать. Черноволосая, красивая и молодая…

~ ~ ~

Дома Мама всем сказала, что Серафима Сергеевна Касьянова – очень опытная учительница, её все хвалят, и хорошо, что я к ней попал…

Потом эта хвалёная учительница месяца три учила нас писать в тетрадках в косую линейку, чья косина помогает вырабатывать правильный наклон почерка, и всё это время, запрещала нам писать чем-либо кроме простого карандаша.

Мы выписывали нескончаемые строчки косых карандашных палочек и наклонных крючочков, которые в дальней-

шем, когда приспеет время, должны превратиться в буквы с элегантным перекосом, даже и на нелинованной бумаге.

Прошла целая вечность плюс ещё один день, прежде чем учительница объявила нас достаточно созревшими для ручек, которые назавтра надо принести с собой, и не забыть чернильницы-невыливайки, и пёрышки про запас.

Эти ручки – изящно-утончённые деревянные палочки жизнерадостно монохромной раскраски, с манжеткой светлой жести на конце для вставки пёрышка – я приносил с собою в школу, под скользко выдвижной крышкой лакированного пенала, с первого же дня занятий. А пластмассовая чернильница-невыливайка и впрямь удерживали чернила в пазухах двойных стенок, если случайно перевернёшь или осознанно поставишь вверх тормашками. Лишь бы не слишком полная была.

К тому же, при переизбытке чернил в невыливайке, перо зачерпывало их слишком чересчур, а те на страницу – кап! – ой! – опять клякса!.. Самое правильное, чтобы в чернильнице их было чуть глубже, чем на полпера, тогда одного обмака хватит на пару слов, а дальше суй перо по новой.

(…жить получалось проще при употреблении одной и той же пишущей принадлежности. Говоришь «дай ручку» и всем понятно, что имеется в виду, без всяких уточняющих вопросов: автоматическую? шариковую? гелиевую? маркерную? цифровую? беспроводную мышиную?

– Нет, мне, пожалуйста, макательную.

Но слово «макательная» тогда не употреблялось из-за своей ненужности…)

Неприхотливая приспособа из надёжных пиломатериалов приучала многомиллионные массы, проходившие через её усечённный параллелепипед в стиле элементарного коструктивизма, к отсидке длительных сроков (от 8-ми до 10-лет).

Парты производились из расчёта на пару сидельцев каждая. Они росли вместе с заключенными в их кубизме парами. Старшекласные оболтусы не помещались в маломерках для первоклашек, ученикам начальных классов не соответствовали недра парт выпускников.

Неизменными оставались форма орудия образования и её цвет. Чёрная слолешница, коричневая скамья, с неумолимо прямой спинкой из одной доски, и коричневые боковины парты.

Дизайнеры не знали, что такое эргономика, не ведали слова "макательная", они творили на основе практической сметки и традиций, уходящих корнями к утвари подобного назначения, тёртой задницами средневековых школяров.

Разумеется, прогресс тоже находил своё отражение в изделии широкого потребления. Горизонтальность в столешнице сохранила всего одна доска вдоль переднего края. Остальная столешникова плоскость полого спускалась в направлении желудка сидящих за партой.

Заключительная доска в спуске состояла из двух половинок (каждая напротив своего сидельца) и могла откидывать-

ся в обратном направлении на врезанных в неё петлях малого размера, чтобы лечь на предыдущую часть спуска. Она работала крышкой внутреннего ящика, куда сидевший впихивал свой портфельчик, мешочек с кедами для физкурьтуры и прочее другое из принесённого для занятий. Вернув крышку в исходное положение, ты вновь оказывался за скошенным столом.

Неисчерпаема изобретательность человеков.

По центру единственной горизонтальной доски столешницы, вдоль её дальнего от сиденья края, имелась неглубокая круглая выемка для установки чернильницы. Всего одной на пару партопользователей, чтобы те туда макали, в очередь, цокоча кончиками перьев о дно невыливайки.

Кончик сменного пера раздвоен, однако его тесно притиснутые друг к другу половинки на бумаге оставляют совместный след не толще волосинки (если не забыл обмакнуть перо в чернильницу). Притиснешь ручку чуть плотней к листу перед собой, и – половинки малость раздвигаются, изливая чернила в линию пошире. Можно и вовсе жирнющую провести, – смотря как нажимаешь.

Чередования тонких и широких линий, с безукоризненными переходами из одной в другую, запечатлённые в прекрасных образцах для подражания в учебнике Чистописания, доводили меня до отчаяния своей недостижимо изысканной каллиграфичностью…

Много позже, уже в третьем классе, я освоил ещё одно

применение пёрышек для ручки:

Воткни перо в бок яблоку и проверни его на полный оборот, – при вынимании обратно, в пере застрял конус вырезанной яблочной плоти, а в боку яблока появилась аккуратная дырочка. Вставляешь в неё свежеизвлечённый конус задом наперёд и… Ну, дошло, что ли? Да, конечно же! Теперь у яблока торчит миниатюрный рог!..

Понатыкаешь ему ещё таких же точно, и плод начинает смахивать на морскую мину или ёжика, в зависимости от творческой усидчивости…

В награду за труды можно даже съесть своё произведение, но лично мне никогда не нравился вкус этих яблочных мутантов…

А спустя ещё один год школьного обучения, в четвёртом классе, ты узнаёшь способ превращения сменного пера в метательное оружие.

Для начала, обломай одну из половинок острого кончика, чтоб тот стал ещё острее. Затем расщепи противоположный конец, предназначавшийся для вставки в манжетку. В произведённую тобой трещину сунь квадратик из бумаги, сложенной в четыре треугольные крыла хвостового стабилизатора, что обеспечивает прямолинейность траектории.

Теперь мечи свой дротик в какую-нибудь деревянную поверхность – дверь, классная доска, оконная рама одинаково пригодны. Оставшаяся половинка кончика пера вонзится за милую душу, и дротик симпатично заторчит хвостом-стаби-

лизатором…

~ ~ ~

Путь в школу стал совсем привычным, но всякий раз немножечко другим. Листва опала, меж обнажившихся древесных стволов пошли гулять сквозняки, а школа начала виднеться ещё на спуске, от болота рядом с большой Осиной. Её светлокорому боку хватало ширины для размещения общего заголовка осеннему пейзажу – «ЗДЕСЬ ПРОПАДАЕТ ЮННОСТЬ», исполненного ножом в одну строку.

{…литературный ежемесячник «ЮНОСТЬ» до сих пор шокирует меня своей ущербностью. Чего-то явно не хватает слишком короткому названию…)

Затем зарядили снегопады, однако под конец всякого дня в наметенных сугробах вновь пролегала возрождённая тропа между «Горкой» и школой.

В погожие дни солнце ослепительно искрилось по обе стороны этой дороги к знаниям, что начинала уже смахивать на траншею глубиной выше колен, с оранжевыми метинами мочи на снеговых стенках. Бесследно пропавшие под следующим снегопадом, они упрямо выпрыгнут в других местах неистребимой, заметно углубившейся тропы через лес…

За пару недель до Нового года, наш класс закончил проходить Букварь, и Серафима Сергеевна привела нас на второй этаж, в узкую комнату школьной библиотеки. Сидевшей там женщине, она торжественно объявила нашу полноправность считаться читателями, которым можно уже выдавать

книги для личного чтения.

В тот день я принёс домой в портфельчике мою первую книгу, и залёг с добычей на диван.

Оттуда мы не подымались, а только ворочались с одного моего бока на другой, на спину, на живот… Затем в обратном направлении, пока не кончилась вся сказка про город, где в узеньких улочках бродят рослые Молоточки, и стукают маленьких Колокольчиков по голове, чтобы те динькали.

Суровость жизни во имя нежной музыки передал С. Т. Аксаков своим произведением «Город в Табакерке».

. .. .

Зимние вечера такие торопыги, – едва успеешь пообедать и нацарапать домашнее задание по Чистописанию, а уже – глянь-ка! – за окном чернильная темень.

Но ей не одолеть весёлый пульс общественной жизни. Поспешно обуваешь валенки, натягиваешь поверх них тёплые штаны, застёгиваешься в зимнее пальто.

Свисают за спину концы тугого шарфа, что затянула Мама поверх торчком вскинутого воротника.

Она завязывает под подбородком уши меховой шапки, черех подкладку искусственных ушей шнурки гулко шарудят в твоих, глуша её наставления… И – нет тебя, ты уже выскочил на Саночную Горку.

Далеко ли? Да всего-то за углом! Тот самый спуск к Учебке Новобранцев, по которому каждое утро тянется вереница школьников. Своим плотно исхоженным снегом, Саночная

Горка идеальна для саночных увеселений.

Старт – от окружной бетонной дороги.

Глубокая колея, промятая колёсами случайной автомашины, подтверждает, что дорожное покрытие на месте. Где-то там, во глубине снегов.

О том же говорят и фонари своею чередой световых конусов пролитых со столбовых верхушек на нетронуто пышную обочину.

Стартовый столб Саночной Горки лишён сугроба. Тот утоптан до состояния плоскости, по которой жёлтоватый конус лампочного света нарисовал расплывчато неясную окружность – эпицентр сбора толпы фанатов саночного спорта…

Большинство санок – покупные, их магазинное происхождение сразу бросается в глаза алюминиево-белыми полозьям и пёстрой лакировкой в поперечинках верха. А вот мои, Папа сам сделал. Поэтому мои стальные санки куда угонистей, чем ширпотреб из Спорттоваров.

Краткий разгон, глубоко склонясь и опираясь на убегающие под тобою санки, и – шлёп! – животом на верёвку, брошенную вдоль их спины.

Ноги вверх! Чтоб валенки не тормозили, стуча носами об дорогу.

Летишь под гору – в бескрайнюю тьму с точечным блеском далёкой лампочки над воротами Учебки Новобранцев.

Точка света приплясывает, дёргается вверх-вниз, вместе с

подскоками санок, летящих под твоим животом. Встречный вихрь выжимает слёзы из туго сощуренных глаз…

Всё медленнее катят санки на излёте… Останавливаются неохотно.

Встаёшь, хватаешь варежками обледенело-твёрдую верёвку со спины санок, продёрнутую им в носовые дырки, и топаешь обратно. Санки послушно плетутся следом, порой постукивают мордой в пятки валенкам.

По мере восхождения к стартовому фонарю, в сугробах обочин, придавленных ночной мглой, оживают мириады живых искорок, переливаются, подмигивают на каждый твой шаг…

Вот это – да! Наверху Саночной Горки, уже выстраивают паровозик, увязывают санки цугом и – поехали! – вся масса с визгом, криком, морозным скрипом полозьев, катит в темноту…

В какой-то момент, как тысячи, наверное, мальчиков до меня и после, я делаю то, что никак нельзя делать, и нам это заранее и очень хорошо известно. Нет-нет! Совсем нельзя, но саночный нос под светом лампочки искрится узорами такой красоты, что мы не в силах больше сдерживаться. Так хочеться лизнуть их в нос.

Конечно же, как мы и знали, язык прикипел к стылому металлу, и приходится отрывать его обратно, с болью и стыдом, и с надеждой, что никто не углядел такую полную, для такого большого мальчика, глупость…

А уже в конце, топаешь домой, волоча за собою санки бесчувственными руками, и бросаешь их в тёмном подъезде, возле узкой двери в подвал. Взбираешься по ступеням на второй этаж и бухаешь носками валенок в свою дверь.

В прихожей, мама сдёргивает у тебя с рук варежки, обросшие бисерно мелкими ледышками на каждой-прекаждой ворсинке. Мама громко часто охает при виде набело закоченелых рук.

Она бежит во двор, чтоб зачерпнуть тазик снега для растирания твоих деревянных рук. Приказывает сунуть их в кастрюлю с ледяной водой из кухонного крана. Трёт их шерстью развязанного с тебя шарфа и, постепенно, жизнь начинает возвращаться в твои руки.

А ты скулишь и ноешь в невыносимой боли от невидимых, вонзённых в твои пальцы игл, а Мама кричит: «Так тебе и надо! Тоже мне – гуляка! Горе ты моё луковое!»

И, не затыкая свой скулёж от боли в непослушных пальцах и ободранном безжалостным железом языке, ты всё же знаешь, – это ничего, потому что Маме известно как тебя спасти…

~ ~ ~

После зимних каникул, Серафима Сергеевна принесла в класс «ПИОНЕРСКУЮ ПРАВДУ» и, вместо урока, читала нам оттуда, что такое Коммунизм, при котором мы все начнём жить через двадцать лет, потому что к тому времени его строительство в нашей стране завершится, как только что

пообещал народу Никита Сергеевич Хрущёв…

Придя домой, я тут же огласил радостную весть, что двадцать лет спустя в магазинах всё будет бесплатно, бери что хочешь, потому что нам в школе сегодня так сказали.

На моё объявление, родители переглянулись, но как-то не поспешили разделить со мной радость светлому будущему, которое всем нам предстоит.

Тогда я тоже проявил сдержанность, и перестал к ним приставать, но про себя вычислил, что при Коммунизме мне стукнет двадцать семь, не слишком-то и старый для бесплатных магазинов…

К тому времени все ученики нашего класса стали уже Октябрятами, после захода в наш класс взрослых пятиклассников, которые прикололи октябрятские значки на наши школьные формы.

Значок состоял из алой пятиконечной звёздочки вокруг жёлтого ободка, откуда, как из медальона, выглядывало ангельское личико Володи Ульянова, в длинно-золотистых локонах его раннего детства, в котором, играя со своей сестрой, он ей приказывал: «Шагом марш из-под дивана!».

Впоследствии он вырос, утратил волосы и стал Владимиром Ильичом Лениным, и про него написали много книг…

. .. .

У нас дома появился несуразное устройство с жестяным трубчатым носом, откуда поблескивало стекло линз – проектор диафильмов.

С ним вместе вынырнула картонная коробка, полная пластмассовых бочоночков для хранения тугих плёночных свитков.

Среди плёнок встречались давние знакомые, которых крутили ещё в детском саду, по субботам, – герой Гражданской войны Матрос Железняк или дочка подпольного революционера, которая находчиво утопила типографский шрифт в кувшине с молоком, на столе её спальни, когда в их дом нежданно нагрянула полиция с обыском посреди ночи.

Те точно знали, что её папа печатает листовки, и поискали даже у неё в кроватке, однако заглянуть под молоко так и не догадались…

Конечно же, плёнки заряжались мною, и чёрное колёсико под жестяным носом вертел, меняя кадры, тоже я, а ко всему тому вдобавок, ещё и читал белые надписи под картинками. Однако длилось моё безраздельное самодержавие недолго.

Меньшие выучили надписи наизусть, и взяли моду пересказывать их, прежде чем соответствующая картинка вползёт, скрипя сквозь трубку носа, в квадрат изливаемого на обои света.

Вызов моему старшинству со стороны Наташки меня задевал меньше, чем Сашкина строптивость.

Давно ли, наперегонки мчались мы галопом утолить жажду из-под кухонного крана? И, придя первым, он с готовностью уступал мне жестяную белую кружку с революционным крейсером Аврора на боку, как старшему, как брату,

чья неповоротливость не отменяет его верховенства.

И, выхлебав полкружки, остаток я не выливал, а благодушно передавал ему докончить, – самый верняковый способ стать силачом.

Вот отчего, например, я такой сильный? Потому что не погребовал отпить пару глотков из бутылки с минералкой, початой Сашей Невельским. А он – самый сильный мальчик в нашем классе.

Мой младший брат наивно слушал мои наивные россказни, и принимал протянутую кружку.

Как и я, он отличался чрезмерной доверчивостью. Однажды, когда Папа за обедом достал из своей суповой тарелки хрящ без мяса, и пообещал кило пряников сумевшему разгрызть эту несъедобность, Саша посопел, молча, и – вызвался.

Жевал он долго, упорно глядя в свою тарелку, а не на кого-нибудь в отдельности. В конце концов, хрящ был проглочен, по частям.

Жалко, что пряников он так и не дождался. Папа забыл, наверное…

~ ~ ~

Почта доставила нам посылку. Вернее, нам принесли бумажку, что прибыла посылка, а потом Мама зашла туда после работы.

Домой она принесла ящик из фанеры обшарпанной за долгий путь. Фанерные бока обвивала тонкая бечёвка, при-

шлёпнутая коричневым сургучом. Должно быть для надёжности, чтоб ящик не разваливался.

Сверху химическим карандашом, который синеет от влажности, крупноблочно стоят буквы двух адресов (без наклона) – отправитель Е. Вакимова из города Конотоп, получателю в Почтовом Ящике нашего Объекта.

Посылку усадили посреди кухни на табурет, и вся семья собралась вокруг.

Крышку с адресами, должно быть для надёжности, крепила целая уйма вколоченных гвоздиков, но против кухонного ножа, который Папа сделал сам, они не устояли. Даже совместным сопротивлением не смогли…

Открылась чёрная гладь из семечек, заполнившая ящик до краёв. Взрослые удивлённо взглянули друг на друга. Папа отложил нож на стол.

Мама провела рукой от середины к бортику, гоня ребром ладони мелкую волну подсолнуховых семечек. На полдороге проступил белый кусище сала. Волна от центра в противоположную сторону открыла утонувший красный бок резиновой грелки. Наполненная слишком туго, она не сумела всплыть.

Утопленников вытащили на стол. Уровень семечек упал до трети ящика. Папа прогрёб оставшуюся глубину и сказал, что больше нет ничего, что семечки тут наполнитель, чтоб сало с грелкой не болтались по посылке.

Потом он выкрутил у грелки пробку, весело понюхал и объявил, что точно, так и есть, как он и подумал.

Слегка прожаренные на сковороде, семечки наполняли кухню приятным ароматом, и стали аппетитнее на вкус.

Мы их раскусывали, складывали шелуху в блюдце посреди стола, а сплюснутые ядрышки с острым носиком прожёвывали и ели. Это и называется грызть семечки.

А потом Мама сказала, что если их есть не просто так, одну за одной, а налущить хотя бы полстакана зёрнышек, а потом слегка посыпать сахарным песком, вот это будет вкуснятища!

Каждый из трёх её детей получил чайный стакан, для заготовки к посыпанию. Заместо блюдца, Мама выдала нам одну глубокую тарелку на всех. Она ловко свернула большой кулёк из газеты, и высыпала в него семечки из сковороды.

Мы оставили взрослых есть неподслащенные семечки на кухне, и перешли в детскую. Разлеглись там, на кусках ковровой дорожки в подпалинах от давнего пожара, но не такто уж слишком заметных.

Вполне ожидаемо, уровень налущенных зёрнышек в Наташкином стакане рос быстрее, хотя она больше болтала, чем щёлкала. Однако когда и брат ушёл в отрыв, меня стала разбироать обида.

Мою заготовку затормаживала карикатура на боку газетного кулька, где толстопузый колониалист вылетал с континента Африка.

Пучок прозрачно-тонких линий по воздуху показывали траекторию его полёта. На старте, в зад его белых шортов

явно пнули широким башмаком. Там он и отпечатался, почти что на весь зад. Но отчего весь отпечаток чёрный? Башмак сперва ступнул в гудрон или ещё куда-то? Это нечаянно случилось или таки нарочно, чтобы испортить шорты?

Все эти вопросы мне пришлось отбросить, и не слишком приглядываться к параболе полёта. Не отвлекаться на пробковый шлем для тропиков. Мне надо поживее грызть, и следить построже, чтоб в спешке не жевать случайно, а зёрнышки, все до одного, складывать в стакан.

Но несмотря на правильные планы, никак не получалось догнать более шустрых грызунов. Мне не ничего уже не могло помочь, мелкие оторвались недосягаемо.

Дверь отворилась, и зашла Мама – весело спросить как у нас дела. С нею прибыл сахарный песок и ложечка – посыпа́ть нагрызенные нами достижения, у кого сколько вышло.

Однако эти гадские семечки меня совсем уже вывели. Просто зла уже на них не хватало, хоть под сахаром, хоть и без…

Так что всю последующую жизнь я оставался безразличным к восторгам семечковых оргий.

(…и жаль, отчасти, ведь лузганье семечек не просто ленивый способ убить время, получая при этом побочный эффект обильного слюновыделения, – и близко нет! Оно переросло в самостоятельное искусство.

Взять, например, разухабисто Славянскую манеру семечкоедства, неофициально именуемую «свинячий способ», ко-

гда они закладываются горстью, и зёрнышки прожёвываются совместно с чёрной своей шелухой; и, впитав от них усладу вкуса, всё это не сплёвывают энергически в окружающую среду, но вялыми толчками языка выпихивают из уголка губ, чтобы оно сползало общеперемолотой, обильно смоченной слюной, лавообразной массой по подбородку, пока не шмякнется влажными клочьями на грудь потребляющего. Да-с, беситься с жиру можно всячески, судари мои.

А или же, для контраста, опять-таки Славянский, но на этот раз «филигранный» стиль, при котором каждая семечка в отдельности вбрасыватся в рот ядущего с расстояния не ближе двадцати пяти сантиметров, а то и пары пядей.

И так далее вплоть до целомудренно Закавказского фасона, где грызóмая семечка вставляется в тот же таки рот будучи зажатой между сгибом указательного пальца и концом большого, и эта пальцевая паранджа прикрывает момент приёма семени, после чего отпроцессированная лузга не выплёвывается, как попадя, но возвращается в ту же пальцеконструкцию для рассеивания куда-уж-там-нибудь или сбора во что-уж-там-придётся.

В целом, наблюдая последний из представленных методов, складывается впечатление, будто потребитель втихаря кусает сам себя за кукиш. Ну-кась-ка, выкусим!

О, да! Семечки подсолнуха это вам не тупой поп-корм. Однако ж хватит с них, вернёмся на зелёную ковровую до-

рожку неравномерного покроя…)

Именно на этих зелёных кусках мой брат нанёс сокрушающе мощный удар по моему авторитету старшего…

В тот день я пришёл домой после урока Физкультуры и, с томным видом чемпиона по кёрлингу, опрометчиво заявил, что сделать сто приседаний за один раз – выше человеческих возможностей.

Саша, молча, посопел…

Наташа и я вели счёт. После пятнадцатого приседания я завопил, что это неправильно и нечестно, что он не подымается до конца! Однако Сашка продолжал, как будто я только что тут ничего и не говорил даже, а Наташа продолжала считать.

Я заткнулся и вскоре присоединился к ней, хотя после «восемьдесят один!» он не мог подняться выше своих согнутых в приседе коленей. Мне было жалко брата, эти неполноценные приседы давались ему с неимоверным напряжением. Его пошатывало, в глазах стояли слёзы, но счёт был доведён до ста, прежде чем он насилу доковылял до большого дивана, а потом неделю жаловался на боль в коленях.

Мой авторитет рухнул, как колониализм в Африке, хорошо хоть пряников я не обещал…

~ ~ ~

Откуда взялся диапроектор? Скорее всего, родители переподарили чей-то подарок.

А у них в комнате появилась Радиола – комбинация из

радио и проигрывателя – 2 в 1, как станут называть такие сочетания лет через 40.

Крышка верха и боковые стенки мягко лоснились коричневым лаком. Позади – твёрдый картон без лака, но с тесными рядами просверленных в нём отверстий, что походили на иллюминаторы крохотного многоэтажного лайнера, припёртого бортом к стене.

Но если Радиолу сдвинуть от стены, одним углом и совсем чуть-чуть – только бы голова туда засунулась, и заглянуть в лилипутные иллюминаторы, то в сумеречных радиоло-недрах откроется прерывистый ландшафт, где на террасах белых алюминиевых панелей тесно сгрудились жемчужно-чёрные башенки радиоламп разного роста, в которых теплятся рыжие огоньки.

Из крайнего иллюминатора в нижнем ряду свисает наружу гибкий коричневый провод; не с якорем, а с вилкой на конце – для подключения в розетку.

Плоский лик Радиолы обтянут специальной звукопропускающей тканью, за которой угадывается овальный кратер динамика, а над ним глазок: стеклянный, круглый, тёмный. Но это когда Радиола спит, а при включении он загорается зелёным.

Вдоль угловатого подбородка-низа – невысокая, но длинная, чёрная полоска из стекла, подобно мостику от пары пластмассовых катушек-регуляторов справа (которая повыше – общий вкл/выкл и установка громкости (2 в 1), а та,

что ниже – скачковый переключатель диапазона радиоволн) к одинокой катушке слева – плавная настройка на волну передающей станции.

Черноту стекляшки прорезают четыре тонкие прозрачные полоски – во всю горизонтальную длину, – из них сочится жёлтый свет, если «вкл» и глазок бодрствует (зелёным).

Тонкие, как волосок, вертикальные засечки над каждой из четырёх полосок сопровождаются именами всяческих столиц: Москва, Бухарест, Варшава и т. д., отмечая места для ловли этих далёких городов.

При вращении катушки настраивающей на волну, допустим, из Будапешта на Улан-Батор, в прозрачных полосках видно переползание – от засечки к засечке – красного столбика-бегунка, по ту сторону чёрного стекла.

Правда, включение радио не слишком-то и интересно: динамик шипит, трещит, невыносимо подвывает – смотря куда заполз бегунок – иногда вынырнет голос диктора с новостями на Незнаемо-Бухарестском языке, а с прокруткой дальше по волнам его сменит Русский диктор, и начнёт повторять новости, уже рассказанные настенным радио в детской…

Зато когда поднимешь крышку Радиолы – ух, ты! Ту словно зал маленького театра с круглой сценой из красного бархата. Из её центра торчит блестящий стерженёк для продевания в дырку грампластинки.

Рядом с диско-сценой чуть кривоватая лапка адаптера из белой пластмассы лежит-отдыхает, приопёрлась на свой ко-

стылёк-подпорку.

Когда диск уже крутит на своей бархатной спине пластинку, надо осторожно приподнять адаптер с костылька, отнести в сторону вертящегося чёрного круга, и опустить адаптерную иголку в широкие промежутки между бороздок, бегущих по краю грампластинки.

Игла ещё оборотов пару пошипит и – съедет в тесно сдвинутые круги-бороздки, и тут уж Радиола запоёт про Чико-Чико из Коста-Рики или про О, Маё Кэро, или про солдата в поле вдоль берега крутого в шинели рядового…

В тумбочке под Радиолой, стопки поставленных стоймя конвертов берегли от пыли чёрные блестящие пластинки, изготовленные на Апрелевской фабрике грамзаписи, о чём сообщали круглые красные наклейки вокруг дырки для стерженька. Там, после названия песни, имени исполнителя, и что скорость вращения 78 об/мин, упоминалась фабриа. На всех одна и та же.

Рядом с костыльком адаптера, из дугообразной щели торчал рычажок переключения скоростей с пометками 33, 45, 78.

Грампластинки на 33 оборота были чуть ли не вполовину меньше 78-оборотных, но у этих маломерок помещалось по две песни на каждой стороне!

Наташа показала мне и брату, что если пластинку в 33 оборота запустить на 45, то даже Большой Хор Советской Армии и Флота имени Александрова начинает петь бравые

песни кукольно-лилипуточными голосами…

~ ~ ~

Чтением Папа не слишком увлекался. Читал он только журнал «РАДИО» со множеством схем-чертежей из всяких конденсаторов-диодов-триодов, который каждый месяц возникал в объёмистом почтовом ящике из фанеры, который Папа соорудил на нашей двери.

А из-за того, что Папа член Партии, туда же ещё клали каждодневную «ПРАВДУ» и ежемесячный «БЛОКНОТ АГИТАТОРА», без единой картинки в беспросветно плотном тексте, – пара нескончаемых абзацев на одну страницу ежемесячника, в среднем, а кое-где на пару – один…

И ещё по случаю партийности, Папа дважды в неделю ходил на Вечерние Курсы Партийной Учёбы, когда не работал во вторую смену. Курсы ему приходилось посещать для записи уроков, в толстую тетрадь в коричневой дерматиновой обложке, потому что после двух лет учёбы его ждал очень трудный экзамен.

Однажды после Партийной Учёбы он принёс домой стопку партийных учебников, которые там распространяли среди партийных курсантов. Однако даже и распространённые книги он не читал, и и это привело его к непоправимой ошибке.

Горькие плоды своей недальновидности ему пришлось пожать через два года, когда в одном из партийных учебников он обнаружил свою «заначку» – часть заработной пла-

ты, утаённую от жены, на расходы по собственному усмотрению. С неподдельным раскаянием и громкими (но запоздалыми) упрёками в свой личный адрес, горевал Папа над находкой, которая заначивалась до денежной реформы, обратившей широкие деньги в бумажные фантики…

Среди множества наименований Объекта, на котором мы жили, имелось и такое имя как «Зона», – пережиток из тех времён, когда зэки строили Объект. (Зэки живут и пашут на Зоне, это известно каждому).

После второго года Вечерних Курсов Партийной Учёбы, Папу и других курсантов возили на экзамен «За Зону», в ближайший районный центр.

Накануне, Папа заметно переживал и не уставал повторять, что он ни черта не знает, хотя исписал ту толстую тетрадь почти до самого конца. А кому охота оставаться, говорил Папа, на ещё один год Партийной Учёбы к чертям собачьим!

Из «За Зоны» Папа вернулся очень весёлым и радостным, потому что на экзамене он получил слабенькую «троечку», и теперь у него все вечера будут свободны.

Мама спросила, как же он сдал, если не знал ни черта. Тогда Папа открыл толстую тетрадь Партийной Учёбы, и показал свою колдовочку – карандашный рисунок, который он сделал на последней странице: осёл с длинными ушами и хвостом, а под животным магическая надпись «вы-ве-зи!»

Я не знал можно ли верить Папиной истории, потому что

он часто смеялся, пока рассказывал. Поэтому я решил, что лучше никому не говорить про осла, который вывез Папу из Партийной Учёбы…

~ ~ ~

Читателем книг в нашей семье была Мама. Уходя на работу, она брала их с собой, чтобы читать в свою смену на Насосной Станции. Но сначала она приносила работные книги из Библиотеки нашей Части. (Да, потому что мы жили не только в Почтовом Ящике/Зоне или на Объекте, но также и в пределах Войсковой Части номер какой-то-там, что и делало слово «Часть» ещё одним из названий нашего места жительства)…

Библиотека Части находилась не очень далеко, примерно за километр ходьбы. Сперва по бетонной дороге до самого низа Горки, где она пересекалась асфальтной, а сама, после перекрёстка, превращалась в грунтовую улицу между деревянных домов за невысокими заборчиками палисадников. В самом конце, поперёк улицы стоял Дом Офицеров.

Однако, не доходя до её окончания метров сто, надо свернуть направо, к одноэтажному, но кирпичному зданию Библиотеки Части.

Иногда, отправляясь за книгами для предстоящих смен, Мама брала меня с собой, и пока в глубине здания она обменивала прочитанные, я ждал в большой пустой передней комнате без всякой мебели.

Наверное, такую пустоту поддерживали в ней, чтоб ни

один шкаф-стуя не мешал разгляывать какой-нибудь из множества плакатов, покрывших своей красочностью каждую из стен.

Самый главный плакат представлял схему Атомной бомбы в разрезе (потому что, называя Объект полным именем, говорили: «Атомный Объект»).

Кроме плакатов про атомную анатомию и грибы разнообразных атомных взрывов, по углам висели также картинки о подготовке Натовских шпионов. В одной из фотографий, шпион, запрыгнув на спину часового, раздирал солдату рот засунутыми под губы пальцами.

Это был самый жуткий угол в комнате, но я не смел отвести взгляд от выпученного взгляда часового с безжалостным шпионом на его спине, и только думал про себя: «Мама, ну, пожалуйста, меняй свои книги поскорее».

В одно из таких посещений, я набрался смелости спросить Маму: можно ли и мне брать книги в Библиотеке Части? Она ответила, что вообще-то библиотека тут для взрослых, но всё же отвела меня в комнату, где сидела Библиотекарша за тумбовым столом, придавленным пирамидами разнообразно толстых книг, из-за которых почти не оставалось места для её лампы и длинного фанерного ящичка с плотным строем читательских карточек.

Тут Мама сказала женщине под лампой, что уже не знает, что со мною делать, потому что я перечитал всю библиотеку в школе.

С тех пор я всегда ходил в Библиотеку Части сам по себе, без Мамы. Иногда я обменивал и её книги для дежурств, и приносил домой, вместе с двумя-тремя для собственного чтения.

Читаемые мною книги усеивали диван в постоянной готовности, из-за того что я их читал вперемешку. На одном диванном валике, я уползал через линию фронта, вместе с разведгруппой «Звезда», чтобы захватить Немецкого штабного офицера, а перекатившись к дальнему концу дивана, я утыкался носом в кактусы Мексиканских пампасов, и скакал во весь опор с Белым Вождём Майн Рида.

И только солидный том «Легенды и Мифы Древней Греции» я читал, по большей части, почему-то в ванной, на маленьком табурете, плеч о плеч с Титаном, паровым котлом-бойлером.

За такой диванно-лежачий образ жизни, Папа прозвал меня Обломовым, потому что на уроках Русской Литературы в своей деревенской школе, он хорошо запомнил образ этого лентяя.

~ ~ ~

Зима выдалась бесконечно долгой, затяжной; метели сменялись морозом и солнцем; в школу я выходил в густых сумерках, почти затемно…

Но в один из дней случилась оттепель, и по дороге из школы, на подъёме между Учебкой Новобранцев и Кварталом, я заметил непонятно тёмную полосу в снегу налево от дороги.

Тогда я свернул и, бороздя валенками нехоженые сугробы, пошёл взглянуть что это там.

Полоса оказалось землёй, выступившей из-под снега – проталина, чуть липкая от влаги. На следующий день она удлинилась, а кто-то ещё успел побывать на ней и оставить почернелые Еловые шишки, скорее всего прошлогодние.

И хотя через день снова ударил мороз и сковал снег твёрдым настом, а потом опять зарядили метели, бесследно укрыв снегом темневшую на взгорке проталину, я точно знал, что зима пройдёт всё равно…

. .. .

Посреди марта, на первом уроке в понедельник, Серафима Сергеевна сказала нам отложить ручки и послушать её.

Оказывается, два дня назад она ходила в баню со своей дочкой, а вернувшись домой, обнаружила пропажу кошелька, вместе со всей её учительской зарплатой.

Она очень расстроилась, и дочка её тоже, и начала доказывать матери, что невозможно построить Коммунизм, когда вокруг воры.

Однако на следующий день к ним домой пришёл человек, – рабочий из бани. Он нашёл там кошелёк на полу и догадался, у кого это выпало, вот и принёс вернуть…

И Серафима Сергеевна сказала нам, что Коммунизм обязательно будет построен, и попросила запомнить имя этого рабочего человека.

(…однако имя я уже не помню, потому что, как записа-

но в словаре Владимира Даля – «тело заплывчиво, память забывчива»…)

Субботний день купался в тёплом весеннем солнце. После школы, я быстренько пообедал и прямиком из кухни поспешил во Двор, в самый разгар Общего Субботника.

Люди вышли из домов в яркий сверкающий день и расчищали бетонные дорожки широкого Двора. Ребята постарше грузили снег в большие картонные коробки и на санках оттаскивали в сторонку, чтоб не мешал ходить.

В кюветах вдоль обочины прорыли глубокие каналы, нарезая лопатами целые кубы подмокшего снизу снега. И по каналам, с весёлым журчанием, побежала тёмная вода…

Так пришла весна, и всё стало меняться каждый день.

А когда в школе нам выдали жёлтые листы табелей с нашими оценками, наступило лето, а вместе с ним пришли каникулы и каждодневные игры в Прятки, Классики, Ножички.

. .. .

Для игры в Ножички нужно выбрать ровное место и начертить на земле широкий круг. Круг делится на равные сектора, соответствуя количеству участников, каждому – свой .

Стоя во весь рост, игроки по очереди мечут нож в участок земли кого-либо из соседей (сошедшиеся в центре круга сектора поневоле соседствуют, геометрически, и даже соприкасаются в одной точке).

Если нож застрял торчком, сектор делится прямой, проводимой через края воткнуого лезвия. Хозяин разделённого

сектора решает – какая часть остаётся ему; остальная отходит метнувшему.

Участник остаётся в игре, покуда имеет клочок земли, достаточный для стояния хотя бы на одной ноге, а если нет – выходит из игры.

Игра продолжается, пока весь круг не достанется кому-то одному. You win, хозяин!

(…как говорит Александр Сергеевич Пушкин:

«сказка ложь, да в ней намёк…»

Играя в Ножички, я пылал азартом, страстно желая победить. Нынче же былой пыл сменился безмерным изумлением – до чего точно простенькая детская игра отразила самую суть всемирной истории!..)

А ещё мы играли в Спички (ошибки нет, «в спички», а не спичками), но это игра всего на двоих.

Стиснув руку в кулак, игрок отводит свой большой палец в сторону, вставляет и удерживает между его концом и суставом указательного спичку – крепко-накрепко, как распорку.

Спички противников аккуратно упираются одна в другую – серединами, крест-накрест. Нажим, влагаемый в противостояние, растёт до тех пор, покуда не преломится одна из противоборствующих спичек (если обе – ничья, а победа за тем, чья продержалась).

Та же, фактически, идея, как и в траханье крашеными яйцами на Пасху, просто не нужно весь год ждать сезона игр, в которых изводился не один коробок, подхваченный на кухне

дома…

Или же мы просто бегали туда-сюда, играя в Войнушку, с криками «ура!», «та-та-та!»

– Та-дах! Та-дах! Я тебя убил!

– Знаю! Просто это я ещё при смерти!

И затем долгое время номинально павший боец будет бегать «при смерти» рысью, вы-та-та-кивать предсмертные обоймы и разве что «уракать!» умирающим голосом, (если, конечно, мальчик обладает достаточно развитым чувством порядочности), прежде чем упасть, в конце концов, с непогрешимо театральным смаком, на траву, где та погуще.

Для игры в Войнушку нужен автомат, выпиленный из куска дощечки. Хотя некоторые мальчики играли автоматическим оружием из чёрной жести – оно импортировалось из «За Зонных» магазинов.

Таким автоматам требовалась спецамуниция – тугой рулончик узенькой бумажной ленты, с насаженными вдоль неё крапушками серы. Под ударом пружинного курка, такая крапушка громко бахкала, а полоска заправленной в автомат ленты, автоматически продвигалась кверху, подтягивая свежую серу на место прибабахнутой…

Ну а мне Мама купила жестяной пистолет и коробку пистонов – мелких бумажных кружочков с теми же крапушками, только их приходилось закладывать вручную, после каждого «баха».

При выстреле, из-под курка всплывал крохотный дымок

с кислым запахом.

Однажды я в одиночку бахал в куче песка возле Мусорки, и мальчик из углового здания попросил подарить пистолет ему. Не задумываясь и на секунду, я протянул оружие просителю, ведь так намного правильнее – он сын офицера, оно ему и нужнее, и больше полагается, чем мне…

Мама ни в какую не хотела верить, будто мальчик способен отдать свой пистолет другому, так запросто. Она требовала сказать ей самую настоящую правду, – признаться, что я потерял Мамин подарок. Но я упрямо стоял на своей.

Ей даже пришлось отвести меня в квартиру того мальчика в угловом здании. Офицер стал стыдить своего сына, но Мама начала извиняться и просить прощения, потому что она просто хотела проверить и добиться, чтобы я не врал.

~ ~ ~

В то лето мальчики нашего Двора начали играть желтовато медными гильзами настоящего стрелкового оружия, которые отыскивали на стрельбище в лесу.

Мне очень хотелось увидеть какое оно, это стрельбище, но старшие мальчики объяснили, что ходить туда можно только по особым дням, когда не стреляют, а в простые тебя прогонят, и – всё.

Особый день долго не приходил, но, наконец, случился, и мы пошли через лес…

Стрельбище оказалось широкой-преширокой поляной с глубоким рвом у кромки леса. Но в одном из углов рва есть

крутое место спуска на его глубокое дна.

Дальнюю стенку в этой ямище отгораживал высокий барьер из брёвен, весь исклёванный пулями, а на нём пара забытых мишеней – листки бумаги с изрешечёнными контурами человеческой головы на плечах.

Мы искали гильзы в песке под ногами. Попадались только два вида: продолговатые с зауженной шейкой – гильзы от Автомата Калашникова, и мелкие прямые цилиндрики от пистолета ТТ.

Громкий вопль радости встречал любую из находок, и её тут же пускали в оживлённый обмен между искателями.

Мне совершенно ничего не попадалось, и я только завидовал находчивым мальчикам, чьи крики как-то терялись в жутковатой тиши стрельбища, недовольного нашим приходом в запретное место…

Недалеко от глубокого рва пролегала короткая траншея линии фронта, чьи песчаные стенки удерживались щитами из досок. Узкоколейка железных рельсов тянулась из конца в конец поляны, пересекая фронтовой передний край. Она служила для катания вагонетки с большим зелёным танковым макетом из фанеры, который надо тянуть тросом ручной лебёдки.

Мальчики стали играть этой механикой.

Я тоже посидел разок в траншее, пока над головой проедет фанерный танк, громыхая вагонеткой. Потом меня позвали на край поляны, где нужно было помогать.

Мы подтягивали трос поближе к горизонтальному блоку, через который он пробегал, чтобы у мальчиков на другом краю поля боя легче крутилась лебедка, и танк тарахтал бы по рельсам быстрее.

В какой-то момент я зазевался, и не успел отдёрнуть руку вовремя.

Стальной трос закусил мой мизинец и втащил в ручей блока. От боли в заглоченном пальце, из меня выплеснулся пронзительный крик, вперемешку с фонтаном слёз.

В ответ на мои истошные «у-ю-юй!», а также вопли трудившихся рядом со мной мальчиков: «Стой! Палец!» – остальным, крутившим лебёдку вдалеке, удалось остановить её, когда мизинцу оставалась какая-то пара сантиметров до освобождения из проворачивающегося блочного колеса.

На том конце поляны, принялись крутить кривой рычаг в обратном направлении, протаскивая бедный палец туда же, где он и попал под трос в самом начале несчастного случая.

Безобразно сплющенный, смертельно побледневший палец, перемазанный кровью лопнувшей кожи, медленно высвободился из пасти блока и мгновенно вспух.

Мальчики обмотали его моим носовым платком, и велели мне бежать домой. Быстрей! И я побежал через лес, чувствуя горячие толчки пульса в пожёванном пальце…

Дома, Мама ничего не спросила, а сразу приказала сунуть раненного под струю воды из кухонного крана. Она несколько раз согнула его и выпрямила, и сказала, чтобы я не ревел,

как коровушка.

Потом она смазала палец щипучим йодом, забинтовала его в тугой белый кокон и пообещала, что до свадьбы заживёт.

(…и вместе с тем, детство никак не питомник садомазохизма навроде: «ой, до чего ж мне пальчик прищемило! ай, как я головкой тюпнулся!», просто какие-то встряски оставляют более глубокие зарубки в памяти.

А жаль однако, что та же самая память, подсказывая вовремя оплатить счета за коммунальные услуги, забрать стирку из прачечной, или не забыть поздравить шефа с днём рождения, как-то забывает делиться тем восхитительным состоянием непрестанных открытий, когда песчинка на лезвии перочинного ножа полна галактик, которым несть числа, когда любая чепушинка, осколок мусорный, неясный шум в широком перламутре приложенной к уху морской ракушки —есть обещаньем и залогом будущих далёких странствий, невообразимых приключений.

Мы вырастаем, обрастая защитной бронёй, панцирем необходимым для преуспеяния в мире взрослых – докторский халат на мне, на тебе куртка ГАИшника. Каждый из нас нужный винтик в машине общества. Всё лишнее типа замирания перед огнетушителями, разглядывания лиц в морозных узорах на стекле кухонного окна – отстругнуто…

Сейчас на моих пальцах различим не один застарелый шрам. Этот вот от ножа – не туда крутанулся, тут то-

пором тюкнуто, и только на моих мизинцах чисто, нет и следа от той трособлочной травмы. Потому что «тело заплывчиво»…

Но – эй! Слыхал я поговорки поновей, совсем недавно (и очень даже в точку) пропето кем-то: «лето – это маленькая жизнь»…)

В детстве, не только лето, но и всякий день – это маленькая жизнь. В детстве время заторможено, оно не летит, не течёт, оно не шевелится даже, покуда не подпихнёшь. Бедняжки детишки давно б уж пропали, пересекая эту бескрайнюю пустыню недвижимого времени, что раскинулась в начале их жизней, если б их не спасали игры.

А в то лето, когда игра надоедала, или не с кем было играть во Дворе, у меня появилось уже прибежище посреди пустыни, как бы «домик» в Классиках.

Оазисом служил большой диван со спинкой и валиками подлокотников. Вот где жизнь бурлит приключениями, которые переживаешь с героями книг Гайдара, Беляева, Жуля Верна…

Впрочем, для приключений годится не один только диван. Например балкон в комнате родителей, где однажды я провёл целый день за книгой про доисторических людей – Чунга и Пому.

На них росла шерсть, как у животных, и жили они на деревьях. А потом ветка обломилась, но помогла спастись от саблезубого тигра, поэтому они стали всегда носить при себе

палку, вместо того чтобы прыгать по деревьям.

Потом случился огромный пожар в джунглях, и началось Оледенение. Их племя бродило в поисках пищи, учились добывать огонь и разговаривать друг с другом.

В последней главе, уже постаревшая Пома не смогла идти дальше и отстала от племени. Её верный Чунг остался – замерзать рядом с ней в снегу.

Но их дети не могли ждать и пошли дальше, потому что они уже выросли, и не были такими мохнатыми, как их родители, а от холода они защищались шкурами других животных…

Книга была не особо толста, но я читал её весь день: пока солнце, поднявшись слева – из-за леса позади домов Квартала – неприметно продвигалось в небе над Двором к закату справа – за соседним кварталом.

Ближе к вечеру, утомившись безотрывным чтением, я протиснулся между стоек под перилами балкона и начал расхаживать по бетонной кромке снаружи. Это вовсе не страшно, ведь я крепко хватался за железные прутья ограждения, как Чунг и Пома, когда они жили ещё на деревьях.

Но какой-то незнакомый дядя проходил внизу, отругал меня и сказал сейчас же вернуться на балкон. Он пригрозил даже сказать моим родителям.

Только они в тот день работали на своих работах, и он наябедничал соседям снизу. Вечером они всё рассказали Маме, и мне пришлось пообещать ей – никогда-никогда так не

делать больше.

~ ~ ~

(…всякий путь, когда проходишь его впервые, кажется бесконечно долгим, ведь ты ещё не можешь соизмерять пройденное с предстоящим. При повторном прохождении, тот же путь заметно укорачивается…

То же самое и с учебным годом в школе. Но мне бы не пришлось узнать об этом, сойди я с дистанции в начале второго года обучения…)

Ясным осенним днём наш класс ушёл из школы на экскурсию, – собирать опавшие листья для гербариев. Вместо Серафимы Сергеевны, которой не было весь день, за нами присматривала Старшая Пионервожатая школы.

Сначала она вела нас через лес, откуда мы спустились на дорогу к Дому Офицеров и Библиотеке Части. Однако вскоре мы оставили её, и свернули в короткий проулок между домиками, который кончался наверху крутого обрыва.

От верхнего его края, широкие и очень длинные потоки деревянных ступеней сбегали парой параллельных маршей вниз, к маленькому – с такой верхотуры – футбольному полю.

Когда мы спустились к самому подножию ступеней, на широкую лестничную площадку (тоже сколоченную из досок), то поле оказалось настоящим, а в обе стороны от маршей расходились по полдесятка болельщицких лавок из брусьев. Никто там не сидел, и их совершенную безлюдность

скрашивала лишь пара-другая опавших листьев, там и сям.

На противоположной стороне отсутствовали даже и лавки, но за боковой напротив центрального круга стоял одинокий белый домик без окон, рядом с высоким квадратом вдвое превосходившим его по высоте и шири.

Картина, целиком заполнявшая жесть квадрата, изображала двух великанских футболистов, совместно застывших в одновременном и очень высоком прыжке. Уже не первый, но и не последний год, на жестяном квадрате стенда остановилось мгновение борьбы за неподвижный мяч хорошо тренированными ногами в гетрах контрастного цвета соперничающих команд.

Девочки нашего класса остались со Старшей Пионервожатой выбирать листья из их шуршащего ковра между притихших лавок в тени обнажившихся деревьев у подножия крутизны, а мальчики, нетерпеливо торопливой группой, устремились вдоль гаревой дорожки позади ворот на правой половине поля. Предводители гурьбы, жившие в домиках по-над обрывом, обещали им встречу с речкой.

Пока я добежал, четверо одноклассников уже бродили, в подвёрнутых до колен штанах, по шумному потоку, что скатывался через брешь в издавна прорванной плотине. Остальные любовались видом необузданно бурлящей тесниной с берега.

Не тратя слов на уточнения: что? как? зачем? – я тут бросился задом на траву, чтоб легче стаскивались ботинки и

носки, затем поднялся и закатал штанины.

Наконец, загодя ёжась – а вдруг холодная? – я вошёл в воду. Да, нет,так вроде ничего…

Течение шумливо бурунилось вокруг ног, напористо толкало под коленки… Однако дно, на ощупь ступнями, оказалось приятно гладким и ровным.

Мальчик, бродивший рядом в упруго бегущей воде, которому, вероятно, всё это было не впервой, пояснил, перекрикивая громкий гул струй, что под нами плита от бывшей плотины – ух, класс!

Так я бродил, туда-сюда, в нашей компании из пяти душ, стараясь не заплескать подвёрнутые штаны…

…но вдруг сразу всё – плеск шумно бегущей воды, задорные возгласы одноклассников, ясный ласковый день – как отрезало.

Вокруг меня сомкнулся совершенно иной, безмолвный мир пустого жёлтого сумрака, сквозь который, прямо перед глазами, мимо моего носа бежали кверху вертлявые шарики белесого цвета.

Всё ещё не понимая, что произошло, я всплеснул руками, вернее, они сделали так сами по себе, и вскоре выпрыгнул ещё один мир.

Здесь оказалось очень много ослепительного солнца, рёва и гула воды, хлеставшей меня по щекам и носу мокрыми шлепками. Странно далёкий крик «тонет!» донёсся сквозь плеск, и услышался даже забитыми водою ушами. Ладони

мои беспорядочно бились о воду, пока их пальцы не вцепились в чей-то ремень, одним концом брошенный с края плиты, что так коварно обрывалась под водой…

Меня вытащили за стиснутый в руке ремень, помогли выжать воду из одежды, и показали широкую тропу в обход стадиона, чтобы не наткнулся на Старшую Пионервожатую и ябедных девчонок, занятых сбором листьев для своих осенних гербариев.

~ ~ ~

Вид сверху на школьное здание, скорее всего, представлял собой широкую букву «Ш», но без средней палочки в тройке вертикальных, а вместо неё (однако снаружи) к уцелевшей нижней перекладине добавилась параллельная чёрточка ступеньки перед входом.

Пол вестибюля покрывали квадратики коричневых и жёлтых плиточек, чередовавшихся узором шахматной доски. А в двух коридорах, что расходились, каждый к своему крылу здания, керамику сменял лоснящийся паркет скользко-жёлтого цвета.

Широкие окна обоих коридоров смотрели в охваченное зданием пространство, где, заменив отсутствующую палочку в «Ш», непроходимо и беспорядочно росли молодые сосенки, как самим вздумается, в тонко шелушащейся кожице коры.

В стенах напротив коридорных окон имелись одни только двери – далеко отстоящие друг от друга, помеченные циф-

рами и буквами классов, получавших своё образование согласно дверной нумерации.

Однако в правом крыле, за поворотом в вертикальную палочку «Ш», вид снаружи имел всего один ряд окон на оба этажа. Данное крыло давало приют школьному спортзалу, который вобрал всю ширину и высоту здания.

Громадный зал раскинулся на метр глубже уровня остальных полов на первом этаже.

Под окнами срединной части зала содержался «козёл» для прыжков, которым содействовал мостик, придвинутый к задней паре его ног, но упражнениям препятствовал толстый, бугристо-витой канат, висевший вплотную перед козлиной мордой (которая, конечно же отсутствовала, ведь «козёл» – это безрогий спортивный снаряд, и его вытаскивают на середину зала, когда тема урока физкультуры: прыжки через «козла», а ты, канат, виси себе и дальше).

Канат свисал от своего крюка (в очень высоком потолке) до своего узла (за полметра от пола).

Встав на узел и держась руками за канат, можно было БЫ здоровски раскачиваться. Вот именно – «БЫ»! Из-за своего козлиного нрава, «козёл», даже и без рогов, стоял на пути. А в поперечном направлении не пропускала стена под окном зала.

Половину дальней глухой стены загораживали гимнастические брусья и штабель – метровой высоты – из тяжких чёрных матов. Оставшуюся половину покрывали перекладины

шведской стенки.

И только гимнастические кольца, свисавшие от потолка на более тонких верёвках, никому не мешали, потому что до них всё равно не допрыгнешь.

В том же крыле, перед залом, – направо от входного коридорчика – находилась небольшая сцена, скрывая за синим занавесом чёрное пианино и склад сидений, объединённых в секции. Одна секция на троих.

Компактно сложенными в штабель, они там дожидались часа, когда понадобятся для превращения спортивного зала в зал зрительный или слушательный…

На верхний этаж вели два марша ступеней, из нижнего угла в левом крыле. Планировка второго этажа совпадала с первым, за исключением, конечно, вестибюля, с его никелированными вешалками для шапок и пальто школьников, стоящими в загородках из невысоких барьерчиков, по обе стороны от входа.

Именно благодаря этой разнице, коридор наверху был такой длинный и сплошь паркетный, без вестибюльных плиточек в полу.

Паркет, кстати, очень удобный пол, – в сезон ношения валенок можно, чуть разбежавшись, скользить по его натёртой глади, если, конечно, на валенках нет чёрной резины калош, а в коридоре не похаживают дежурные учителя…

Мои валенки поначалу ужасно натирали сзади, под коленками, пока Папа не надрезал их войлок особым сапожным

ножом. Он всегда знал, как что делается.

. .. .

Зимой в школу являешься чуть ли не затемно, потому что поздно светает. Иногда я бродил по пустым классам.

В седьмом, навещал маленький бюст Кирова на подоконнике, заглянуть в дырку его нутра. Очень похожа на утробу статуэтки фарфорового щенка, сидящего на ящике трюмо в комнате родителей, только пыли побольше.

В другой раз, щёлкнув выключателем на стене восьмого класса, я увидел восковой муляж яблока, забытый на учительском столе.

Конечно, я понимал, что фрукт не настоящий, но яблоко смотрелось таким манящим, сочным, и даже как бы светилось изнутри, – просто невозможно удержаться. Вот я и куснул твёрдый неподатливый воск, оставляя отпечаток зубов на безвкусном боку. И сразу стало стыдно, что клюнул на яркую подделку. Хотя кто видит?

Я тихо выключил свет и незаметно вышел в коридор.

(…двадцать пять лет спустя, в школе карабахской деревни Норагюх, я увидел точно такой же муляж из воска, с отпечатком детских зубов, и понимающе усмехнулся – а я тебя вижу, пацан!..)

Дети любой национальности и возраста очень похожи, взять, например, их повсеместную любовь к игре в прятки…

В прятки мы играли не только во Дворе, но даже и дома. В конце концов, у нас постоянно налицо компания из трёх, ко-

торая часто дополнялась соседскими детьми: Зимины и Савкины жили на одной площадке с нами.

С местами для прятанья, в квартире не густо. Ну, во-1-х, под кровать родителей, или же… за углом серванта… или… ну, конечно! Занавесочный гардероб в прихожей. Его Папа сам сделал.

Вертикальная стойка в два метра ростом, закреплённая в пол метра за полтора от угла, плюс два металлических прутка, под прямым углом от макушки стойки к стенам прихожей, отграничили немалый параллелепипед пространства.

Осталось только занавесить его тканью на передвижных колечках вдоль макушечных прутков, и покрыть всю конструкцию куском фанеры, чтобы пыль не повадилась набиваться внутрь. Самоделка-раздевалка готова!

Широкая доска, с колышками для пальто и всякого другого, скрыта висящей до пола тканью, под вешалкой уместился плетёный сундук из гладко-коричневых прутьев, и осталось ещё много места для обуви…

В общем-то, прятаться почти негде, но играть всё равно интересно. Затаиться в каком-то из упомянутых мест и, сдерживая дыхание, прислушиваться к настороженным шагам водящего…чтобы… сорваться бегом!

Первым добежать до дивана, у которого жмурился водящий перед выходом в поиск.

Первым стукнуть по его валику и крикнуть «чур, за себя!», чтобы не водить в следующем ко́не.

Но однажды Сашка умудрился так спрятаться, что я его совсем обыскался. Ну, просто как сквозь землю провалился через соседей на первом этаже!

От недоумения, я даже заглянул в ванную и кладовку, несмотря на твёрдую договорённость между нами – там никогда не прятаться.

И я прощупал все пальто на колышках вешалки, в занавесочном гардеробе прихожей.

Потом я открыл зеркальную дверцу шкафа в комнате родителей, где в тёмном отсеке (с непонятно-приятным запахом) висели на плечиках Мамины платья и Папины пиджаки, но Сашки нет как нет.

И уже просто так, на всякий, я заглянул даже за правую дверцу, где до самого верха только ящики с кипами глаженых простыней и наволочек, кроме самого нижнего, в котором я однажды обнаружил тёмно-синий прямоугольник воротника от матросской рубахи. Им обмотался морской офицерский кортик в тугих чёрных ножнах, куда пряталось длинное стальное тело, сходящееся в иглу острия.

Через пару дней я не утерпел, и под большим секретом поделился тайною с Наташей, на что она фыркнула и сказала, что знает про кортик давным-давно и даже показывала его Сашке…

А теперь она вот стоит и радостно хихикает над моими бесплодными поисками, а на мой крик, что так и быть, я согласен водить ещё кон, и пусть он уже выходит, Наташа тоже

кричит, чтобы сидел и не сдавался.

Тут моё терпение лопнуло, и я сказал, что больше не играю вообще, но Наташа предложила мне выйти на минутку.

Возвращаюсь из коридора – Сашка стоит посреди комнаты, молчит и сопит довольный, пока сестра хвастается, как он залез на четвёртую полку, а она присыпала его там носками.

~ ~ ~

Случались и сугубо семейные игры, без всяких соседей… Разноголосый смех раздался из комнаты родителей, я отложил книгу, вскочил с дивана и побежал туда:

– А что это вы тут?

– Горшки проверяем!

– А как это?

– Давай и твой проверим!

Надо сесть Папе на закорки и ухватить его за шею, пока он крепко держит мои ноги. Совсем неплохо, мне понравилось. Но тут он развернул меня спиной к Маме, и я почувствовал, как её палец проник мне в попу, насколько позволяла ткань штанов.

– А горшок-то дырявый!– объявляет Мама.

Все смеются и я тоже, хотя мне как-то неловко…

В другой раз Папа спрашивает: «Хочешь Москву увидать?»

– Конечно, хочу!

Подойдя сзади, он плотно возложил свои ладони мне на

уши и приподнял меня всего над полом, за голову, стиснутую между его рук.

– Ну, как, Москву видно?

– Да! Да!– вскрикиваю я, хватаясь за его тиски.

Он опускает меня обратно, откуда брал, а я пытаюсь утаить слёзы, боюсь притронуться к ушам, расплющенным о череп.

– Ага! Купился? Как же тебя просто обмануть!

(…много позднее, я догадался, что он повторял шутки, сыгранные над ним в его детстве…)

В наших прятках, когда Сашка затихарился под носками, я, проверяя занавесочный гардероб в прихожей, заприметил там бутылку ситра, одиноко стоявшую в расселине между стеной и плетёным сундуком.

В своём отношении к ситро, я обожал его всерьёз. Единственный изъян газированного нектара (неоднократно удостоверенный на практике), что он слишком быстро исчезал из моего стакана.

Клад, найденный за ситцевой занавеской (в количестве одной бутылки) явно припасался для какого-то праздника, но про неё случайно позабыли.

Точно такая же забывчивость случилась и со мной. Только лишь через день, а может даже пару, когда никого не было дома, мне вдруг припомнилась она, всеми забытая бутылка.

Выудив ситро из общего забвения, я поспешил на кухню.

Ещё в коридоре, мои нетерпеливые пальцы ощутили сла-

бинку крышки, сдёрнули её, – и я машинально вскинул бутылку к жаждущим губам…

Посреди второго глотка мне дошло, что ситро не то, чтобы не совсем то, а вовсе даже не то.

Перевернув бутылку в её естественную позицию, я обнаружил, что в праздник ситро всё же выпили, а затем наполнили пустую тару подсолнечным маслом, для хранения.

Хорошо хоть никто не видел мою попытку получить наслаждение от поддельного клада. Ну, разве только белый ящичек с красным крестом на дверце – хранилище бинтов, таблеток всяческих и пузырьков из тёмного стекла, высоко на стене, между ситцевым гардеробом и дверью в кладовку. Да ещё, наверное, электросчётчик над входной дверью, однако они не проболтаются…

Следующим из моих гастрономических преступлений стала кража свежеиспечённой пышки, которую, с компашкой ей подобных, Мама вытащила из электродуховки «Харьков», и разложила на махровом полотенце, поверх клеёнки кухонного стола.

Манящий запах, округлая коричневатость, мягкий лоск их спинок сплелись в такой соблазн, что я нарушил наказ Мамы – дотерпеться, покуда остывают для общего чаепития.

Пробравшись на обезлюдевшую кухню, я сцапал одну и, пряча за спину, уволок умыкнутую в логово на плетёном сундуке, в полутёмной ситцевой пещере.

Должно быть, пышка оказалась слишком с пылу с жару,

или же чувство вины глушило вкусовые ощущения, но торопливо заглатывая запретный плод кулинарного искусства, я не испытывал привычной услады, и хотел всего лишь только одного – ну, да кончайся же ты, пышка, поскорей!

Когда Мама стала созывать всех на кухню пить чай, меня пришлось звать дважды…

. .. .

Ну а в целом, пусть хоть неумека и копуша, я рос вполне послушливым и чистосердечно старательным ребёнком, а если что-то выходило не так как надо, то это не нарочно, а просто оно как-то уж само так получалось.

Папа ворчал, что моя Лень-Матушка раньше меня родилась и всё, на что я способен – это валяться день-деньской на диване с книжкой. Ну, вылитый Обломов!

А Мама возражала, что читать полезно, и я, возможно, даже врачом стану, и белый докторский халат мне очень подойдёт…

Становиться доктором я никак не хотел, мне совсем не нравился медицинский запах их кабинетов.

~ ~ ~

На уроке, Серафима Сергеевна показала нам квадратную рамочку, выпиленную из фанеры.

Внешняя сторона квадрата 10 см, внутри – квадратная дырка в 7 см, следовательно, ширина рамочки 1,5 см (правда, десятичные дроби мы ещё не начинали проходить). Вдоль двух противоположных сторон её вбито по десять гвоздиков.

Вся конструкция – прообраз ткацкого станка, причём действующий.

Толстая шерстяная нить натягивается поперёк рамочки, от гвоздика до гвоздика и обратно, и так далее, туда-сюда, – получилась основа, сквозь которую продёргиваешь нити всяких других цветов. Когда основа заполнена параллельными рядами нитей, то это уже тканый коврик для куклы, пёстрый шерстяной квадрат: 8 см х 8 см, очень миленький.

Поэтому наше домашнее задание – изготовить рамочку с гвоздиками и принести на следующий урок. Потому что родители, заверила нас учительница, охотно помогут нам в деле станкостроения.

Однако Папы дома не было, он с понедельника работал во вторую смену, а Мама слишком занята на кухне. Но всё же она улучила минуту отыскать фанерку от старой посылки, и позволила взять Папину пилу-ножовку из кладовой в прихожей.

Ванная стала станкостроительным заводом, там я пилил, прижимая ногой фанерку к табуреточке.

Обе они упрямо пытались вырваться. Ножовка часто застревала, драла длинные щепочки из верхнего слоя фанеры.

Однако упорный труд их переупрямил и увенчался кривобоко корявым квадратиком в щетине из частых задирок.

Отложив инструмент, я упёрся в капитальную проблему – как выпилить квадрат в квадрате, чтобы получилась рамочка?

Попытка выдолбить квадратную дыру, стуча молотком по кухонному ножу, расщепила моё трудовое достижение надвое.

А когда Мама сказала, что мне пора отправляться спать, бесплодные усилия успели извести всю посылочную фанерку. Горестное осознание, что я никак не гожусь в мастера, заставило меня горько разреветься на кухне, перед Мамой.

Уже совсем-совсем поздно, сквозь сон на раскладушке, я слышал, как папа вернулся с работы, но у меня не хватило сил, чтоб проснуться. Не разлепляя глаз, мне удалось разобрать его сердитую отповедь Маме: «Что Коля? Опять Коля?! Сам знаю, что я – Коля!», и тогда я уснул окончательно.

Наутро за завтраком Мама сказала: «Посмотри, что Папа сделал тебе для школы». Я обомлел от восхищения и счастья.

Фанерная рамочка ткацкого станка без единой выщербинки и задирки! Добела зачищенная шкуркой! Рядочки гвоздиков на двух сторонах вбиты ровнее, чем под линейку…

Мне так хотелось немедленно сказать ему «спасибо!», но Папа ещё спал…

Через пару лет, он принёс мне лобзик с работы, и тонкие пилочки, которые надо натягивать в нём. Я записался в школьный кружок «Умелые Руки».

С выпиливанием у меня не заладилось, – слишком часто ломались пилочки, но всё равно я успел изготовить кружевную фанерную рамочку (с Папиной доводкой и лакировкой)

для вставки фотографического портрета Мамы.

Выжигание по дереву давалось намного легче. К тому же мне нравился запах тлеющей фанеры.

Папа принёс домой выжигатель, который сконструировал у себя на работе – получше, чем магазинный. И я скопировал на куски фанеры пару иллюстраций к басням Крылова, из книги «Умелые Руки».

Но это вовсе не означает, будто детство моё проходило среди самодельных игрушек и кустарных приспособлений. Ничуть не бывало! У меня имелся набор «Конструктор» из за-Зонного магазина в районном центре.

Большущая картонная коробка, разбитая на секции для всяческих панелей и полосок чёрной жести, а в них – множество отверстий, куда продеваются винтики для крепления деталей путём навинчивания гаечек, когда собираешь детали друг с другом, и они растут дальше, в более крупные детали конструкции.

В результате получается автомашина, паровоз, мельница или всё остальное, что только захочешь из книжечки чертежей в наборе Конструктора.

Только сперва нужно разобрать уже свинченное, чтобы было из чего делать новое.

Целых два месяца (и почти весь запас винтиков-гаечек) ушли на сборку башенного крана, который своим ростом вышел повыше табурета.

Можно было бы и быстрей закончить, не будь Сашка та-

ким упрямым, с его непрошеным содействием. Не успеешь оглянуться, а он уже свинтил какую-то дальнейшую деталь. Совсем без малейшего спроса!

А потом развинчивай, и – заново собирай её же.

. .. .

Костюм Робота для Новогоднего утренника в школьном спортзале тоже Папа сделал. А чертёж отыскала Мама, в журнале РАБОТНИЦА, который приносили ей каждый месяц.

В своём готовом состоянии, костюм весьма напоминал ящик из тонкого, но прочного картона. Две дыры в боках у ящика служили для просовывания рук наружу, а Робот целиком, в надетом виде, заканчивался чуть ниже пояса.

Его коричнево-картонное тело отмечали знаки «+» и «—», на груди, слева направо. Точно такая же маркировка, как на батарейках для карманного фонарика.

Внутри ящика тоже имелась батарейка, но более мощная – чешская «Крона», а рядом с нею неприметный переключатель. Секретно щёлкнул им – и загорелся нос, сделанный из обычной лампочки, как в комнате или на кухне.

Она торчала из второго ящика, размером поменьше, который служил головой Робота и одевался поверх моей, как шлем рыцаря.

Два квадратных глаза, по бокам от носа-лапочки, позволяли вести наблюдение из глубины шлема-ящика – с кем и как ты хороводишься вокруг Новогодней Ёлки.

~ ~ ~

атаив робкую надежду, я попросил позволения выбрать не из высоких стопок сданных книг, скопившихся на столе, а с полок. «Ну, ладно», – ответили две Библиотекарши сразу, потому что у них шла пересменка, – «можно».

Ах, нет, перо не в силах передать всю благодарную, неописуемую радость, тесно наполнившую вдруг мою грудную клетку! Ну а с компьютерной клавиатурой, тут даже и пытаться нечего. С её прямолинейностью к подобным переливам состояния души не подступиться…

Направо от стола Библиотекарш, стеной до потолка, стояли «Полные Собрания Сочинений» В. И. Ленина, из разных лет издания. Полки начинались от пола, вознося сплочённые ряды однообразно упитанных томов, что разнились только лишь оттенком синего в их твёрдых обложках, чем позже год переиздания – тем голубее.

Корешки многотомных работ Маркса и Энгельса (в коричневых обложках) теснились вдоль стены напротив ленинской сини, а полки с трудами Сталина стояли шеренгами (не столь многочисленными, но более рослыми) вдоль короткой стены возле двери.

Плотные, никем не троганные гряды широких книжных корешков, золото тисненых наименований и нумерации томов, саркофаги несметных строк, погребённых меж тяжких обложек с рельефно-выпуклыми лицами великих творцов на передней, словно венчающие надгробья из навзничь лежащих фигур на помпезных кладбищах средневековья… Уве-

ковеченная бесполезность…

Однако в синей стене имелась узкая щель, – проталина в ту часть Библиотеки, где, в лабиринте тесных проходов, стояли полки книг разной степени потёртости.

Они строились по алфавиту: Асеев, Беляев, Бубенцов…; или по странам: «Американская литература», «Бельгийская литература»…; или по разделам: «География», «Политика», «Экономика»…

В закоулках лабиринта тоже попадались многотомные издания: Джек Лондон, Фенимор Купер, Вальтер Скотт (в чьих трудах я упорно искал, но так и не нашёл роман про Робин Гуда, а под руку всё время выскакивал какой-то навязчивый Роб Рой).

Я обожал бродить в плотной тиши проходов между полками, порой снимая, насколько позволял мой рост, какую-то из них – прочесть название, и вернуть обратно.

В заключение, притиснув пару избранных к своей груди, я возвращался в отсек Библиотекарши. Иногда она откладывала какую-нибудь из принесённых мною книг, потому что такое мне читать ещё рано…

Однажды, в хождениях по тесным проходам, я нечаянно пукнул. Какой конфуз!

Не очень-то и громко, но, на случай если постыдный звук всё же проник сквозь стену Марксизма-Ленинизма, я попытался сбить с толку слух Библиотекарши пустопорожним трям-блямканьем губ, что, возможно, чем-то и смахивало на

вырвавшийся шум, однако явно оставалось невинной забавой мальчика, гуляющего между высоченных полок, которому рано ещё читать некоторые книги.

Так я похаживал и испускал трям-блямы, пока один из камуфляжных пуков не получился таким убедительным, таким раскатисто натуральным, что я буквально обмер – если тот первый, самопроизвольный пук как-то и мог бы остаться незамеченным, подделка прозвучала слишком круто.

(…как сказала бы мать твоей матери: «тулив, поки не перехнябив», она любила вставлять Украинские поговорки в свою речь…)

~ ~ ~

После Новогодних каникул, в кипу подписной почты, которую вкладывали в ящик на нашей двери, добавилась «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА».

Конечно, я всё ещё был Октябрёнком, но в школе нам сказали принести деньги на подписку, чтобы мы заранее всячески готовились к своему пионерскому будущему.

Протягивая мне самую первую из «ПИОНЕРСКИХ ПРАВД», Мама сказала: «Ого! Тебе уже газеты носят, как взрослому».

Меня пó уши наполнила гордость, что я принят в мир взрослых, хотя бы с точки зрения почтового ящика. Для закрепления успеха, ту, первую газету я читал весь день, стараясь по-взрослому прикончить все её четыре полосы.

Когда родители вернулись вечером с работы, я выбежал в

прихожую хвастливо отрапортовать, что я прочёл всю, всю, всю! Они сказали мне: «Ну, молодец», – повесили свои пальто в занавесочный гардероб, и прошли на кухню.

Невозможно избежать разочарованности чувств, когда за все старания с тобой расплачиваются вежливо-рассеянным безразличием. Чувствуешь себя, как богатырь, после схватки не на жизнь, а на смерть со Змеем Горынычем. Однако вызволенная тобой красавица, рассеянно переступив отрубленные головы чудища, уделяет герою-победителю прохладное «молодец», вместо положенного ему поцелуя в уста сахарные.

В следующий раз, витязь да и призадумается: а стоит ли такая неблагодарная овчинка выделки?..

Вот почему никогда больше я не читал «ПИОНЕРСКУЮ ПРАВДУ» от доски (красное название с разъяснением партийной принадлежности данного печатного органа), до доски (телефоны редакции и её же почтовый адрес в городе Москве)…

Обойдённому наградой, желанной и заслуженной, трудно сдержать позывы к восстановлению попранной справедливости. И на следующее утро, в виде компенсации, я без труда забыл постоянный наказ Мамы, что три ложки сахарного песка – абсолютно достаточно на одну чашку чая.

В тот момент я находился на кухне в одиночестве и, загружая сахар в чай, чуть-чуть отвлёкся разглядыванием морозных узоров на стекле обледенелого окна, поэтому отсчёт за-

сыпок начался не абсолютно с первой. Данная ошибка совпала с наплывшей на меня долей рассеянности и, вместо чайной, я загружал его столовой ложкой…

Густая приторная жижа, полученная в результате самовознаграждения, годилась лишь на то, чтобы вылить её в раковину.

И это стало очередным уроком мне – слямзенные удовольствия не так сладки, как ожидалось…

. .. .

Факт прочтения номера «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ», да ещё таким исчерпывающим образом, придал мне уверенность в себе, и в следующее посещение Библиотеки Части, с полки «Французская литература» я ухватил увесистый, давно уж облюбованный том, с букетом шпаг на обложке – «Три Мушкетёра» Дюма-отца.

Библиотекарша, после заминки для краткого колебания, записала книгу в мою читательскую карточку, и я гордо поволок домой объёмистую добычу.

Большой диван почему-то показался неподходящим местом для такой взрослой книги, я отнёс её на кухню и разложил на клеёнке стола.

Первая же страница, полная оцифренных примечаний на тему, кто был кто во Франции XVII века, показалась действительно сложноватой, но политика постепенно кончилась, дело двинулось и, когда Д'Артаньян прощался со своими родителями, я уже самостоятельно вычислил значение

слов «г-н» и «г-жа», которых в «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЕ» даже днём со огнём не сыщешь…

Посреди зимы Мама решила, что нужно заняться моим косоглазием, потому что нехорошо оставлять его как есть. Пока она этого не сказала, я вообще понятия не имел, что у меня может быть что-то не так.

Она отвела меня к окулисту, в Госпиталь Части, где тот заглядывал мне в самую глубь глаз через дырочку в слепящем круглом зеркале, которое крепилось на его белой шапочке, когда он им не пользовался.

Потом медсестра накапала каких-то холодных капель мне в глаза и сказала, чтобы в следующий раз я приходил один, потому что большой уже мальчик, и теперь знаю дорогу к ним.

После следующего раза, возвращаясь домой в одиночку, я вдруг утратил резкость зрения – свет лампочек на столбах, вдоль пустой заснеженной дороги, превратился в смазанные комки жёлтых пятен, а когда дома я открыл книгу, все строчки на странице оказались мутными и непригодными для чтения полосками.

Мама утихомирила мои страхи, сказав, что это ничего, просто теперь мне придётся походить в очках с разными стёклами. Поэтому пару следующих лет я носил такие, в пластмассовой оправе.

(…моё косоглазие выровняли, теперь глаза удерживают параллельный взгляд на вещи, только левый так и остал-

ся разфокусированным. На проверках окулистами, я не могу различить указку или палец нацеленные на букву в их таблице. Но как показала жизнь, её можно прожить и с одним рабочим глазом. Просто теперь у распрямлённых глаз не совпадает выражение. Это легко заметить на фотографии, прикрывая их поочерёдно, – любознательное любопытство в правом сменяется мертвяще отмороженным безразличием левого.

Иногда я подмечаю подобное разночтение в портретах популярных киноактёров и про себя думаю – их тоже лечили от косоглазия или, может, неведомые посторонние пришельцы следят за нами через их левый глаз?..)

~ ~ ~

И снова пришло лето, но в волейбол уже никто не играл. На месте волейбольной площадки, у подножия Бугорка забетонировали два квадрата для игры в городки. Там даже организовали чемпионат.

Два дня обвёрнутые жестью биты хлёстко жахкали и трахались в бетон, вышибая из квадратов деревянные цилиндрики городков к природному барьеру, в виде обрывистого бока Бугорка.

Как обычно, известие доползло до книжного дивана с улиточной скоростью, но я всё же не пропустил финального единоборства двух мастеров, которые могли даже с дальней позиции смести наисложнейшую фигуру городков – «письмо» – всего-навсего тремя бросками, и не тратили больше

одной биты на такие как «пушка», или «Аннушка-в-окошке»…

Турнир закончился, но остались бетонные квадраты, где мы, дети, продолжили игру обломками окольцованных жестью бит, и кусками расщеплённых городков. Однако нам и такого хватало…

А когда остатки тоже износились до исчезновения, и бетон затерялся в высоком бурьяне, ровность под Бугорком продолжала служить нашим излюбленным местом сбора.

Мы не только играли в игры, мы давали друг другу образование в наиважнейших вещах окружающего нас мира.

О том например, что если упал и ободрался, приложи к ссадине на локте или коленке лист Подорожника, его тыльной стороной, он остановит кровь.

А стебли Солдатиков, покрытых чешуйчатой кольчугой мелких листков – съедобны, так же как и Щавель, но не Конский Щавель, конечно. Или же взять те растения на болоте, с длинными листьями, обдери их до белой сердцевины и можно есть. На, пожуй, увидишь сам!

Мы научались отличать кремень от других камушков, а также – об который из остальных надо ударить кремнем, чтобы посыпались бледные искры.

Верно! Кремнем по этому вот, желтоватому, и вместе с искрами появится непонятный – отталкивающий, но в то же время, чем-то и притягательный – запах обожжённой куриной кожицы…

Так, за играми и разговорами, мы познавали мир вокруг нас, и самих себя в нём же…

– В прятки играешь?

– Вдвоём не игра.

– Щас ищо двое подойдут с болота.

– Зачем пошли?

– Дрочиться.

Вскоре обещанная пара возвращаются, хихикают один другому, у каждого в кулаке букетик из травинок.

Мне неизвестно назначение этих букетиков, и я не знаю, что значит «дрочиться», но по всхрюку, которым мальчики обычно сопровождают это слово, легко угадать, что речь идёт о чём-то стыдном и неправильном.

(…всю свою сознательную жизнь я был поборником правильности. Всё должно быть правильно и по правилам. Любая неправильность, всё, что не так как надо, мне против шерсти.

Если, скажем, подсвинок с наглым визгом сосёт вымя коровы, меня так и подмывает их разогнать… А корова тоже хороша! Стоит себе, такая вся безропотно покладистая, будто и не знает, что молоко – телятам, ну и для людей, конечно…)

Поэтому я упираю руки-в-боки и встречаю подошедших упрёком через вопросительную форму: «Ну что? Подрочились?»

И тут я узнаю́, что сторонникам правильности порой луч-

ше помалкивать. К тому же, какой стыд, что я такой слабак, и меня так запросто можно повалить в нежданной драке…

~ ~ ~

Неравномерно травянистый луг между Мусоркой и Бугорком служил футбольным полем.

Для начала нужно решить вопрос капитанства – кто тут повыше ростом и голосистее в пререканиях?

После этого мальчики разбредаются, попарно, в стороны, чтоб сговориться:

– Ты «молот», а я «серп», идёт?

– Нет! Я «ракета», а ты «тигр».

Условившись о временных кличках, они подходят к предстоящим Капитанам и предлагаются тому, чья очередь сделать выбор:

– Кого в команду: Серп или Ракета?

Людские резервы поделены, и – покатил футбол!

Как я хотел стать Капитаном! Таким, чтоб все мальчики просились бы в мою команду! Но мечта оставалась всего лишь мечтой…

Я азартно рысил сквозь траву, от одного края поля до другого. Я отдавал всего себя отчаянной борьбе, самоотверженный, готовый на всё ради победы.

Просто мне никак не удавалось дотянуться до мяча. Иногда, сжалившись, он сам ко мне катился, но прежде чем примеряюсь пнуть его хорошенько, налетает рой «наших» вперемешку с «ихними» – бац! – и мяч отбит далеко в поле…

И снова я перехожу на неуклюжую рысь, вперёд и обратно, кричу «Пас! Мне!», но никто не слышит, и все тоже кричат и бегают за мячом…

И игра продолжается без моего, фактически, участия…

~ ~ ~

Посреди лета вся наша семья, кроме Бабы Марфы, отправилась на Украину, в город Конотоп Сумской области, на свадьбу Маминой сестры Людмилы и молодого (но скоропостижно лысеющего) Чемпиона области по тяжёлой атлетике в первом полусреднем весе Анатолия Архипенко, из города Сумы.

Грузовик с брезентовым верхом вывез нас через КПП – белые ворота в двойном заборе из колючей проволоки, что окружал всю Зону – на железнодорожную станцию Валдай, где мы сели на поезд пригородного сообщения до станции Бологое. Там нас ожидала пересадка.

Вагон оказался совершенно пустым, одни только мы на жёлтых досочных сиденьях вдоль зелёных стен, по обе стороны от центрального прохода.

Мне нравилось покачивание вагона в такт перестуку колёс на стыках рельс под полом. И нравилось смотреть, как за окном набегали и тут же отставали столбы из тёмных брёвен. По перекладинам на их верхушках скользил бесконечный поток проводов, провисая от одного столба к другому: плавно книзу—плавно вверх, промелькивает следующий, и снова: плавно книзу—плавно вверх, и снова —, и снова —,

и снова…

На остановках наш пригородный терпеливо ждал, уступая путь более скорым и важным поездам, и тихо трогался, когда утихнет гром, стук и грохот пронёсшихся мимо экспрессов.

Особенно затяжная стоянка случилась на станции Дно, чьё имя я прочитал под стеклом вывески на её зелёной будке, из ёлочно прибитых досок. И только когда мимо пропыхкал одиночный паровоз, покрыв будку завесой дыма и неспешно раздвигая своим длинным телом клубы своего же белого пара, наш поезд дёрнулся ехать дальше.

(…я вспомнил ту станцию и влажный отблеск чёрноты паровоза, пронзающего длинным тендером выхлопы молочно-белых клубов пара, когда прочёл, что на станции Дно Полковник Российской армии Николай Романов подписал своё отречение от Царского престола… Однако этим он не спас ни себя, ни свою жену, ни детей их Царской семьи, поставленных спиной к подвальной стене для расстрела, а кто не погиб при залпе, тех добивали на полу штыками.

Ничего этого я не знал, сидя в пригородном поезде возле убогой станционной будки. Не знал и того, что разницы нет, что это знание ничего не изменит. Хоть так, хоть эдак, всё это – часть меня. Я по обе стороны тех штыков и винтовок.

Как хорошо, что не про всё мы знаем в детстве…)

~ ~ ~

Большинство домов вдоль улицы Нежинской, в юго-юго-

западной части города Конотопа, стоят чуть отодвинувшись, отгородясь от дороги своими заборами, которые одновременно отражают как благосостояние домовладельца, так и основные этапы в технологиях местного заборостроения. 2 в 1.

Однако заборная разношерстица по левой стороне улицы кратко прерывалась стеной Номера 19, чьей побелке стукнет, как говорится, «100 лет в обед». Два окна в той же стене топорщились давно облупившейся, но когда-то, скорее всего, зелёной краской. Их дополняли четыре дощатые ставни (по паре на каждое из окон), запиравшиеся, когда близилась ночь, с улицы, крючочками.

Эта традиция блюлась неукоснительно (и не только в Номере 19, и не только на улице Нежинской) со времён разгула «Чёрных Кошек» в послевоенно-бандитском лихолетье. Если не с более ранних ночей старины суровой.

Чтобы попасть в дом № 19, для начала нужно зайти в калитку из высоких, серых от старости досок, бок-о-бок с воротами из того же точно материала. Однако от калитки их отличала втрое большая ширина и пребывание вечно на запоре. Что значительно облегчало выбор при вхождении.

Вошедшему следовало также знать – который из четырёх входов номера № 19 ему, собственно, нужен.

Четыре двери идентично располагались по бокам пары глухих веранд (из шпунтованных досок «вагонка»), пристроенных к правой (с точки зрения калитки) стороне дома.

Данная сторона насчитывала четыре окна, размежованные верандами по системе 1 || 2 || 1.

Первая веранда от калитки, включая оба входа по её бокам, принадлежала, как и половина всего дома, Игнату Пилюте и его жене Пилютихе, а следовательно, – это их окна смотрели на улицу Нежинскую.

«Вагонку» второй веранды оплетал Виноград в тёмно-зелёной листве, что прятала в своей гуще редкие гроздья мелких шариков неясного назначения, ощутимо твёрдых, вопреки рахитичной внешности.

Глухая дощатая перегородка разделяла вторую веранду изнутри на две продольные секции, по одной для каждого из остальных домовладельцев. Двух, разумеется.

Дом, он же хата, нашей бабушки, Катерины Ивановны, затиснутый между Пилютиной половиной и четвертью Дузенок, состоял из полутёмной веранды-прихожей, за которой шла кухня с окном, обращённым на пару ступенек перед своей же входной дверью, в междуверандном закутке.

В углу напротив окна стояла кирпичная плита-печка, ростом с кухонный стол, а рядом с нею оставалось ещё место для левой створки двери, постоянно распахнутой в единственную комнату хаты.

Пространство комнаты, меж четырёх белёных стен, с утра до вечера тонуло в глубоком сумраке, который всачивался сквозь невысокое окно, из непроглядной тени под Вязом-великаном в Пилютовском наделе общего палисадника, чья

ширина составляла два метра.

Длина земельных владений в прилегающем грунте определялась исходя из доли домовладельца в общей стене хаты, стоящей над ним.

Цветы там не росли, благодаря мощи вышеупомянутого Вяза, а только редкие клочки непонятных сорняков, которых угораздило занестись туда, чтобы потом всю жизнь мучиться.

Граница из штакетника препятствовала их миграции во двор Номера 17, где проживала супружеская пара глухонемых Турковых, чьи дети, однако, оказались вполне говорящими.

Обогнув дальний угол второй веранды, посетитель выходил на четвёртую, заключительную входную дверь – через веранду в хату стариков Дузенко.

Их часть состояла из той же последовательности (веранда-кухня-комната), что и в хате Бабы Кати, но у них имелись два дополнительных окна, для сохранения симметрии – пара Пилютиных окон на проезжую улицу требовала, чтоб с противоположной стороны дома два окна смотрели бы в общий двор.

Два могучих Американских Клёна, с остроконечными пальцами у каждой пятерни в их листве, росли во дворе, по одному стволу вплотную перед каждым из дополнительных окон Дузенко.

Промежуток между Клёнами перекрывал широкий и рос-

лый (метра в полтора) штабель когда-то красного кирпича.

Неслышное течение лет обесцветило и обратило в щебень складированный стройматериал, который старик Дузенко держал всю свою жизнь, для возможной реконструкции его хаты в каком-то из неопределённо будущих времён.

По ту сторону кирпичного бруствера, на удалении в шесть метров от линии обороны (и параллельно ей) тянулась глухая стена сарая, из серых-до-черноты досок, а в ней глухие же двери с грузом солидных (но ржавых) замков. Висячих.

Ключевладельцы держали там запас топлива на зиму: дрова и сыпучий уголь «семечки», а в топливном отсеке Бабы Кати проживала также свинья Машка, в загородке с резким запахом селитры.

Напротив веранды обросшей бесплодным Виноградом, рос ещё один неприступный для лазанья Вяз, а высокий забор под ним отграничивал соседей в Номере 21. Рядом с Вязом стоял сарайчик оштукатуренный (но очень давно) смесью глины, навоза и резаной соломы. Висячий замок на двери служил залогом безопасности земляного погреба Пилют.

Сарай из голых досок, над погребом Дузенко, стоял ещё дальше от улицы и как бы продолжал собою длинный сарай с топливными ресурсами. Но до контакта не дошло – эти строения раздвигал проход в огороды домовладельцев.

Между двух погребников сарайного типа ютилась дощатая халабуда – с односкатной крышей и без висячего замка – над земляным погребом Бабы Кати.

Внутри, деревянный квадрат крышки покрывал вертикальный шурф, в чью тёмную трёхметровую глубину уходила лестница из брусьев, приставленная к одной из тесных земляных стен.

На дне скважины, свет фонарика обнаруживал четыре ниши, углублённые на все четыре стороны от лестничных ног. Там хранилась картошка и морковь на зиму, и бурак тоже, потому что мороз не мог добраться до запаса овощей на такой глубине.

В углу, образованном погребником Дузенко и халабудой Бабы Кати, стояла будка пегого пса Жульки, прикованного к его дому. Он брязгал железом своей длинной цепи, хлестал ею о землю, и остервенело лаял на всякого вошедшего во двор незнакомца.

Но я подружился с ним в первый же вечер, когда (по совету Мамы) вынес и высыпал в его железную тарелку остатки еды после ужина…

~ ~ ~

Свои совсем седые и слегка волнистые волосы Баба Катя стригла до середины шеи, и там же их удерживал гнутый пластмассовый гребешок, охватывавший голову под затылком, чтобы не растрёпывались.

Чёрные округлые (словно распахнутые испугом) глаза вполне подходили её чуть смугловатому лицу с тонким носом.

А в сумеречной комнате за кухней, на одной из трёх глу-

хих стен висел фотографический портрет женщины в аристократически высокой причёске чёрных волос и в галстуке по моде предзакатных лет Новой Экономической Политики (он же нэп конца 20-х), – это Баба Катя в её молодые годы, когда она имела отдельную пару туфель для каждого из своих платьев.

Рядом с ней висело настолько же большое фото мужчины с тяжёлым Джек Лондоновским подбородком, в пиджаке поверх рубахи косоворотки – так выглядел её муж Иосиф на должности Областного Торгового Ревизора, до его ареста и ссылки на север, и последующей внезапной пропажи его же, совпавшей с отступлением Немецких войск из Конотопа…

. .. .

Гостить у Бабы Кати мне понравилось, хотя тут не было ни городков, ни игры в футбол, а только ежедневные прятки с детьми из соседних хат, которые тебя ни за что не найдут, если спрячешься в Жулькину будку…

Поздним вечером, на верхушке деревянного столба при входе в соседнюю улицу, зажигалась электрическая лампочка. Однако её желтоватый свет не в силах был превозмочь темень дороги даже и под собственным столбом.

Майские жуки с неторопливо-бомбовозным гудом, летали под звёздным небом совсем невысоко. Просто напрашивались, чтобы их сшибали курточкой или веткой, отломанной от Вишни, что перевесилась через чей-нибудь забор.

Но отыскать сбитого, когда он молча ползёт по мягкой до-

рожной пыли, – совсем не просто.

Пойманных сажали в пустой спичечный коробок, по отдельности, ну не больше двух, в крайнем случае. Они шарудели там изнутри, об стенки коробка, своими длинными неуклюжими ногами.

На следующий день мы открывали камеры пленников – полюбоваться пластинчатым веером их усов и каштаново-блестящим цветом спин.

Попытки накормить их мелкими кусочками свежей зелени не удавались, как видно, они сшибались уже сытыми.

Мы отпускали их на волю со своих ладоней тем же способом, как посылаешь божью коровку лететь на небо. Жуки щекотно всползали на конец выставленного пальца, вскидывали жёсткие скорлупы надкрыльев и расправляли упакованные там свои длинные прозрачные крылья, прежде чем с низким гуденьем улететь прочь, без всякого «спасибо».

Ну и лети – вечером ещё наловим…

~ ~ ~

Однажды из далёкого конца улицы донеслись раздирающе нестройные взвывы, вперемешку с протяжным буханьем. На звуки знакомой какофонии жители Нежинской вышли из дворов, – сообщить друг другу, кто это умер.

Впереди процессии медленно шагали три человека, втискивая губы в медный блеск нестройно рыдающих труб. Четвёртый нёс перед собой барабан, как громадное брюхо на привязи широким ремнём через плечо.

Отшагав сколько требовала партитура, он бил в тугой живот барабана войлочным кулаком короткой колотушки. Его свободная от палки рука держала широкую медную тарелку и, время от времени, брязгала в другую такую же, привинченную на обод барабана сверху.

На дребезг, трубы откликались новым всплеском горестных взрыдов.

Вслед за музыкантами, пара подростков несла большое фото угрюмого мужского лица, удерживая рамку с двух сторон, а следом шли штук пять широких венков, с белыми буквами надписей по чёрным лентам. И для каждого тоже по паре держащих.

Грузовик трёхтонка урчал мотором позади венков. В его кузове с отстёгнутыми бортами стоял ажурный памятник из прутьев тонкой арматуры, окрашенной «серебря́нкой». Двое мужчин, одного роста с памятником, хватались за него с двух сторон, чтобы не упасть в гроб к покойнику выложенному напоказ, у них под ногами.

Небольшая пугливая толпа замыкала шествие.

У меня не хватило смелости выйти на улицу, хотя Мама с тётей Людой стояли за калиткой, а также соседи и соседские дети, возле своих хат. Но всё же, движимый любопытством, я влез на изнаночную перекладину ворот, и выглянул поверх досок.

Сиренево-свинцовый нос, торча из жёлтого лица, веял такой жутью, что я бросился в самую глубь двора, вплоть до

будки чёрно-белого Жульки, который тоже заметно нервничал, и подскуливал трубному вою вдоль улицы…

~ ~ ~

Из обыкновенного носового платка, Баба Катя умела вывязать толстую мышь, с ушами и хвостом, которую она сажала себе на ладонь и поглаживала ей белую голову пальцем другой руки.

Отчаянным прыжком с ладони, мышь вдруг бросалась в бегство, но Баба Катя успевала перехватить её на лету, усаживала обратно и чесала дальше, под наш неудержимый смех.

Конечно, я понимал, что это Баба Катя сама подталкивает мышь, но как ни всматривался, не мог разгадать её фокус…

Каждый вечер она выносилf ведро кисло пахнущего хлёбова из очистков и объедков в свою секцию общего сарая, где свинья Машка встречала её нетерпеливо-требовательным хрюканьем.

Баба Катя выхлюпывала свинячий рацион в корыто, потом стояла над громко чавкающей Машкой и ругала за очередные нарушения режима и общую невоспитанность.

Она показала нам, какие из грядок и деревьев в огороде её собственность, чтоб мы не лезли на соседские, потому что там не было заборов. Однако яблоки ещё не созрели, и я влезал на Белую Шелковицу, хотя Баба Катя предупреждала, что я слишком здоровый для такого молодого деревца. И действительно, однажды оно расщепилось подо мной надвое.

Я испугался – ой, что теперь будет! – но Папа не побил меня.

Он натуго обмотал разошедшиеся половинки деревца каким-то желтовато-прозрачным кабелем. И Баба Катя тоже смолчала, не упрекнула ни единым словом…

В тот вечер она сказала, что свинья совсем ничего не стала жрать и перевернула ведро с очистками, до того умная, чувствует, что завтра её зарежут.

До поздней ночи из сарая разносился неумолкающий вопль Машки…

Наутро, когда пришёл свинорез-коли́й, Баба Катя ушла из хаты, и уже в её отсутствие они вытаскивали истошно визжащую Машку из загородки, гонялись за ней по двору и убивали длинным ножом, чтобы достал до сердца.

Визг перешёл в хриплый рёв, его сменили слабеющие крики, что становились всё короче.

В это время Мама держала нас, своих детей, в хате и разрешила мне выйти, только уже когда они обжигали тушу гудящим пламенем паяльной лампы.

. .. .

На свадьбе тёти Люды, стол под Вязом у ворот переполняли тарелки с тонко нарезанным розовым салом, чёрно-коричневыми жареными котлетами, мисками застывшего холодца под слоем белого жира.

Один из гостей предложил дать невесте урок набивки домашней колбасы, но она отказалась, под общий смех весёлых свадебных гостей…

Конотоп, в общем-то, мне понравился, хотя было жалко Машку и стыдно за сломанное деревце. И мне даже понравился вкус хлеба из кукурузной муки, который все хоть и ругали, но покупали, потому что Никита Хрущёв объявил кукурузу Царицей полей, и в магазинах продавался хлеб лишь из её муки…

Обратно на Объект, мы тоже ехали поездом, но путь показался намного длиннее. Меня тошнило, и кружилась голова, пока в конце вагона не нашлось окошко, где можно высунуть её под ветер.

Прилипнув к тому окну, я смотрел, как наш пыльно-зелёный состав, изогнувшись длинной дугой, катит по зелёному полю. Потому-то наше путешествие никак не заканчивалось, ведь поезд бежит по одному и тому же громадному кругу, посреди этого поля с одними и теми же перелесками…

На какой-то из станций, Папа вышел и не вернулся при отправлении. Я испугался и начал жалко всхлипывать. Но через пару минут он показался в проходе с мороженым, из-за которого задержался на перроне, и ему пришлось запрыгнуть в другой вагон уходящего поезда.

~ ~ ~

В тот год мои младшие сестра с братом тоже пошли в школу, и в конце августа Папа, раскрасневшись растерянно-сердитым лицом, увёз Бабу Марфу в Бологое – помочь с пересадкой на Рязань.

На прощанье она расплакалась, и Папа сделал выговор ей

в утешение: «Опять? Опять начала!» Тогда она расцеловала нас, своих внуков, и покинула мою жизнь…

. .. .

За дорогой напротив угловых зданий Квартала, стоял бакалейный магазин и теперь, с отъездом Бабы Марфы, Мама посылала меня туда за мелкими покупками – принести хлеб, соль, спички и растительное масло. Более важные продукты она покупала сама: мясо, картошку, сметану или шоколадное масло. На праздники крупную красную икру или мелкую чёрную, потому что Объект хорошо снабжался. Вот только мороженое привозили раза два в месяц и оно тут же раскупалось. А вкусного хлеба из кукурузной муки совсем не бывало.

По правую руку от магазина, на повороте дороги охватившей Квартал, стена леса чуть раздвигалась просветом узкой поляны, где стояла эстакада из крепких брёвен для ремонта заехавших на неё автомобилей. Ещё одно место сбора детей для игр.

– Бежим скорей! – крикнул знакомый мальчик, на рысях в направлении эстакады. – Там ёжика поймали!

Прежде я видел ёжиков только на картинках, вот и поспешил смешаться с группой мальчиков, громко галдевших в конце поляны. Подхваченными где попало палками, они не пропускали зверька убежать в лес, а когда ёж свернулся в оборонительный серо-коричневый шар из иголок, теми же палками закатили его в небольшой ручей.

Вода заставила шар сразу распрямиться. Ёж выпростал из-под иголок свою мордочку с чёрной нашлёпкой носа, и попытался убежать сквозь траву, на своих коротких кривых ножках.

Однако его свалили наземь и крепко придавили палкой поперёк живота, чтобы он снова не свернулся.

– Смотри! – закричал какой-то мальчик. – У него запор! Покáкать не может! – В подтверждение диагноза, потыкал сломленным стеблем полыни в тёмный бугорок между задних ног зверька. – Какашка слишком твёрдая. Надо помочь.

Я вспомнил, как Баба Марфа спасла меня…

У кого-то из компании нашлись плоскогубцы в кармане, пациента распяли на земле парой дополнительных палок и самозваный Доктор Айболит потянул инструментом какашку. Та, почему-то, не кончалась и была непонятного голубовато-белесого цвета.

– Дурак! Ты ему кишку выдрал!– закричал другой мальчик.

Ёжика отпустили, и он опять прянул к лесу, волоча за собой полметра вытащенной внутренности. Все пустились следом: смотреть что будет.

Смотреть мне совсем не хотелось и, к счастью, меня вызволила сестра. Наташа примчалась бегом из Квартала – сказать, что Мама зовёт.

Я тут же покинул натуралистов и поспешил во Двор. Там я говорил с Мамой, здоровался с её соседскими подругами

и всё время, параллельно, думал одну и ту же мысль в голове. Она думалась какими-то странно взрослыми словами, о которых до сих пор ума не приложу – откуда могли такие взяться, с учётом легкомысленности моего круга чтения в те детские времена:

«Как же мне теперь жить дальше, после того, что я увидел? Как жить? Как?»

(…как ни странно, – я выжил. Благое свойство людской памяти, – её способность забывать, отмеченная в словаре Владимира Даля, пришла на выручку.

Однако в серии зверств, свидетелем которых мне случилось стать, когда человеческие, с виду, особи истязаниями обращают себе подобных в куски излохмаченного мяса, – первой жертвой идёт изувеченный ёжик, волоча по хрупкой траве влажно-серый кусок прямой кишки, облипший твёрдыми комочками сухой земли.

И я дожил до понимания, что низменные твари нуждаются в высокопарных оправданиях своему изуверству: облегчение страданий… святая месть… очищение расы…

Но опять-таки, если уж совсем начистоту, есть ли гарантия, что сам я ни при каких обстоятельствах не совершу ничего подобного? Ну… как-то не знаю…)

Когда ты в детстве, у тебя нет времени оглядываться на все эти серии в своей памяти. Тебе нужно вперёд: мимо и – дальше! – к новым открытиям. Если кишка не тонка, держаться курса…

Однажды, чуть отклонясь от торного маршрута «школа—дом», я углубился в лиственную часть леса и там, на пологом взгорке, вышел к четырём Соснам, выросшим за пару метров друг от друга, по углам почти правильного квадрата. Гладкие широкие колонны их ровных стволов уходили ввысь и, в шести-семи метрах над землёй, смыкались помостом, куда вели перекладины из обрубков толстых сучьев, прибитых гвоздями к одной из Сосен, как вертикальная лестница…

Кто и зачем устроил такое, я так и не узнал, а только лишь убедился, что не всякий трус отважится взобраться на помост в лесу, пусть хоть даже и сам на него вышел…

~ ~ ~

Намного глаже продвигалось освоение подвального мира, куда мы с Папой спускались за дровами для Титана, чтобы ему было чем гореть, нагревая воду в день купания.

Подвал тонул в полной темноте, без единой лампочки, и Папа приносил нажимной фонарь с упругим рычажком у него на брюшке. Охватишь пальцами весь фонарик, и – пошёл сжимать и попускать его в ладони! Рычажок пружинисто противится, но всё же лезет внутрь под твоими пальцами, а на послабление нажима – высовывается обратно.

Качнёшь так раза два, и – внутри пластмассового тельца проснулась маленькая динамо-машина, жужжит, подаёт ток фонарику на лампочку. От скорости жужжания зависит яркость света.

Чётко очерченный световой круг скачет по стенам из шер-

шавых досок или по дверям из таких же, с висячими замками, и по бетону пола в подвальном коридоре, который заворачивает влево, где, в самом конце, – наша секция.

Папа отпирает замок, щёлкает выключателем, и в тот же миг из потёмок выпрыгнула квадратная комната, залитая до краёв и потолка светом голой лампочки.

В углу сошлись пара стен из гладкого бетона, третья – грубо-дощатая перегородка от соседней секции. За спиной – дверь в коридор.

Поленница напиленных дров сложена под стеной бетона, на перегородке – полки с хозяйственными принадлежностями, инструментами, и всякая свободно висящая всячина: санки, лыжи…

Когда пара широких поленьев расколоты на дрова, я собираю щепки для растопки Титана и две-три дровишки потоньше, а Папа ухватывает остальное в одну охапку.

Иногда он заодно и мастерил что-то в нашей секции и я, прискучив ожиданием, выходил в коридор с узкой зарешечённой канавкой вдоль середины цементного пола.

Через распахнутую дверь, лампа бросала прямоугольник света на запертую секцию напротив, а дальний конец коридора, откуда мы приходили, – терялся в непроглядной темноте.

Но мне не было страшно, потому что за спиной у меня работал Папа в старом морском бушлате, с двумя рядами жёлто-медных пуговиц спереди, а в каждой – бравый храбро вы-

пуклый якорёк…

~ ~ ~

Дрова попадали в подвал в начале осени. Медленный самосвал осмотрительно заезжал во Двор и ссыпа́л груду поленьев грубого раскола рядом с обитой жестью крышкой, покрывавшей бетонированный приямок, что имелся в каждой торцевой стене любого здания Двора, – строго по её середине.

Под крышкой, приямок выглядел прямоугольной ямой глубиной метра в полтора, а чуть выше её дна квадратная дыра-лаз (50 см х 50 см) горизонтально уходила сквозь фундамент в темень подвального коридора, где и заканчивалась на высоте полутора метров над уровнем пола.

Поленья сбрасывались на дно приямка, а оттуда – через лаз – в подвал, для перетаскивания в секцию того, кому их привозили в этот раз.

Когда раз оказался нашим то, поскольку я уже такой большой мальчик, Папа сказал мне сбрасывать поленья в яму, чтобы он (через дыру) продёргивал их к себе, на пол в подвале.

Стоя над приямком, я не мог его сверху видеть, но слышал отдалённый голос, когда он кричал мне из подвала повременить, если куча сброшенных поленьев грозила затором лаза. И тогда я ждал, слушая утробный стук поленьев о бетон пола глубоко внизу.

Всё шло легко и гладко до тех пор, пока Наташа не ска-

зала Сашке, что нам привезли дрова, и что я помогаю Папе спускать их в подвал.

Саша прибежал к дровяной груде, молча ухватил полешко и поволок сбрасывать его в яму.

В ответ на мои запальчивые декларации о нарушении возрастных ограничений для именно таких вот работ, и что всего ещё только одна кинутая им дровина наверняка устроит затор дыры, он молча реагировал упрямым сопением и продолжал таскать и сбрасывать.

(…риторика не помогает с теми, у кого Упрямство-Матушка прежде него родилась, такому хоть кол на голове теши!.)

Однако я не только произносил пылкие речи, но тоже бросал дрова, чтобы потом, за обедом на кухне, Сашка даже и одним посапыванием не намекнул бы, будто он работал больше моего.

И вдруг он отшатнулся от приямка; пальцы в брызгах крови схватились за лицо.

Наташа бросилась домой сказать Маме. Та прибежала с мокрой тряпкой – протирать запрокинутое лицо Сашки. Папа тоже бегом явился из подвала…

И никто вовсе не слушал мои оправдания, что всё нечаянно так получилось, не нарочно, когда брошенное мной полено ободрало ему нос.

Мама накричала на Папу, что он допустил такое. Папа тоже рассердился и велел всем уходить домой, и работу он до-

канчивал уже в одиночку.

Царапина быстро зажила, даже без пластыря, который Саша упрямо отлепил ещё до ужина.

(…вряд ли мой брат упомнит это происшествие, и только я до сих пор чувствую себя виноватым – да не нарочно, но меньше бы орал, оратор грёбаный, а смотрел бы лучше куда швыряю…)

~ ~ ~

В школе я постоянно записывался во всевозможные кружки, как только руководитель очередного приходил к нам в класс, чтобы объявить о наборе желающих.

А собирались кружки под вечер, чтобы участники могли сходить домой после уроков, пообедать, отдохнуть и вернуться в школу.

Кружковое занятие длилось почти час, и участники расходились по домам в уже густой темноте ночи.

Как-то вечером, после очередного занятия, несколько кружковцев забрели в спортзал школы, Вернее, на его сцену, где стояло пианино, и где один мальчик мне показал однажды, что если ударять по только чёрным клавишам, то получается китайская музыка.

Однако в тот вечер я и думать забыл о музыке, потому что возле пианино стояли большие старшеклассники с парой настоящих боксёрских перчаток!

Мы несмело попросили разрешения потрогать их блестящую кожу и немножко примерить.

Старшеклассники великодушно позволили, а потом решили провести матч между шпингалетами: «Горка» (представитель кварталов-близнецов) против «Нижняков», которые жили в порядках деревянных домов у подножия Горки.

Выбор пал на меня – о! как же мне этого хотелось! – и на плотного рыжеволосого Вовку от Нижняков.

Освещение сцены оказалось недостаточным. Присутствующие на спортивном событии вышли в узкую прихожую спортзала, под яркую лампочку плафона, отражённого в чернильно-чёрной зимней темноте, что разлилась уже за широким стеклом окна. Нам с Вовкой скомандовали «бокс!»

Сперва мы хихикали, бухая друг друга громоздкими шарами перчаток, но вскоре остервенели. Я страстно хотел (но никак не мог) влепить ему в голову, а в его глазах угадывалось взаимное желание. Безошибочно и несомненно.

Вскоре моё левое плечо, которое я подставлял под все его удары, жутко заныло, а моя правая рука, который я долбил в его подставленное плечо, ослабла и выдохлась.

Наверное, ему приходилось не слаще моего, наши хиханьки сменились пыхтением и кряхтом.

Было плохо, больно до слёз, потому что его удары проникали, казалось, до кости предплечья, но я бы скорей умер, чем сдался.

Наконец, старшим надоела такая монотонщина, они сказали «хватит!» и забрали перчатки.

На следующее утро лилово-сизый отёк расплывался у ме-

ня по предплечью, и несколько дней кряду оно оставалось моим больным местом, я крючился от дружеских похлопываний по нему и сычал, словно гусь в самообороне.

~ ~ ~

Если выпадал пушистый снег, но не аж по пояс, мы всей семьёй выходили во Двор чистить ковёр и ковровую дорожку. Расстилали их лицом на снег и топтались по жёсткой изнанке.

Потом ковёр переворачивался, на него веником наметался снег с ближайших сугробов и – сметался начисто. Готово. Мы складывали ковёр тяёлым квадратом.

Длинная зелёная дорожка после протаптывания не переворачивалась ворсом кверху. Вместо этого, мы вчетвером – Мама и трое детей – становились сверху, и Папа волок её (и всех нас на ней стоящих), оставляя промятую борозду и тёмные остатки пыли в снегах за кормой.

Вот какой у нас сильный Папа!

А когда выпал мокрый снег, мальчики Двора начали катать его для строительства крепости.

Лепишь обычный снежок, кладёшь его на снег сугроба и начинаешь катать – вперёд-назад. Снежок тут же обрастает слоями мокрого снега. Превращается в футбольный мяч из снега. Вырастает тебе по колено. Становится всё плотней, тяжелеет, и уже нужно звать кого-то на помощь, чтобы объединёнными усилиями двоих-троих докатить снежный ком к растущей крепости, где старшие мальчики взгромоздят, и

закрепят его в кольцевую стену, которая уже выше твоего роста…

Мы разбились на две команды – защитники осаждённой крепости и нападающие. За рекордно короткое время заготовлен арсенал снежковых боеприпасов, и – они бросились на штурм!

Гвалт, крик, вопли; снежки свистят отовсюду и во всех направлениях. Высовываюсь над стеной – залепить снежком хоть в кого-то-нибудь.

Вспышка жёлтой молнии в глазах, слепящая, как сполох лопнувшей электролампочки. Скользя спиною по неровностям белой крепостной стены, сползаю на корточки, ладонь вжата в глаз, куда стеганул снежок.

(…"ах, да – я был убит…"

так воссоздал этот момент Н. Гумилёв своим стихотворением…)

Но не стихая беснуется бой, некому оглянутся на павших. Всё сплелось и слиплось в единый общий рёв: «А-а-а-а-а-а!»…

Спустя неведомое время, иссякла битва. Крепость так и не сдалась, а только превратилась в метровый холмик снега, утоптанного до оледеневшей твёрдости.

Однако тишина во Двор не воротилась, всё тонет в том же неуёмном крике, с которым скатываемся мы по льду растоптанной твердыни на животах. Голова немеет неясной глухотой от своего и общего обезумело буйного, неумолкающего:

«А-а-а-а-а-а!»

Глаз мой уже глядит. Сошлёпав запоздалый снежок, я вмазал им по голове мальчика старше меня. Какая непростительная промашка!

Во-1-х, он старше, а значит и сильнее, да и бой давно окончен, и этот мальчик пришёл уже с коньками на ногах.

Как мог я быть таким неосмотрительным?

Как всегда – борьба за правильность, чтобы всё как надо было. Давным-давно тому назад, в начале возведения крепости, старшие мальчики объявили: «Кто не строит, играть не будет», а я точно знаю, что этот мальчик на коньках совсем не строил.

Но кому какое дело до справедливой правильности? Многие из мальчиков-основоположников уже разошлись. Никто вокруг не помнит договорённостей мирного времени.

И дерзости моей всё меньше оправданий, их слушать некому, и некого позвать на помощь, и попранную справедливость сейчас не восстановишь, а просто – Бе! Ги!…

И я бегу… Едва живой, измотанный долгими часами дикой беспрерывной игры. Бегу с глухим опустошеньем в голове. Бегу к нашему подъезду. А вдруг не догонит в коньках по вытоптанному снегу?..

Я всё ещё бегу. И до подъезда уже рукой подать. «А ну если догонит?»– мелькает в голове, и получаю пенделя коньком под зад за этот запоздалый страх.

Хлопнув дверью, влетаю на площадку первого этажа. Пре-

следователь не отважился – тут чужой подъезд.

(…если хочешь, чтоб всё вышло как надо, не вздумай усомняться, что так оно и будет…)

~ ~ ~

Весной, что через пару месяцев таки наступила, родители надумали заняться сельским хозяйством. В том смысле, что посадили картошку…

Когда, после работы, с лопатой и сумкой посевного материала они направились к лесу, я упросил, чтобы и мне позволили пойти.

Мы вышли на узкую бесконечную просеку в лесу, здесь проходила граница Зоны, пока та не разрослась в Объект.

Папа выворачивал ямки в грядке, которую вскопал днём раньше, а Мама роняла в них картошины. Лица обоих казались печальными, и Папа недоверчиво качал головой, что почва совсем негожа, навряд ли вырастет хоть что в сплошном суглинке…

Тихо сгустились весенние сумерки, и мы отправились домой.

(…несколько забегая, должен сказать, что попытка с огородом провалилась. Суглинок виноват или ненужное сомнение в успехе предприятия?

Но что вовсе непонятно – зачем понадобился тот огород? Сэкономить на картошке? Но жили мы тогда небедно. В комнате родителей появился раскладной диван-кровать и ещё два кресла с жёлтыми лакированными ручками,

и овальный столик на трёх ногах – с общим названием для всех вещей сразу – «мебельный гарнитур»…

Скорее всего, им просто захотелось отдохнуть от новой мебели, вот и придумали себе отговорку для вылазки в лес…)

~ ~ ~

И снова пришло лето, причём намного раньше, чем в предыдущие годы. А вместе с летом в жизнь мою ворвалась Речка. Или же границы моего жизненного пространства достигли её пределов.

Для начала моих отношений с Речкой, сперва пришлось увязаться за компанией мальчиков более продвинутых по возрасту. Переступая размякший на стыках плит гудрон, скромно позволяю им предводительствовали на спуске из Квартала по дороге, которая втемяшилась уже как свои пять пальцев, за все мои хождения в Библиотеку.

Однако вот и поворот на незнакомую мне тропу через густую чащу, совсем уже крутым спуском, где на полпути – в самом низу и как-то сразу – открылся сверкающий отблесками солнца шумный поток Речки, плещущей по всевозможным валунам и неисчислимым булыгам различного размера…

Все семь метров её ширины получалось пересечь без погружения глубже, чем по пояс, а можно и просто постоять у берега по колено в быстрых струях, наблюдая, как табунчики полупрозрачных мальков тычутся в твои икры, в зеленоватом сумраке неудержимо мчащей водной массы…

На Речке мы играли в Ключик-Замочек, загадывая – как всплеснёт вода от брошенного в неё камня.

Всплеск пошире, который типа пенистого кустика, считался, конечно же, «замочком», а когда выбулькнет одиночно тощая струя в виде живой сосульки вверх тормашками, то это «ключик», тут и спору нет.

В менее определённых случаях, решающее слово оставалось за мальчиком, который лучше играл в футбол, а пущенный им плоский камешек делал больше пружинистых подскоков от воды при «печении блинчиков»…

. .. .

Вскоре я начал ходить на Речку один или на пару с кем-то всего одним из мальчиков. Однако на берегу, мы разделялись, потому что пришли ловить рыбу.

Всей снасти: удочка – длинный ивовый хлыст, срезанный ножом, но не ошкуренный от коры, да трёхметровый кусок лески, привязанной к тонкому концу удилища.

Продетая сквозь поплавок леска проходит далее через грузило (капелька свинца), и кончается крючком, сантиметров через пять после свинцовой капли. Её назначение – не дать крючоку всплыть на поверхность. Однако грузило не должно мешать его заглатыванию, вот для чего и нужны пропущенные сантиметры.

Поплавком – коричневатая пробка из винной бутылки или же (если он куплен в магазине «Спорттовары») начисто выщипанное гусиное перо, чьи верхняя и нижняя половин-

ки окрашены в белый и красный, для контраста.

И пробочный, и гусиный поплавки одинаково прыгучи в торопливой ряби на быстрине, а среди глади крохотных тихих затонов (за спиной валунов покрупнее) одинаково впадают в малоподвижную задумчивость…

Рыбалка – это нечто чисто личное. Какой-то мальчик надеется поймать в тихом заливчике, другому нравится брести за поплавком, что катится вприпрыжку по течению. Поэтому на речном берегу рыбаки расходятся. Под боком друг у друга рыбалить могут одни только конспираторы, для отвода глаз.

Рыбалка – взмыв возбуждения до небес при самом лёгком вздроге поплавка. Тихо! Клюёт!

Леска не подаётся, порывисто дёргает к себе, гнёт кончик удочки, режет воду зигзагами, и вдруг разом – сдалась! Выпрыгивает из воды и, по невидимой дуге, несёт к тебе трепещущие взблески пойманной добычи.

Потом, конечно же, окажется, что блеск и дёрганье – сплошная видимость, не рыба клюнула, а так, – мелюзга. Ничего! В следующий раз точно: во-о-от такая будет!

(…чаще всего на крючок попадались «горюхи». Я никогда не узнал их научного имени. Эти дуры ловились даже на голый крючок, без всякой наживки. И ловились любой своей частью – хвостом, животом, глазом. Кому придёт в голову классифицировать таких тупиц?..)

С рыбалки я обычно приносил штук шесть уснувшей мелочёвки в молочном бидоне, зачерпнув туда речной во-

ды. Кошка Полины Зиминой, отпугивающе урчала голосом угрозы, и пожирала их, елозя блюдцем по плиткам пола лестничной площадки…

~ ~ ~

В тот день я начал ловлю от моста между Насосной Станцией и КПП, на выезде из Зоны. Как обычно, я шагал вслед за течением, меняя наживку, а где надо – глубину погружения крючка.

Рыбак я упорный, и почти не отвлекался. Всего только раз отложил удочку на валуны, чтоб малость подшлёпать разлёгшуюся на пляже женщину из песка. Двумя днями ранее, пара солдат слепили эту фигуру, на песчаной косе вдоль зарослей кустарника.

На скульпторах были только чёрные трусы и сапоги – сразу видно, что солдаты. Кто ещё оденет носить такие сапоги летом?

В общем, я нарастил осевшие перси и подкруглил ей бёдра, той скульптуре. Они тоже заметно осели и казались шире, чем нужно, но узить их мне не хватило пыла.

Зачем я вообще этим занялся? Так ведь неправильно же, чтобы произведение искусства сравнялось с остальным песком, и весь солдатский труд пошёл прахом…

(…или, может, пацанчику захотелось пошлёпать женский бюст и ляжки, пусть даже и песчаные?

И-и-и! К чёрту Фрейда и его горюшных прихлебателей!

Айда на рыбалку! Там интереснее…)

…и на неё я не ложился, как один из тех солдат два дня назад, а просто продолжил рыбалить.

Течение донесло поплавок до прорванной плотины, пониже стадиона, где когда-то давно я оступился с коварной плиты. А это значит, что половина Речки пройдена, ещё столько же – и она убежит за Зону, прочь от колючей проволоки на столбах в два ряда.

В коридоре между плотно-колючих стен – полоса взрыхлённой земли, чтобы улавливать отпечатки шпионских похождений диверсантов из НАТО…

Полречки пройдено, а в бидоне лишь пара «горюх», кошка тёти Полины Зиминой будет недовольна…

Когда ниже по течению показался второй (он же последний) мост Зоны, я решил не идти дальше, а попытать счастья на крутой излучине течения под высоким глинистым обрывом. И именно там случилось то, чего ради люди вообще на рыбалку ходят.

Поплавок не дёрнулся, не дрогнул, а просто ушёл под воду, глубоко и спокойно. Я потянул на себя, и удочка ответила странной неуступчивой дрожью. Никакая рыбка не выскочила из воды, трепыхаясь в полёте сквозь воздух. Пришлось тянуть тугую леску всё ближе и ближе, а там и на берег…

Рыбина выгибалась и билась на песке, а мне и подойти-то боязно, – никогда ещё не видел целый обрубок живого тёмно-синего шланга.

Я выбросил «горюх» обратно в Речку, наполнил бидон

всерьёз, и опустил туда добычу, но рыбище пришлось заторчать в нём стоя, её длина не позволяла кувыркаться между тесных стенок.

Два мальчика подошли от моста, возвращаясь домой с рыбалки. Они спросили про улов, и я показал им рыбу.

– Налим! – мгновенно определил один из них. Они ушли, а я понял, что ничего лучшего уже не поймать, пора сматывать удочку…

Я поднимался по бетону плит на Горку, а слава летела впереди меня – пара мальчиков выбежала навстречу, до самого до Бугорка. Им хотелось увидеть Налима.

А когда я уже подходил к нашему дому, незнакомая тётенька из углового здания остановила меня на дорожке, спросить – правда ли это.

Она заглянула в бидон, из которого ей навстречу торчала круглая морда Налима, и попросила отдать его ей.

Я тут же протянул улов, потом подождал, пока она отнесёт рыбу к себе домой и принесёт бидон обратно, потому что надо делать, что тебе взрослые говорят – так будет правильно…

~ ~ ~

В те времена лето было безразмернее, чем нынче, и за тогдашнее лето происходило намного больше разного всего, чем теперь за два, а то и три лета.

Например, в одно лето с Налимом мои сестра-брат и я поехали в пионерский лагерь, хотя мы ещё не успели стать

юными пионерами.

Ярким солнечным утром, дети нашего Квартала, а также соседнего, и дети-Нижняки́ из деревянных домов у подножия Горки, собрались вместе, возле Дома Офицеров, где нас ожидали два автобуса и два грузовика с брезентовым верхом над кузовом.

Родители отдали своим соответственным детям чемоданчики с одеждой и сумки с печеньем и прочими вкусностями, и помахали вслед отъехавшей колонне.

Мы пересекли Речку по мосту возле Насосной Станции, миновали белые ворота КПП и оставили Объект за колючей проволокой, что окружала его весь целиком – с лесом, с горами и долами, с болотами и кусочком Речки.

После КПП, мы свернули вправо и долго ехали по длинному подъёму, прежде чем свернуть с асфальта на грунтовую дорогу через лес могучих Сосен. Там колонна продвигалась медленнее, но минут через двадцать мы подъехали к другим воротам и другому забору из колючей проволоки. Однако тут она не шла удвоенной стеной, а только одной и довольно реденькой, и у ворот не стояли часовые, потому что лагерь-то просто пионерский.

Меж сосен вблизи ворот проглядывало одноэтажное здание из медпункта и столовой, а также из жилых комнат для Воспитателей, Директора и других работников лагеря.

Позади здания раскинулось широкое поле, застолблённое высокой железной мачтой Гигантских Шагов, с железным

колесом на макушке, откуда свисали брезентовые петли на рыжих от ржавчины цепях, потому что никто и никогда не крутился на этом аттракционе.

Гигантские Шаги стояли тут, как молчаливый монумент из времён иных, далёких, когдв по лику Матушки Сырой Земли ещё прогуливались великаны, которым по плечу столь титаническая потеха.

Их уж не встретишь, но остался ржавый столб – свидетель самораскруток богатырских…

Под сенью высоких Берёз на левом фланге поля, тянулась ровная гаревая дорожка к яме для тройных прыжков, а также и одиночных, – просто в длину.

За полем снова начинался лес, отграниченный от лагеря парой провисших проволок (да, колючих), вколоченных в древесные стволы, которые потолще.

Налево от здания столовой, за полосой зелёных кустов стояли четыре квадратных шатра брезентовых палаток, а в каждой – четыре железных койки, поверх дощатого пола, для размещения девятиклассников из Первого отряда.

Затем шла ровная поляна с ещё одной железной мачтой, но намного тоньше аттракционной, и без ржавых цепей. Вместо них вдоль мачты тянулся тугой тонкий трос, продетый в пару блоков: верхний – не доходя метра до мачтовой макушки, нижний за метр от поверхности земли.

На трос крепился Красный Флаг лагеря…

Каждое утро и каждый вечер, отряды выстраивались на

общую «линейку» по трём сторонам большого прямоугольника, лицом внутрь.

Железная мачта, Директор лагеря, Старшая пионервожатая и лагерный Баянист замыкали четвёртую – довольно жиденькую – сторону периметра.

Командиры отрядов, начиная от самого младшего, подходили, поочерёдно, к Старшей пионервожатой с докладом, что их отряд построен. При этом, и рапортующий, и Старшая пионервожатая удерживали свой правый локоть на высоте плеча, а правую ладонь выстраивали досочкой, обёрнутой большим пальцем к своему лицу, удерживая её строго по его диагонали.

Выслушав доклады командиров, Старшая пионервожатая командовала «Смирно!» всему построению, чтоб и самой начать шагать. Однако, так и не домаршировав до центра прямоугольника, она разворачивалась кругом и шла к Директору лагеря – доложить, что лагерь на линейку построен.

Во время её доклада, Директор лагеря стоял, вскинув правую руку в пионерском салюте по диагонали своего лица, хотя и не был юным пионером. После чего, он отдавал приказ поднять или опустить Красный Флаг лагеря, в зависимости от времени суток.

Баянист широко растягивал меха своего инструмента, и тот испускал гимн Советского Союза. Пара рядовых разнополых пионеров – вызванных Старшей пионервожатой из рядов отрядов за их недавние отличия и заслуги в жизни ла-

геря, – приближалась к мачте.

Стоя по обе стороны от мачты и нижнего из блоков тросика, они хватались за него и дёргали попеременными руками, и Красный Флаг полз, нервно вздрагивая, с досадными остановками, вдоль мачты – утром вверх, а вечером вниз, пока всё построение (кроме Баяниста, что шевелился с какой-то расхлябанной распущенностью, несмотря на гимн) стояло по стойке смирно, удерживая их правые локти на высоте плеч, с ладонями расправленными в досочку, строго по диагонали их персональных лиц, включая малышню Четвёртого отряда, которым ещё расти и расти до возраста, что соответствует салюту юных пионеров…

Покинув поляну с флагштоком, короткий спуск сбегал к приземистому бараку из двух длинных спален. Внутри их разделяла продольная глухая перегородка. Для окон, в каждой оставалось по одной дощатой стене, вдоль которой стояли два ряда кроватей с панцирными сетками, развёрнутые своей длиной поперёк барака. Однако и при этом вдоль глухой перегородки оставался вполне даже широкий проход.

Каждая спальня заканчивалась дверью в общую комнату, вдвое короче, чем предыдущие, зато без перегородок – во всю барачную ширину. В ней находилась маленькая сцена с экраном для показа фильмов, и сиденья под зрителей, – десятка два рядов.

Сразу по прибытии, водворясь в свою спальню, мальчики не торопились вернуться в здание у ворот для получе-

ния матрасов, простыней и одеял. Вместо этого, они дружно уронили свои сумки-сетки-чемоданчики на пол и, испуская вопли вольных краснокожих, сорвались взапуски вдоль пружинисто отзывчивой пары рядов из коечных сеток, что придают такую приятную взлётность прыжкам бегущего…

(…в этом виде спорта очень важно не врезаться в попрыгунчиков, мчащих в обратном направлении…)

Потом все пооткрывали свои сумки и чемоданчики, и начали объедаться сладостями, запивая их глотками тягучего сгущённого молока, из сине-белых жестяных банок.

Как оказалось, для потребления сгущёнки никакой консервный не нужен вовсе. Просто найди гвоздь, который вытарчивает из стены, и ударь по нему крышечной частью банки, чтобы пробилась дырка.

Постарайся, чтобы пробой пришёлся с краю, а не в центре. Теперь в той же крышке сделай дополнительную дырку, напротив первой, поближе к другому краю…

Чувствуешь? – Сосётся легче лёгкого, без остановок, и при этом ничуть не перемажешься, в отличие от вон того гвоздя, с висящей на нём каплищей густой сгущёнки.

Ну а если ты не слишком ещё натренированный дыробой или не хватает роста дотянуться до гвоздя в стене, то попроси кого-нибудь из мальчиков постарше – пробьют безотказно, всего за пару долгих отсосов из твоей банки…

~ ~ ~

Но так чтоб особо, на поляне лагерных построений не по-

маршируешь, центр её отводился под квадратные грядки. Типа отдельной могилки для присмотра каждым из отрядов. Дети выкладывали на своей дату текущего дня, применяя зелёные шишки или свеженащипанную листву, или головки оторванные у цветов для эстетического соревнования на Лучший Отрядный Календарь. Это и обеспечивало скорый разворот Старшей Пионервожатой к Директору с докладом, в ходе лагерных линеек.

По воскресеньям большой автобус привозил в лагерь толпу родителей, чтобы те кормили своих детей пряниками, конфетами и – поили ситром!

Мама уводила нас в уединённую тень под берёзами, и смотрела, как мы жуём и глотаем, а Папа щёлкал с разных сторон своим новеньким фотоаппаратом ФЭД-2. Уминая лакомства, мы с важностью отвечали, что жизнь в лагере, как жизнь, да.

А совсем недавно все отряды ходили на прогулку в лес, вот. Возвращаемся – сюрприз! Нас ожидает ресторан в перголе с дощатым полом, напротив запасного выхода барачного кинозала.

Оказывается, девочки старших отрядов в лес не пошли. Они расставляли стулья и столы в перголе, и готовили обед, вместе с поварихами столовой.

На столах разложены листки рукописного меню, и все посетители подзывают девочек взрослым словом «официант!». А они подходят получить заказ на Салат Майский или Салат

Луковый. В списке меню только два этих блюда.

После ресторана, я случайно подслушал, как две официантки пересмеивались между собой, что все заказывали Салат Майский, хотя Салат Луковый намного вкуснее, и официантская доля получилась больше, благодаря лопухам, которые верят словам на куске бумаги.

(…и я дал себе слово – не покупаться больше на блестящие фантики финтифлюшных слов.

Да-да, именно так, потому что моё лавинообразное чтение успело уже сделать из меня довольно пафосного ребёнка с ненормативным запасом странных слов…)

К сожалению, в режиме дня лагерной жизни сохранился пережиток детсадовского прошлого, хоть и под новым именем – «мёртвый час». После обеда – марш по своим палатам! Всем по койкам! Отбой!

Спать посреди дня просто не получается, и двухчасовый «мёртвый час» ползёт медленнее слизняка. Все ужасы рассказаны и выслушаны в миллионный раз: и про женщину в белом, которая пьёт собственную кровь, и про летающую чёрную руку, у которой даже тела нет, а всё равно душит кого попадя, и все другие жути жуткие, однако до команды «Подъём!», по-прежнему, всё те же 38 минут…

Однажды за обедом в столовой, я заметил несомненно конспиративные знаки в жестикуляции на пальцах у трёх мальчиков за моим столом.

Помимо пальцевых переговоров, шёл обмен активными

кивками и немым подмигиванием – тут даже и слепой увидит тайные сигналы секретного кода. Яснее ясного – здесь полным ходом сговор семафорится. Но как же я?

И я пристал к близсидящему заговорщику так неотвязно, что ему поневоле пришлось открыть мне их секретный план. Они сговорились не идти на «мёртвый час», а смыться в лес, где есть место, малины – завались, больше, чем листьев.

По окончании обеда, беглые мальчики, украдчивой пробежкой, подались в противоположном от барака направлении.

Прилипчиво бегу за ними вслед, отражаю попытку вожака вернуть меня восвояси – в палату с «мёртвым часом», и – проползаю замыкающим, в веренице пластунов под колючей проволокой.

В лесу мы первым делом вооружились. Ружья – из древесных сучьев, что дали себя обломить. И – пускаемся в путь по широкой тропе, среди кустарников и Сосен. Вожак сворачивает на поляну, после которой мы входим в лес, где уже нет тропы.

Долго бродим, но никакой малиной и не пахнет, а попадаются лишь только кусты волчьих ягод, но они ядовитые.

Наконец, нам надоедает бесполезный поиск, а вожак вынужден признать, что позабыл место обещанной малины. За это ему выражено разноголосое «эх, ты!», и наше блуждание по лесу продолжается. Но куда?

Да вот же она! Двойная путеводная нить из колючей про-

волоки, прибитой к стволам деревьев. Продвигаясь вдоль наводящей колючей подсказки лагерного забора, мы выходим на уже знакомую тропу.

Воспрянувший вожак отдаёт команду строиться. Похоже, начнём играть в Войнушку. С охоткой подчинясь приказу, выстраиваемся в шеренгу на тропе, тесно прижимая сучко-автоматы к животам.

И вдруг сразу две взрослые тёти – Воспитательницы из лагеря – прыгают из-за куста с громким криком: «Бросай оружие!»

Ошарашенные, мы роняем наши палки и нас – уже готовой колонной – конвоируют к воротам лагеря. Одна из поимщиц идёт впереди, вторая замыкает строй.

. .. .

Вечером на общей линейке, Директор объявил, что в лагере произошло ЧП и родителям виновников сообщат о нарушении, а также будет поднят вопрос об отчислении беглецов из лагеря.

После построения сестра-брат подошли ко мне из своего младшего отряда. «Ну тебе будет!»

– А! – отмахнулся я в ответ, скрывая страх перед неопределённостью меры наказания за поднятие вопроса об исключении.

Неизвестность мучила меня до самого конца недели и воскресного Родительского Дня…

Родители приехали с обычной усладительной програм-

мой, и Мама, при раздаче сгущёнки и печенья, ни словом не помянула мой проступок. Мне отлегло – наверное, Директор лагеря забыл сообщить родителям!

Когда они уехали, Наташа мне сказала, что Мама всё время знала про ЧП и, в моё отсутствие спрашивала: а кто ещё ходил в бега со мною?

Выслушав отчёт Наташи, с исчерпывающим списком имён и фамилий, она сказала Папе:

– Ну деток таких людей уж точно не исключат.

~ ~ ~

Конец лета ознаменовался резкой переменой в образе жизни Квартала. По утрам и вечерам, ежедневно, осторожно медлительный мусоровоз начал заезжать во Двор. Он испускал протяжный громкий «биииии!», и неподвижно ожидал, пока жильцы домов принесут и выпорожнят свои мусорные вёдра в задний ящик его кузова.

Железные ящики Мусорки, позади нашего дома, куда-то увезли, а ворота в заборе окружающем пустое место наглухо заколотили досками.

В сентябре, на просторный луг между Бугорком и осиротелой загородкой явился бульдозер, и несколько дней-деньских фырчал, и тарахтал, и лязгал, передвигая горы грунта.

Затем он вдруг исчез, оставив после себя пустое поле – на пару метров глубже того, где мы прежде играли в футбол. Однако в новом незнакомом поле не осталось ни одной травинки, а только множество следов его бесконечных гусениц

глубоко впечатавшихся в голый твёрдый грунт…

. .. .

Месяц спустя случился Трудовой Воскресник для только взрослых, однако Папа разрешил и мне пойти с ним.

На опушке леса за следующим кварталом, стояло длинное здание очень похожее на барак в пионерском лагере, и взрослые Трудовые Воскресенцы набросились на него и принялись нещадно бить, громить, и всячески разваливать.

Папа залез на самый верх. Он ломом отрывал целые куски крыши, и швырял их вниз, покрикивая: «Эх! Ломать – не строить! Душа не болит!»

Трудовой Воскресник мне совсем почти не понравился, потому что повсюду тебе твердят одно и то же: «Близко не подходи!», а просто слушать издали, как визжат гвозди, когда их вместе с досками отдирают от брёвен, быстро надоедает.

(…вот всё никак не вспомню – накануне того Воскресника или сразу же после него, скинули Никиту Хрущёва, и главным рулевым СССР стал Леонид Брежнев… И-и-и! Как всё-таки несвоевременно! Ведь до построения Коммунизма в нашей стране оставалось всего каких-то 18 лет…)

В своей весьма практичной книге, Эрнест Сетон-Томпсон настаивает, что лук следует изготовлять непременно из Ясеня. Но спрашивается: где найдёшь ты на Объекте Ясень? В лесах вокруг «Горки» лишь Сосны с Елями, а из лиственных – Берёза да Осина, всё прочее можно считать кустарником.

Поэтому, следуя совету соседа по площадке, Степана Зимина, я свои луки делал из Можжевельника.

Очень важно выбрать правильный Можжевельник, потому что у слишком старого много побочных ветвей, а если без ветвей, но слишком толстый, то его и не согнуть никак. Деревце метра в полтора – самое оно, пружинисто и крепко. Превратишь его в лук, и выпущенная из него стрела взовьётся, почти теряясь в осеннем сером небе, – насилу разглядишь. Потом, конечно, присвистит обратно, чтобы стоймя уткнуться в землю, потому что наконечником у неё – гвоздь, примотанный изолентой.

Для изготовления стрелы применяй ровную рейку, из тех, что крест-накрест прибивают к стенам под штукатурку. Рейку следует продольно расщепить и обстругать ножом округло.

Вот только стрелы мои так и остались неоперенными, хоть Сетон-Томпсон подробно излагает, как именно их вделать.

Да, но откуда перья взять-то? Папу просить бесполезно, – у него на работе одна только механика…

~ ~ ~

На зимних каникулах мне кто-то сказал, что ребята обоих кварталов «Горки» ходят в Клуб Полка по субботам, чтобы смотреть кино.

(…Полк – это где солдаты продолжали службу по окончании Учебки Новобранцев…)

Идти туда в первый раз было страшновато из-за ползущих

среди детей невнятных слухов, что какой-то солдат душил в лесу какую-то девочку. Даже Наташа толком не могла сказать зачем душил, но она предполагала, что это был чернопогонник, а в Полку погоны у всех солдат красные.

Путь в Полк оказался неблизким, в два раза дальше, чем до школы, которую надо обойти справа. Тропа там становится прямей, продолжаясь вдоль плотного ряда Елей-великанов, пока не выйдешь на асфальт дороги, что кончается воротами с охраной. Однако часовые мальчиков не останавливают, и можешь идти дальше, до здания с вывеской «КЛУБ ЧАСТИ».

Сразу за входом – широкий длинный коридор с тремя двустворчатыми дверями в его глухой стене. Вдоль неё, – от двери до двери и дальше, а также на простенках между окнами, – висят картинки одинакового размера, с портретами солдат и офицеров, и с кратким описанием их беззаветных подвигов и героических смертей при защите нашей Советской Родины. Она их не забыла, и наградила каждого звездой Героя Советского Союза. Вот почему подобные картинки всегда начинаются изображением высогой награды в левом верхнем углу листка,

Двустворчатые двери открываются в огромный зал без окон, наполненный рядами прибитых к полу фанерных сидений, лицом к сцене, где висит занавес из тёмно-малинового бархата. Он раздвинут в обе стороны, чтоб не закрывать широкий белый экран.

От сцены к задней стене, в которой высоко под потолком чернела пара квадратных окошечек, откуда показывают фильм – тянется длинный проход, разделяя зал на две половины.

Такие же проходы, но поперечные, проложены от каждой двери до стены напротив.

Солдаты заходили группами, громко переговариваясь и стуча сапогами о крашеные доски пола. Постепенно, сиденья заполнялись их одноформенной массой, и в зале рос густой неясный гул массовой болтовни.

Время тянулось до невыносимости. Окружающие стены зала покрывала однообразная побелка, без картинок, и я, в который раз читал и перечитывал слова двух надписей по бокам от сцены. Красный туго натянутый кумач на паре деревянных рам послужил холстом, чтоб написать их. Кроме того, кумач на рамах служил для маскировки двух чёрных ящиков звуковой аппаратуры, стоящих там, где кончался бархат занавеса.

На левой, тонкая жёлтая линия прямоугольно охватывала портрет вырезанной где-то головы с широкой бородой и копной полуседых волос, приклеенной над словами в общем с ней прямоугольнике:

«В науке нет широкой столбовой дороги и лишь тот, кто не зная усталости, карабкается по её каменистым тропам, достигнет сияющих вершин».

Отдельная строка без кавычек, но заключённая в ту же на-

рисованную жёлтым рамочку периметре, служила пояснением, чья именно голова додумалась до этих слов – К. МАРКС.

А вслед за бархатными складками на правой стороне, голова без волос и с бородкой клинышком (не вклееная, а исполненная жёлтой краской в размашистом наброске) – моментально вразумляла (ещё не доходя до самой нижней строчки), что это Ленин так кратко поделился:

«Кино не только хороший агитатор, но и замечательный организатор масс».

Когда солдаты заполняли зал целиком, школьники-киноманы (около десятка на сеанс) перебирались из передних рядов на сцену, и смотрели кино с обратной стороны туго натянутого полотна экрана.

Какая разница, если Человек-Амфибия нырнёт со скалы в левую сторону, а не направо, как может показаться сидящим в зале.

А бунтовщик Котовский всё равно сбежит из судейского зала… К тому же, кино с обратной стороны можно смотреть и лёжа на полу сцены…

Хотя некоторые мальчики оставались в солдатских рядах, унасестившись на подлокотниках между сиденьями, и их не прогоняли.

Иногда в темноте, прорезаемой сполохами луча проектора над головами массы, звучал крик от какой-нибудь из трёх двустворчатых дверей: «Ефрейтор Солопов!» или «Второй взвод!». Однако всякий крик, от любой двери, заканчивался

одинаково: «На выход!»

Если кино внезапно обрывалось, и зал тонул в кромешной темноте, мигом взвивалась оглушительная стена свиста и грохота сапогами в пол, и криков «Сапожник!» – со всех невидимых сторон…

После кино в Клубе Полка, мы шли домой через ночной лес, пересказывая друг другу то, что только что смотрели сообща: «Нет! Но как он ему двинул!»—«Эй! Эй! Я те говорю! Тот даже и не понял!»

. .. .

Конечно, Клуб Полка не единственное место, куда можно ходить в кино. Всегда остаётся Дом Офицеров, но там сеансы по билетам, а значит надо приходить с родителями, у которых на кино никогда нет времени.

Хотя по воскресеньям, там же, для детей крутили бесплатные сказки, чёрно-белые, с Бабой-Ягой в драном тряпье, или цветной фильм про юного партизана-пионера Володю Дубинина.

~ ~ ~

Воскресным утром я сказал Маме, что иду гулять.

– Думай, что говоришь! Какой гулять в такую погоду?

За стеклом кухонного окна стремительные росчерки снежной крупы полосовали мутно-серый сумрак.

– Видишь, что творится?

Но я ныл и канючил, и не отставал, пока Мама не рассердилась и сказала мне идти, куда уже хочу, но всё равно там

никого не будет.

Я вышел в необъятный Двор. Ни души на всю его беспредельность. Пустота вокруг выглядела слишком тоскливой, чтоб разделить её одиночество. Пряча лицо от секущих вихрей жёсткого снега, я обошёл угол дома, пересёк дорогу и вышел в поле возле заколоченной Мусорки.

Конечно, и тут совсем никого, ведь себя же я не мог видеть, а видел только ошалелую вьюгу, что хлестала посеревший от страха мир змеистыми полосами колючего снега. От одиночества в этой унылой круговерти, хотелось вернуться домой, в спокойное тепло. Но Мама скажет: «Я же тебе говорила!» И младшие начнут подсмеиваться.

Но вдруг с дальнего конца поля, где в давным-давно минувшие лета играли в волейбол и городки, донёсся голос алюминиевого репродуктора с верхушки деревянного столба, не видного за всей этой кутерьмой:

– Дорогие юные радиослушатели! Сегодня мы разучим песню о Весёлом Барабанщике. Сначала прослушайте её, пожалуйста.

И слаженный хор детских голосов запел про ясное утро у ворот и кленовые палочки в руках Весёлого Барабанщика.

Песня закончилась, и диктор начал раздельно диктовать первый куплет, с тем чтобы юные слушатели у своих приёмников успевали записывать, слово за словом и без ошибок:

«Встань по-рань-ше, встань по-рань-ше, встань по-рань-ше, толь-ко ут-ро за-ма-ячит у во-рот…»

И я уже был не один посреди пустого мира, что получал свою, чем-то заслуженную порку. Я бродил по глубоким сугробам угрюмого поля, но снег не мог до меня добраться, тёплые штаны плотно облегали валенки.

Диктор закончил диктовать первый куплет и дал мне прослушать его в исполнении хора. Затем он перешёл к диктанту второго, тоже с последующим прослушиванием, и третьего.

– А теперь послушайте песню целиком.

И тут уже нас собралось совсем много: и Весёлый Барабанщик, и дети с весёлыми голосами, и даже вьюга стала одной из нас, и бродила по полю, рука об руку вместе со мной, туда-сюда.

Только я проваливался сквозь корку наста в зыбкую снежную пудру под ним, а вьюга плясала поверху, разбрасывая свои колючие крупинки.

Когда я вернулся домой, Мама спросила: «Ну, видел там кого-нибудь?» Я сказал, что нет, но никто не хихикал.

~ ~ ~

Одиночная прогулка в большой компании, под диктовку Весёлого Барабанщика, вылезла мне боком и уложила в постель с температурой.

Странная тишина сползлась вокруг, когда все ушли на работу и в школу.

Из-за того, что все книги, взятые в Библиотеке Части оказались полностью прочитанными, а вокруг никого, кто отнёс бы и обменял их, мне пришлось выбирать какую-нибудь из

домашней библиотеки – на полке внутри серванта в комнате родителей.

Чуть поколебавшись, я вытащил ту, которая давно манила своим названием, но отпугивала общей толщиной в четырёх томах «Войны и Мира» Льва Толстого.

Начальная глава подтвердила мои опасения – с первой же строки потекла страница за страницей французского текста. Однако отлегло, когда углядел перевод в подстраничных примечаниях…

Из-за романа, я не заметил свою болезнь, а торопливо проглатывал лекарство, – и спешил обратно к Пьеру, Андрею, Пете, Наташе… порой, не успевая вытащить градусник из подмышки.

Я прочёл все тома и эпилог, но заключительную часть – рассуждение о предопределении, так и не смог осилить.

Её нескончаемые предложения превращались в отвесную стеклянную скалу и, с трудом вскарабкавшись на чуть-чуть, я неизменно соскальзывал вниз к её подножью. Неодолимая стеклопреграда простиралась в обе стороны от подвернувшейся точки в конце спуска, где невозможно ни понять, ни вспомнить, откуда я к ней докатился. Последний том пришлось закрыть, не дочитав до заключительной доски.

(…пару лет назад я перечёл роман – от доски до доски – и в заключение изрёк, что если человек мог писать как у Толстого в той последней части «Войны и Мира», то нафига ваще огород городить, из всей той предварительной бел-

летристики, да ещё с эпилогом?

Возможно, я выпендривался отчасти, но только лишь отчасти…)

~ ~ ~

А пока я лежал на своей раскладушке, посреди бального зала и поля битвы при Аустерлице, жизнь не стояла на месте. Мои брат-сестра приносили новости о снесении заколоченной загородки бывшей Мусорки, и о возведённой на том месте раздевалке.

А поле от раздевалки до Бугорка превратили в каток! Да, приехала пожарная машина, сбросили наземь рукава шлангов и вылили тонны воды. И теперь там настоящий каток, а в раздевалке выдают коньки! Заходишь и получаешь или приносишь свои, переобуваешься, и – на каток!

Страшась отстать от жизни, я поспешил выздороветь. Но всё же опоздал. В раздевалке коньков уже не выдавали, а нужно приносить свои. Скамейки, правда, оставались, можешь сесть и переобуться в принесённые коньки и спрятать свои валенки в шкафчик, если там найдётся место, или оставить их под скамейкой, и – иди, катайся.

Как выяснилось, раздевалка не единственное помещение в дощатом комплексе, возведённом возле катка. Из двух дверей на его высоком крыльце, левая открывалась в комнату обогрева, где, помимо электрического точила коньков, стояла дровяная печка из модифицированной железной бочки на попа.

В её стенах потрескивает жаркое пламя, чтобы мог отогреть замёрзшие руки, и просушить варежки, связанные ещё Бабой Марфой. Только надо вовремя снимать их с железного дна, что служит верхом бочко-печки, а то развоняются жжёной шерстью. Йехк!

Нет в мире слов способных передать, как мне хотелось научиться катанию на коньках. До чего вкусно хрустит лёд под ними! А ты летишь, словно крылатый стриж, опережая звук лезвий, режущих морозную гладь!..

Учиться я начал с двухполозных коньков, которые надо привязывать к валенкам, и был высмеян за такие детсадовские безделушки. Их сменили «снегурки» с широко закруглёнными носами, но всё равно с бечёвками для привязки к обуви.

Однако и с ними ничего не вышло, ни полёта, ни радости, просто железки, навязанные к войлоку валенок. Наконец, Мама принесла откуда-то настоящие «полуканадки», приклёпанные к их кожаным ботинкам.

С настоящими коньками, красиво переброшенными через плечо (один поверх груди, второй за спиною), я поспешил в раздевалку катка. Быстренько переобувшись из валенок в коньки, я вышел на лёд.

Всё, что мне там удалось – это жалкое ковыляние: туда-сюда-обратно. Держаться ровно, коньки не желали ни в какую – подламывались то внутрь, то в стороны, до боли выкручивая мне ступни.

Пришлось вернуться в раздевалку, обходя каток по снежным сугробам. Своим глубоким плотным снегом они удерживали лезвия коньков стоймя, чтоб не доламывались мои измученные пыткой щиколотки.

Последняя попытка состоялась вечером, когда Папа пришёл с работы и поужинал. По моей просьбе, поверх смягчающих шерстяных носков толстой вязки, он накрепко пришнуровал «полуканадки» к моим ногам, чтобы они слились в единое целое с коньками.

Я вышел за дверь и поцокал вниз по ступенькам, скользя подмышкой по перилам. Когда те кончились, меня поддерживало опирание на стены подъезда. Снаружи, обогнуть здание помогла внешняя стена. Дальше начались вспомогательные сугробы, Однако на дороге их зачем-то счистили, и её пришлось пересекать по-канатоходски, встрёпывая руками, как птенец подбитым крылышком.

Наконец, я ступил на лёд катка – удостовериться насколько помогла шнуровка. Но всё повторилось по новой – коньки выламывали мне ступни, хотя и натуго примотанные Папой…

Изнывая от мук боли и зависти, я малость постоял средь шумной толчеи крылоногих счастливчиков, что порхали вокруг хрустя льдом, обмениваясь радостным курлыканьем, и – заковылял в мучительный обратный путь…

(…и больше ни разу не пытался я встать на коньки.
“ Рождённый ползать – летать не может.”…)

~ ~ ~

Ярким солнечным утром выходного, сосед по площадке, Степан Зимин из квартиры наискосок, позвал меня и своего сына Юру сходить на лыжную прогулку по лесу. Для такого случая, Папа принёс из подвала лыжи.

Кожаный ремешок посреди каждой лыжины имел пряжку – подгонять ширину крепления по ширине валенкова носа, а петля из бельевой резинки, привязанная к ремешку, охватывала войлочную пятку – предотвращать соскоки лыжи.

Снаряжение дополнили две пары жёлтых бамбуковых палок, одна у Юры, другая у меня. Степан же вышел всего лишь с одной лыжиной на каждую из ног в ботинках вместо валенок, но – ого! – ему и этого хватало.

Перейдя дорогу, он ловко скатился по нетронутым белым сугробам далеко вниз, до самого болота, тоже укрытого снегом, и дожидался там, пока мы с Юрой, замедляясь падениями, доедем до него.

Мы обошли болото, где под снегом таилась вода, и зашли в лес налево от Учебки Новобранцев, в почти непроходимые дебри из непролазных сосен с иссохшими ветвями в нижних ярусах.

Где-то в тех местах, нам попалась пара квадратных ям под глубоким снегом. Степан объяснил, что они от бывших землянок, вырытых во время войны, чтобы солдатам было в чём жить.

У меня это просто в уме не укладывалось, – ведь война

кончилась до моего рождения, то есть, вечность тому назад, и за такой длительный период времени все окопы, блиндажи, и воронки от бомб должны были совершенно изгладиться с лица земли…

~ ~ ~

Степан никогда больше не выходил на лыжные прогулки, но мне понравилось кататься со спусков и горок рядом с дорогой окружавшей «Горку». И конечно же, я записался участвовать в лыжных соревнованиях на первенство школы.

По такому поводу, вечером накануне забега я попросил Папу заменить потёршиеся бельевые резинки в креплениях лыж. Он отмахнулся, да ладно, мол, сойдут и эти.

Старт проводился с поляны, где в минувшую осень завалили барак Трудовым Воскресником. Именно с той поляны лыжня уходила в лес и, пропетляв там около километра, возвращалась обратно, так что старт становился финишем: 2 в 1.

Нашу группу из четырёх- и пятиклассников отмахнули в забег всех разом. Дополнительный старшеклассник бежал впереди, чтоб, углубясь в лес, мы не сбились бы там на какую-нибудь приблудную лыжню.

Меня обгоняли, и я обгонял кого-то, кричал им в спины «Лыжню! Лыжню!», чтобы мне уступали две наезженные дорожки – по одной под каждую из лыж. А когда за моей спиной раздавался крик «Лыжню!», я неохотно соступал в сугробы непроезжего снега, потому что такое правило.

Мы бежали, скатывались со спусков и снова бежали. На одной особенно крутой горке, участники забега сбились, падая, в неразборчиво общую кучу-малу.

Я выбрался из свалки одним из первых, и отчаянно ушёл в отрыв, но за двести метров до финиша эта гадская резинка лопнула, и лыжина соскочила с валенка. Сдерживая злые слёзы, я пришёл к финишу в одной левой, подгоняя вторую пинками в крепление.

Судьям понравилось, они хохотали, но я, придя домой, разрыдался: «Я же знал! Ну просил же!» Мама начала выговаривать Папе, тот хотел что-то ответить, но не нашёл что.

На следующий день, со своей работы он принёс и закрепил на ремешки крепления какую-то круглую резину, толщиной в мизинец, цвета слоновой кости.

(…эти крепления никогда не подводили, и двадцать два года спустя резина служила как надо… Лыжи, они, вообще-то, очень живучи…)

С такими надёжными крепленьями, по воскресеньям я закатывался в лес чуть ли не на весь день. Бесконечная, хорошо наезженная лыжня тянулась по просеке из ниоткуда в неизвестно куда. Иногда лыжня раздваивалась и, одинаковые, они уже вдвоём бежали бок-о-бок друг с дружкой.

Мне нравилось отрывистое щёлканье дерева лыж по тверди лыжни за спиной. Иногда на пути я встречал солдат-лыжников, которые отдыхали без шинелей, оставленных в Полку, просто в широких гимнастёрках навыпуск, что плеска-

лись на них от ветра из-за скорости спусков.

Прямая лыжня выводила к моему излюбленному месту катания – пара взгорков разделённых глубокой ложбиной, где разгон при спуске выносил тебя на треть противоположного склона.

Я очень гордился, что могу гонять там, как те одиночные солдаты, хотя иногда падал голова-ноги, особенно на трамплине, который они соорудили для своих прыжков…

. .. .

Однажды меня привлекла укромная лыжня, что ответвлялась от магистрально уезженной трассы вдоль просеки, которая, как уже говорилось, служила границей Почтового Ящика-Зоны-Части-Объекта до их расширения.

Беглая лыжня привела меня к бесподобному месту в глубине чащи, просто созданному для скоростного спуска. Правда, на склоне лыжной горки росли могучие Ели, понуждая к резкому виражу в конце его, но, если не упасть при этом, разгон уносил тебя чёрти куда, застилая глаза выжатыми слезами и заставляя повторять спуск ещё и ещё…

На следующее воскресенье я уже почти не падал на том кручёном повороте, и катался со спуска допоздна, когда глубокие сиреневые тени начали соскальзывать со снега на густых разлапистых ветвях высоких Елей, спадая в непролазные сугробы.

И вдруг нахлынуло странное чувство, будто я не один тут, что кто-то ещё подглядывает за мной из-за великанских

Елей. Сначала страшно стало, но вслушавшись в затаённое молчание деревьев вокруг, я понял, что это он, лес, добродушно подглядывает, потому что мы заодно, мы свои – я и лес… Стемнело, и я вспомнил, что до «Горки» ещё два километра пути.

(…конечно же, я добрался домой уже в потёмках и получил громкий нагоняй, но до сих пор, вспоминая те сиреневые сумерки и дружелюбную тишь леса, я знаю, что не зря жил жизнь…)

~ ~ ~

Такое же чувство растворённости и сопричастности всему, что ни есть вокруг, когда не получается провести черту разграничения между твоим «я» и всем прочим, где начинается «не-я», мне довелось пережить намного позже, – в Карабахе. Только на этот раз подглядывал уже я, и всё происходило летом, а не зимою.

(…да, мне известно:, что подобный выкрутас вдрызг разносит линейность в развитии повествования, ломает классический канон единства времени-места-действия, но в конце концов, письмо-то моё, и жизнь моя – как хочу, так и верчу.

Только вот пристегну ремень безопасности, на всякий, перед флэш-форвардным скачком…)

. .. .

В Степанакерте меня и близко нет за день-два до моего дня рождения, и столько же примерно после. В этот период

у меня происходит бегство на волю.

(…не устаю хвалить себя за мудрую предусмотрительность: взять – и родиться летом! Ай, красава!…)

Мои закавказские родственники уже перестали удивляться или сердиться. Им пришлось сделать логичный вывод, что это просто старинный, немного странный, но красивый Украинский обычай – на свой день рождения уходить, куда глаза глядят.

Что я и сделал в том августе (точного года не помню) из конца девяностых. Да, никак не позднее, потому что эта вот палатка покупалась в последний год истекшего миллениума.

В тот раз я пошёл на север через леса и тумбы без дорог и деревень, но где открываются виды красы неописáнной. Точь-в-точь как меня когда-то предупреждала Мама: «Ты будешь там один».

В конце дня, затраченного на восхождение до таких высот в цепи тумбов, где леса сменяются альпийскими лугами, я набрёл на почернелые от сажи куски шифера и кучу обугленных жердей. Как видно, до войны пастухи поднимались сюда с отарами, вот и притащили строительный материал для халабуды.

Но кто спалил? Ну так теперь-то уже и не узнаешь… а и нечего всегда на людей валить, могла и случайная молния трахнуть… в любом случае, мне-то какое дело?

И я прошёл дальше…

А ещё выше, в седловине перехода с тумба на тумб, мне

попалось древнее захоронение. Откуда я узнал про древность?

Так это совсем просто… Могила была раскопана алчными гробокопателями, в поисках драгоценностей, После их трудов, осталась только яма да четыре или пять полутораметровых, грубо-тёсанных каменных плит по полтонны каждая.

При социализме людей не хоронили в таком стиле. Да и в капиталистическую эпоху вряд ли. Скал, на склонах поблизости, нет. Значит, плиты везли издалёка. Но зачем?

Впрочем, если посмотреть хоть раз по сторонам, вопрос мгновенно отпадает, сам собой – какое раздолье невероятной красоты! Небо бескрайнее, волнистые цепи тумбов расходятся в бесконечность. На дальних темнеют леса, альпийские луга на тех, что ближе…

Чтобы приволочить плиты, из даже не знаю какого далека, необходима круглая сумма денег или реальная власть, или же то и другое… Более чем достаточно для неоспоримого вывода: какой-то из Карабахских князей-меликов однажды выехал на охоту, добрался сюда и – прикипел, не захотел расстаться даже после своей кончины. Досадная промашка в расчётах – не учёл алчи осквернителей праха…

Теперь понятно? Ни одной загадке истории не избежать полного разоблачения, если приложим к ней свои вымыслы, на которые некому возражать…

. .. .

Я перешёл на следующий тумб, и на его вершине меня

прихватил дождь. Впрочем, ничего страшного, для таких случаев у меня имеется чётко отработанный приёмчик.

Как обычно, стаскиваю с любимого себя одежду, до последней нитки, и всё запихиваю в целлофановый пакет. А после, налегке, начинаю выплясывать под дождём.

Эти танцы, в целом и общем, отнюдь не часть какого-либо шаманского обряда. Их назначение – для сугреву. В горах, где повыше, да и без солнца, да под дождём… весьма даже прохладно себя чувствуешь, могу заверить.

Хотя некий налёт ведьмацкого паганизма трудно отрицать, иначе, с какого б рожна взялись те дикие гики-крики, когда выплясываю голяком, тряся мошонкой и что уж там ещё?

Короче, у одиночества тоже не без плюсов – фиг тебя повяжут за нарушение общественного порядка и узаконенной морали своим первобытно пещерным обликом.

А когда дождь закончится, просто обтираюсь свитером, насухо, и надеваю сухую одежду, что в целлофане под кустом пережидала. Ведь вот умею ж таки умнеть, когда деваться некуда…

Однако в тот раз, вскоре после одного дождя пошёл следующий, и под вторым мой балет уж не блистал былым энтузиазмом. А когда повторная процедура кончилась, свечерело, и я решил залечь на ночёвку, Тем более, что небольшая ложбина подвернулась, где можно укрыться от пронизывающего ветра. Он любит ночью по тумбам шастать.

Где-то к полуночи, ко мне постучали…

Капли нового дождя плюхали по ткани спального мешка, извещая, что всё – капец мне. Полный капец…

Торопливый поток дождевой воды покатил по лощинке. Чтоб не стать ему дамбой, я расстегнулся и выпутался из мешка, покрыл им свою спину и стоял, широко расставив ноги над бурлящим течением. Вот когда я догадался, что место ночлега совпало с давней дождевой промоиной, но покинуть ложбину не мог – шквалистый ночной ветер уже вовсю примазался к потехе.

Иного выбора не осталось, кроме как ждать рассвета в позе буквы «зю», стиснув ладонями чашечки колен, под мокрым, как хлющ, спальным мешком поверх моей спины, с которого журчала бахрома из непрестанных струй. Неудержимая дрожь била изнутри, извне хлестали ледяные дожди, которым я утратил счёт в ту ночь…

. .. .

Утро началось сквозь густой туман, но без дождя, просто временами моросило, и ветер начал утихать…

Сотрясаясь как эпилептик, я выжал спальный мешок, насколько хватило сил в окоченелых кистях. Во мне не сохранилось ни малейшего желания продолжить путь. Дом и очаг – вот всё, чего хотел я.

Развернувшись, я побрёл обратно. Однако даже и ходьба меня не согревала – ей препятствовала дрожь, бившая меня безудержно.

Как правило, идти под гору легче, чем наверх, но для меня эта разница как-то стёрлась, а временами я типа как бы плыл, но до очагов цивилизации оставался день пути круизным темпом. Вот когда я вспомнил про шифер, до которого намного ближе, если только смогу найти. Где-то у края леса.

Поэтому с того тумба я спускался зигзагами, чтобы не пропустить шифер в зарослях высокой полыни.

И я нашёл его.

Борясь с ознобным тремором с одной стороны, и полной задубелостью с другой, я принялся восстанавливать халабуду. Работа согрела меня лучше ходьбы…

Реставрация увенчалась просторным шалашом с шиферными стенками. Внутри хватало места сесть, не пригибаясь, и более чем достаточно для лёжки во весь рост.

Потом я разложил костёр у входа, из остатков жердей и сушняка, приволочённого с опушки неподалёку. У огня, я постепенно обогрел свои бока, и приступил к сушке спальника.

Когда цвет ткани посветлел, и она перестала испускать пар, я поверил, что, может, и выживу…

Весь следующий день солнце жарило во всю, но у меня уже была крыша над головой. Шиферная. Её удерживали обугленные жерди, по которым замедленно прогуливались беззвучные ящерки, такие же ленивые, как я, потому что за весь день выходил только раз – набрать охапку травы для подстилки на землю под спальный мешок…

Так оно и шло, день за днём, без перемен, если не считать демографического роста – осторожные полевые мыши пришли разделить нашу с ящерками компанию.

Они не решались переступать пепел костра, так что я оставил кусок варёной картофелины снаружи, но остальное, вместе с хлебом и сыром, подвесил в вещмешке на жердяные стропила под шифером.

. .. .

По ночам полная луна взбиралась в самый зенит – наполнять мир чётко очерченными тенями. В одну из таких иллюминированных ночей, я вышел помочиться в высоких травах и, по пути, у меня из-под ног вырвался выводок куропаток, с трескучим хлопаньем крыльев и пронзительным криком: «Разуй глаза! Лунатик грёбаный! Не вишь куда прёшь?»

Как будто они меня не испугали насмерть!

При свете дня, над широкими просторами долин плавали коршуны на неподвижных крыльях. Когда смотришь на них из долины, голова запрокидывается, следя за их кругами в высоте, но тут, лёжа на спальнике, для наблюдений не требовалось даже высунуться из-под шифера.

Когда один из них нарушил невидимую границу охотничьих угодий, хозяин взмыл повыше и, сложив крылья, упал на браконьера сверху, словно камень.

Я слышал, как свободное падение хрустко рассекло воздух у входа в шалаш. Он, впрочем, промахнулся, а может и не хотел попасть, а просто отпугивал наглюку. Ведь все мы

кровные родичи, свои же как-никак.

Так всё и шло…

У меня всего-то дел было – переворачиваться с боку на бок, с живота на спину, без никаких желаний, стремлений, планов. Иногда я засыпал, без оглядки на время суток… какая разница…

Ну а ещё я, конечно, смотрел. Смотрел: до чего красив и совершенен этот мир…

Иногда я думаю, что назначение человека в том, чтобы просто смотреть на эту красоту и совершенство. Вот для чего и нужен человек, он для мира – зеркало, иначе тот и не узнал бы, насколько он прекрасен…

Через шесть дней пришлось прибрести обратно в цивилизацию. Просто из чувства долга перед правильностью.

На все вопросы я отвечал односложно, потому что голосовые связки, от долгого безделья, тоже разленились, и говорить я мог лишь сиплым шёпотом.

(…то есть, хочу сказать, что в обоих случаях – в том зимнем лесу и среди летних тумбов – у меня было одинаковое ощущение, что я не один, и кто-то ещё наблюдает того пацанёнка на лыжах, и этого бездельника, что валяется на спине под сенью чёрных кусков шифера и, что ещё более странно, я был частью того неведомого наблюдателя, видел себя в сумерках зимнего леса, и следил за собой сквозь высокую траву на склоне тумба, потому что мы все сопричастны…

Короче, полная каша, галиматья и ахинея…)

~ ~ ~

С приближением весны мы, четвероклассники, начали активно готовиться к вступлению в ряды юных пионеров. Для этой цели нам пришлось переписать и выучиь наизусть «Торжественную Клятву Юных Ленинцев».

А в какой-то из дней, после перемены, Серафима Сергеевна привела в класс неизвестную женщину. Она представила незнакомку как новую Старшую Пионервожатую школы, и сказала, что сейчас у нас будет Ленинский урок. Всем надо выйти в коридор, но там вести себя очень тихо, потому что в других классах идут обычные занятия.

Мы вышли в коридор второго этажа, где в простенках между окнами слева и на стене между дверями в классы справа, висели разнообразные картинки одинакового размера, каждая из которых представляла Ленина, но уже в другом возрасте…

Новая Старшая Пионервожатая школы отвела нас к самому началу…

Вот он совсем молодой, даже ещё юноша, в день, когда пришло известие о казни его старшего брата Царским режимом. Смотрите, как он утешает свою мать словами: «Мы пойдём другим путём». Так же, кстати, названа и сама эта знаменитая картина.

И наш класс тихонько проследовал к следующей картинке с его фотографией в группе товарищей подпольного ко-

митета…

Рабочая тишина царила в школе, мы проходили мимо закрытых дверей классов, за которыми сидели школьники, и только мы, как тайные сообщники, покинули обычное течение школьного режима, Мы словно бы ушли в подполье, следом за тихим голосом, что вёл нас от одной картинки к следующей…

~ ~ ~

И снова наступает весна, и появляются проталины на взгорке между Учебкой Новобранцев и Кварталом, но я уже не хожу их проверять…

Средь белого солнечного дня, по пути домой из школы, я догоняю незнакомую девочку моего возраста. Наверное, из параллельного четвёртого. Споро обгоняю и оборачиваюсь к её лицу, преисполненному незамечанием, что вот он – я, иду тут, вообще-то.

Надо показать задаваке, что я мальчик имеющий вес в местных окрестностях, и у меня есть даже своя шайка, как у Робин Гуда, благородного разбойника.

Продолжая движение, я оборачиваюсь влево и красноречивыми жестами семафорю Бугорку, по ту сторону раскисшего катка: «Эй! Осторожней там! Вас же видно! Пригнитесь!»

Так что, если эта воображала туда глянет, никого уже не будет заметно…

В другой раз, когда уже и снега не осталось, я шёл совсем

один, но тем же путём и жмурился. Если прижмуришься, однако не до самого конца, а только до соприкосновения нижних ресниц к верхним, то ты весь мир видишь как бы сквозь прозрачные крылья стрекозы.

И теперь я, фактически, уже не иду, а лечу на крохотном вертолёте, похожем на стрекозу, с кабиной из плексигласа. Точно такой я видел в журнале «Весёлые Картинки», потому что хотя я уже вырос из дошкольного возраста, но всё равно могу полистать этот журнал для малышни, когда попадается под руку.

И тут я вспомнил, как бунтовщик Котовский, из кинофильма «Котовский», отвечает заносчивому помещику в Клубе Части: «Я – Котовский!» А потом берёт его за грудки, и выбрасывает сквозь остеклённое окно помещичьей усадьбы.

Вот и я хватаю богатея за грудки его пиджака, и бросаю в придорожный кювет. И я гордо называю себя прославленным именем: «Я – Котовский!»

Ух-ты! Классно чувствовать себя таким сильным. Поэтому я повторяю эпизод несколько раз, поднимаясь вверх по спуску. А почему нет? Кто меня видит на пустой дороге?

Дома Мама рассказала, как она и Полина Зимина ухохатывались, глядя из окна соседки на мои захваты и броски невесть кого. Но я так и не признался, что в те моменты я как бы Котовский был…

. .. .

В конце апреля мы стали юными пионерами. Торжественная линейка состоялась не в школе, а возле Дома Офицеров, потому что только там стоял пьедестал с головой от Ленина.

Ещё с вечера, Мама нагладила мои штаны через марлю, а также парадную белую рубашку и алый треугольник шёлка в пионерском галстуке. После глажки она их всех повесила на спинку стула, чтобы утром осталось просто одеть готовое.

Оставшись наедине с висящими вещами, я потрогал ласковый шёлк пионерского галстука. Мама говорила, будто купила его в магазине, но разве такие вещи могут продаваться?

. .. .

Сверкало утреннее солнце. Пара четвёртых классов стояла в одну шеренгу перед лицом «линейки» из учащихся школы. Алый шёлк свисал в переброшенных через наши правые, – согнутые в локте – руки, воротнички парадно белых рубашек вскинуты, по-хулигански, кверху, чтобы старшеклассникам сподручней было набрасывать нам на шею галстук.

Единым строем белорубашечников стояли наши классы перед высокорослым, сейфообразным пьедесталом, с белым яйцом метровой головы из гипса.

Негромко прзвучало: "три-четыре!", и мы слился в единый клятвобубнящий хор. Звучал он малость заунывно и тягуче, из-за всяких там несознательных, которые не знали клятву назубок. Чуть запоздалым эхом, подхватывали они слова из уст примерных учеников, и потому-то общий ритм

становился тормознутым.

Но мы упорно продолжали клясться, что будем жить, учиться и бороться, как (как) завещал (ал) великий (ий) Ленин (энин), как (как) учит (ит) Комму-нисти-ческая (ая) партия…

~ ~ ~

За неделю до окончания учебного года я заболел. Мама подумала, что это у меня простуда, и велела мне лежать в постели. Однако сбить мою температуру ей никак не удавалось, а когда столбик в градуснике подполз до сорока, она вызвала «скорую» из Госпиталя Части, ведь ещё через два градуса температура стала бы смертельной…

В моей голове царила слишком общая вялость, чтобы гордиться или страшиться, когда целая машина пришла за мной одним.

В Госпитале сразу же определили воспаление лёгких, и начали сбивать температуру уколами пенициллина, каждые полчаса. От вялости, мне это всё казалось как-то всё равно.

Через день регулярность уколов снизили до одного в час. Ещё на следующий – до одного в два часа…

Среди больных нашей палаты детей не оказалось. Все как один – солдаты из Полка, но только уже без гимнастёрок, а в тапочках и халатах синего цвета.

Через четыре дня я совсем поправился и гулял в саду вокруг Госпиталя, когда наш класс, вместе с Учительницей, пришли меня проведать, и отдать табель с моими оценками.

Мне стало неловко и почему-то стыдно, наверное, из-за халата. Поэтому я убежал за угол вместе с мальчиками нашего класса. Но потом мы вернулись и девочки, вместе с Учительницей, вручили мне наградную книгу за хорошую учёбу и примерное поведение.

Это оказалась та же самая «Русские Былины», которую Баба Марфа читала нам, её внукам, в раннем детстве, просто эти былины пока что не успели пожелтеть и истрепаться.

Вот так, мало-помалу, всё начало как-то повторяться в моей жизни…

~ ~ ~

Летом нас опять повезли в пионерский лагерь, снова к той же столовой, линейкам, спальням-палатам, к «мёртвому часу» и Родительским Дням.

Хотя кое-что ощутимо поменялось, потому что я, как уже полный пионер, причислялся к Третьему отряду, да! И значит нам уже позволительно, как и Первому со Вторым, купаться в доступных водоёмах!

Однако для начала надо целую неделю ждать и тревожиться, чтобы в назначенный день не пошёл дождь.

Нетерпеливо ожидаемый день всё же таки настал, и погода тоже не подкачала. Пара грузовиков с брезентовым верхом повезли нас на озеро Соминское.

Дорога шла через лес, по какой-то узкой и совершенно бесконечной просеке. Езда всё не кончалась, и мы успели перепеть все пионерские песни: и мою любимую «ах, картошка

– объеденье…», и не очень любимую, но всё-таки пионерскую «мы шли под грохот канонады…», и… ну в общем, все какие знали, а нас всё везли и везли в обтянутом брезентом тесном кузове, и меня начинало тошнить и укачивать на дорожных кочках.

Потом те, кто сидел у квадратно вырезанного в брезенте окошка, над передним бортом кузова, закричали, что что-то уже завиднелось! И грузовик остановился на берегу большого очень тихого озера посреди леса.

Нам разрешили заходить в воду не всем вместе, а поотрядно, а вскоре начинали кричать с берега «всем из воды!», чтобы запустить следующих. Вода казалась очень тёмной, а дно неприятно липкое, и с берега слишком сразу начинали кричать: «Третий отряд, выходить!»

Поначалу, я только стоял по грудь в воде и немножко подпрыгивал, но потом научился плавать, потому что мне дали надувной спасательный круг и показали, как надо грести руками и бить ногами.

Очень скоро всем воспитателям и пионервожатым надоело выгонять нас из воды, и каждый оставался в озере, кто сколько хотел.

Я выпустил воздух из спасательного круга и убедился, что и в таком состоянии умею проплыть пару метров.

В конце дня, когда уже кричали всем идти на берег, потому что уезжаем, я чуть-чуть задержался для окончательной проверки моих навыков плавания. Они оказались на месте

и, с чувством благодарности, я сказал в уме: «Спасибо тебе, Соминское!»

А в следующий раз нас возили на озеро Глубоцкое. Старшие отряды говорили, там даже лучше, потому что на озере есть пляж, а дно песчаное.

Ехать туда пришлось ещё дольше, однако по асфальту, а к тому же автобусом, так что меня совсем не укачивало…

Ух-ты! Вот это озерище! Говорят, в нём даже есть протоки, которыми оно соединяется с другими озёрами, куда заходят пассажирские суда и экскурсии на Муравьиный Остров.

Он такой большой, что в старину там стоял монастырь, окружённый лесом с громадными муравьиными кучами, в рост человека. Когда какой-нибудь монах плохо себя вёл, его бросали, связанным, на какую-нибудь из муравьиных куч. Муравьи думали, что это на их город нападение. Они выбегали обороняться, и всего за день от наказанного оставался один только скелет, обглоданный до блеска.

Однако с купального места никаких судов с островами не видно было, а только противоположный берег в очень далёком далеке.

Зато дно и впрямь оказалось песчаным, такое твёрдое, приятное наощупь ногами. Просто очень далеко надо отбредать, пока закончится мелководье, и глубина станет достаточной для купания.

Выбредая обратно, я глубоко порезал ногу, возле большого пальца. Рана обильно кровоточила, и на берегу мне её сра-

зу же забинтовали.

Сквозь бинт проступило тёмное пятно, но кровь таки перестала вытекать.

В разные концы пляжа покричали, чтобы все проявляли осторожность. Однако чуть позже кто-то из взрослых нашёл разбитую бутылку в песчаном дне и зашвырнул её подальше, к другому берегу.

Но это меня не утешило.

На обратном пути я даже начал всхлипывать, оттого что это так нечестно и обидно, что на целый автобус порезана одна только моя нога.

И тогда кто-то из воспитателей сказал мне: «Стыдно! Ты парень, или тряпка?»

Этот вопрос прекратил моё хныканье и в последующей жизни, я стыдился стонать при травмах, а притворялся, будто мне совсем не больно и строил из себя крутого парня…

~ ~ ~

Дважды за смену лагерников возили в баню деревни Пистово. Первый раз я пропустил, потому что сначала забыл мыло в бараке, а когда прибежал обратно, автобусы уже уехали.

В лагере стало тихо и пусто, только поварихи в столовой да я. Делай что хочешь, заходи куда угодно. Хоть даже в палатки Первого Отряда, с железными койками на некрашеном полу, а по нагретому солнцем брезенту стен пляшет резная тень листвы ближних деревьев.

Но меня зачем-то увело вскарабкаться на узкую дощатую будку, наверху у которой железная бочка вместо крыши. Это душ для воспитателей и пионервожатых.

Они наполняли бочку вёдрами воды, чтобы солнце её нагревало, а вечером внутри плескались, громко ахая.

Все два часа застывшего вокруг безмолвия, я коротал на макушке будки, всё бродил там по паре деревянных брусьев подсунутых под бочку, пока весь лагерь не вернулся из Пистово…

Однако второй выезд в баню я не пропустил. Но она мне не понравилась – большущая полная шума комната, и ни одной ванны! Чтобы помыться, надо бросать на себя воду ладонями из жестяного тазика с двумя ушами, за которые его приносишь на общую скамью.

На стене бани – пара кранов, один с холодной водой, а другой с кипятком. Ставишь эту ушастую шайку на низкий столик под кранами, и наполняй её водой. Только не сразу получается сообразить из какого сколько должно налиться, потому что сзади очередь с пустыми тазиками в руках, и все орут «скорее!»…

. .. .

Все лагерные смены кончаются Прощальным Костром на поле с мачтой заброшенного аттракциона. Но не вокруг, а вдалеке от Гигантских Шагов, у самой опушки леса за колючей проволокой. Такова традиция.

Сразу после завтрака старшие отряды отправляются в лес,

через временный проход под вздёрнутой проволокой, – собирать сухой валежник для Прощального Костра. Сбор продолжается и после «мёртвого часа», а к вечеру на краю поля стоит уже целый стог из сухих ветвей и сучьев, повыше взрослого человеческого роста.

Сумерки сменяются потёмками летней ночи, и стог поджигают со всех сторон, под хоровые песни и марши из баяна Баяниста.

Директор с воспитателями начинают спорить на шумных повышенных тонах. Потом Директор соглашается, и отдаёт распоряжение своему шофёру. Тот пожимает плечами, говорит: «Как знаете», – и уходит в сторону столовой, откуда пригоняет «газик» Директора лагеря.

Из багажника, шофёр достаёт зелёную канистру, а пионерам приказывают отступить от костра на безопасное расстояние.

Он плещет из канистры на огонь, – жирный шар чёрно-красного пламени с гулом взлетает в ночную тьму. Метра на три, не меньше. И опадает обратно, до повторного выплеска…

Утром автобусы везут нас домой.

~ ~ ~

Однако конец лагерной смены не означает конец лета. И снова Речка, игры в Казаков-Разбойников, Войнушку, Американку, и Двенадцать Палочек, а также новые приключения из Библиотеки Части. Но кроме странствий на далёкие пла-

неты и таинственные острова, куда стартуешь с разных валиков большого дивана, я продолжал бродить и по живому лесу.

Причины случались разные. Например, Юра Зимин позвал сходить за Заячьей Капустой, а мне любопытно, что это за неслыханная овощ такая.

Да, хоть и кисловата, но вкусна капуста, только собирать замаешься, до того уж мелки на ней листочки.

Или сестра Наташа прибежит с новостью, что в болоте позади соседнего квартала какой-то мальчик собрал целый молочный бидон голубики.

Тут уже дух соревнования приводит меня в стоячее положение и гонит на то же самое болото. Я должен собрать больше ягод, чем какой-то там мальчик, тем более из соседнего квартала. Дойдёт до того, что даже «Нижняки» начнут грабить болота «Горки»!

Но обычно, я бродил в одиночку и почти бесцельно, разве что иногда присмотреть подходящий можжевельник для следующего лука, или собрать зелёных шишек Сосны для игрушечных поделок…

Воткни четыре спички в зелёную шишку и – у тебя уже туловище четвероногого. Добавь пятую торчком вверх – шея, на неё насади шишку помельче – ух-ты! – да, у тебя уже конь! Не забудь только хвост придумать какой-нибудь сзади.

За зелёными шишками нужно влезать на молодые Сосны, чья нежная светло-коричневая кора отшелушивается са-

ма собою и налипает к ладоням своей бесцветной смолой. Но не прошло и пяти минут, как она уж счернела, однако на штанах останется белой и клейкой не меньше, чем твои чёрно-пятнистые ладони.

Молодые Сосны раскачиваются под твоим весом на ветру, как мачты яхты Пятнадцатилетнего Капитана на океанских волнах. Э-гей! Здоровски!

А собранные шишки такие красивые, словно зелёным лаком покрыты плотно сдвинутые чешуйки. Куда тем прошлогодним шишкам, в россыпях под старыми Соснами. Те уже чёрно-серые совсем, и разъерошены врастопырку.

Правда, даже и на очень взрослых Соснах можно встретить зелёные шишки. Только висят они на самом конце длинных веток, куда не добраться, а пригнуть поближе к суку, на котором сидишь, тоже не получается – уж очень они чересчур толсты…

~ ~ ~

Новые увлечения распространяются среди мальчиков со скоростью опережающей пожар в прериях у Фенимора Купера. Стоит кому-то одному разузнать что-то новенькое – и не успеешь даже моргнуть глазом, как все уж занялись подрывным делом.

Изготовить сухопутную мину замедленного действия – проще простого. Наливаешь воды в стеклянную бутылку (на три четверти её объёма), пропихиваешь в горлышко клок травы, и сверху засыпаешь карбид, растолчённый до состоя-

ния синеватого порошка.

(Карбида полным-полно в железной бочке на стройке пятиэтажного дома, за окружной дорогой Квартала. Солдаты-чернопогонники тебе и слова не скажут, бери, сколько влезет в карманы шортов.)

Теперь плотно заткни бутылку пробкой, выструганной из дерева. Переверни заряд донышком кверху, и воткни в какую-нибудь кучу земли или песка.

Мина готова.

(!) Внимание! Будь осторожен и не порежь пальцы при обстружке пробки, а во-вторых, когда сидишь на земле и вколачиваешь готовую пробку в горлышко, не удерживай бутылку между ног, где кончаются шорты, потому что она может лопнуть, и осколок стекла распорет кожу на ляжке, как и в моём случае.

Теперь остаётся лишь дождаться, пока карбид войдя в контакт с водой, испустит больше газа, чем в силах выдержать стенки из стекла. Запредельное давление разрывает бутылку с громким «бум!», расшвыривая грунт и осколки стекла по всем направлениям…

(…повзрослев, мы благополучно забываем свои любимые игрушки. Нам нет ни времени, ни охоты вспоминать жестяного Самоделкина или пожарную машинку, или куклу Дашу. Ещё менее склонны мы анализировать, что движило нами в прошлом, когда мы двигали их, играя.

Да и какая, скажи на милость, польза знать, что на-

ши карбидные бухалки совпали с модным у великих держав трендом – взрывать ядерные устройства, постоянно наращивая их мощность, навеки обращая степи, горы, острова в безжизненную пустыню. Из чистой любознательности в сфере физики, ну и соседей запугать ядерным "грибом", что вырос аж до стратосферы. Хотя бы тот рекордный взрыв на Новой Земле. А? Ведь смотришь плёнку и аж дух захватывает – х3 сколько мегатонн, БЛЯ!

Впрочем, это уже какие-то не совсем детские мысли накатили, да ну их!

Вот только, прежде чем вернуться в безоблачность неведения, ещё одна мысля в ту же тематику.

Ещё одна игра, правда, из поры полового созревания. Спешу изложить из опасения, что в отрочестве уже не до философий будет, так что – на всякий.

Пляжная игра, без названия, участвуют двое.

Один/одна сгребает песок в кучку, холмиком. По центру верхушки втыкает щепку, сантиметров 5, и глушит кулаком, чтобы забить поглубже. Кулаку больно, щепка исчезает под песком.

Задача соперника/соперницы достать щепку. Как? А как хочешь: разгребай песок носом, раздвигай его дутьём. НО! только без рук! Покуда не вытащишь триумфальными губами или зубами то, чего искал в песке.

Игра полезна для увеличения объёма лёгких и инженерно-стратегической смекалки.

Старина Фрейд слюною б изошёл, дай только символов понакрутить под эдакий "сухой куннилингвус", ну а нам некогда – вон мальчики уже на команды делятся, в футбол играть…)

~ ~ ~

По причине хронического книгочейства, я часто отставал от основных течений в переменчивостях общественной жизни…

Утомлённый течением строчек, распластываю книгу страницами вниз, чтоб не искать, где был, когда вернусь к ней, – и встаю с дивана.

Спустившись в подъезд, распахиваю дверь – опа! Караван мальчиков разнообразного возраста пересекает Двор с грузом обрезков досок, брусьев, реек…

Я бросился спросить: что? как? где?

Мне объяснили поскорей бежать на стройку пятиэтажки, где другая группа выпрашивает у сторожа-солдата отходы деловой древесины. И я поспел как раз, чтоб ухватиться за конец доски, которую солдат разрешил уже утаскивать, но побыстрей, пока никто не видит…

Словно процессия трудолюбивых муравьёв, мы тащим добытый стройматериал поперёк Двора, и – вниз по спуску, и – в лес направо, к подножию откоса сдвинутой земли, когда бульдозер равнял поле под каток.

Там, меж деревьев кромки леса, под вжиканье ножовок и стук молотков, во всю бурлит работа.

Опытным глазом умельца, натренированного чертежами Конструктора, я сразу определил, что возводится сарай без окон, но чья дверь уже висит на своих петлях, и уже даже есть потолок из досок.

Приставная лестница стояла во внутреннем полумраке, опёршись на стену под квадратным лазом, пропиленным в длинных досках потолка. По её перекладинам я выбрался на крышу, она же потолок сооружения, (2 в 1)…

Пара старших мальчиков стояли там, обсуждая насколько прочен такой верх, и заодно укрепляя уверенность друг в друге, что сарай точно станет штабом, и исключительно для мальчиков нашего Квартала, а из соседнего пусть даже не мечтают.

Я попросил дать мне поработать, но ни один из них не поделился своим молотком, и мне даже велели поскорей спускаться, чтоб не напрягать крышу – вон как прогнулась под моим добавочным весом.

Внизу, в сумеречности сарая уже не оставалось никого из моих сверстников и, по пути домой, я радовался, что у мальчиков Квартала теперь будет свой штаб, как у Тимура и его команды из повести А. Гайдара…

С тех пор, в моих блужданиях по лесу, я непременно проведывал сарай, но там царило полное безлюдье, красноречиво подчёркнутое висячим замком на двери.

Наступила осень, стожок сухого сена возник возле сарая, уже захваченного отрядом кур, через квадратный проём, вы-

пиленный по низу двери.

Штаб явно отменялся.

~ ~ ~

У Папы имелась машинка для стрижки волос – никелированный зверёк с двумя рожками, а точнее ручками. Папа ухватывал их обеих в свою широкую ладонь, и приводил машинку в движение, стискивая и попуская ручки.

В день стрижки, мой брат и я, по очереди, усаживались посреди кухни на табурет, поставленный поверх стула, чтобы мы сидели повыше, и Папе не приходилось бы сгибаться к нам в три погибели.

Мама туго окутывала простынёй шею своего сына – смотря чья очередь – и закрепляла её бельевой прищепкой. Потом она держала большое квадратное зеркало перед каждым из братьев, по очереди, и давала Папе советы.

В ответ, Папа отмахивался – одним только носом, потому что правой рукой держал машинку, а в левой сжимал голову клиента, которую поворачивал вверх-вниз и влево-вправо для удобства обработки. И даже челюсть его беззвучно двигалась вправо-влево, копируя стригущее движение машинки.

Иногда машинка заедала – не резала, а дёргала за волосы. Чтобы решить загвоздку, Папа сердито фыркал и резко дул зверьку в брюхо, прежде чем снова продолжать.

Однажды фырканье не помогло, машинка продолжала дёргать волосы, и Саша заплакал.

С того дня мы с ним ходили в парикмахерскую не только перед началом учебного года, но всякий раз, когда Мама решала, что слишком уж мы с ним облохматились

~ ~ ~

Фотографии Папа обучился сам, по толстой серой книге. Его фотоаппарат, ФЭД-2, сидел ввинченным в толстый футляр коричневой кожи, на который снаружи крепился тонкий ремешок, чтобы вешать через плечо или на шею.

Для съёмки аппарат вынимать не приходилось, достаточно отстегнуть две кнопки на спине футляра, уронить наморднную часть вперёд, чтобы болталась, не мешая объективу, а после снимка пристегнуть обратно.

Камера вывинчивалась и вынималась из футляра, только когда её счётчик показывал 36 щелчков, а значит кадры кончились, и пора менять кассету с плёнкой, которая дальше всё равно уже не покрутится.

Отснятую плёнку следует перемотать (соблюдая все предосторожности по предотвращению случайного попадания света на неё) на широкую шпульку в круглой банке из чёрного пластика, с плотно подогнанной крышкой, где плёнка обрабатывается раствором проявителя.

Его заливают внутрь через светонепроницаемую дырку во вращающейся ручке, которая торчит из баночной крышки.

Ручка проворачивается щепотью из двух пальцев, шпулька погромыхивает внутри чёрной банки, вращая на себе широкую спираль неплотно намотанной плёнки, для всесторон-

него купания её в растворе, пять минут.

Затем банка переворачивается, и проявитель вытекает через светонепроницаемую дырку. Ему на смену заливается вода, и промывочное вращение длится следующие пять минут. После чего вода сливается (см. выше – как и через что).

Пришёл момент заливки в банку раствора закрепителя для дальнейшего верчения щепотью, на протяжении пяти минут. (Идентичность длительности процедур облегчает запоминание.)

Дальше всё привычно – закрепитель слил, воды налил и вертишь дальше ещё (да, блин! опять!) пять минут – в ходе заключительного полоскания.

Для просушки, плёнку вешают на бельевой верёвке, закрепив прищепкой, как обычную стирку.

Но если на каком-то этапе (кроме финальной промывки) на плёнку попадёт хотя бы крохотный лучик света, она засветится, и вместо кадров получаешь беспросветно чёрную ленту блестящей плёнки, выбрось и забудь – до чего классные снимки ты там нащёлкал…

Когда собиралось несколько проявленных плёнок, Папа устраивал фотолабораторию в ванной комнате.

Поверх ванны укладывались два щита, которые он специально сделал для превращения ванны в стол. На стол водружался увесистый фотопроектор (типичный гиперболоид инженера Гарина, только линзы нацелены вниз) на вертикальной штанге.

Для освещения фотолаборатории Папа использовал специальный красный фонарь, к чему вынуждала чрезвычайная светочувствительность фотобумаги, которую только красный свет не портит.

По той же причине у фотопроектора имелся подвижный светофильтр из красного стекла – сразу под линзами, – уберечь непорочность светочувствительной бумаги, пока наводишь резкость через линзы.

Все кадры на плёнке – негативы: чёрные лица с белыми губами и глазницами, а волосы белы как снег.

Резкость настроена, и – фильтр отводится в сторону, позволяя яркому свету из недр проектора изливаться сквозь кадр плёнки на фотобумагу, покуда Папа отсчитывает нужное количество секунд (сколько сказано в толстой книге), после чего фильтр возвращается в исходное положение.

Затем, всё ещё белый, как и до обливания светом, лист бумаги вынимается из-под фотопроектора и погружается в раствор проявителя, что налит в небольшую прямоугольную ванночку, стоящую под красным фонарём. Его призрачный свет не рассеивает мрак ванной, но превращает её в пещеру чародея.

И вот, в неярком красном свете, вершится магия пластмассовой ванночки – на чисто белом листе начинают возникать волосы, одежда, черты лица…

Но нельзя передерживать в проявителе! Иначе бумага превратится в промоченный чёрный квадрат.

Проявившиеся в достаточной мере, фотографии достаются из раствора пинцетом, ополаскиваются в воде, заранее налитой до половины ванны для купания, и помещаются в соседнюю ванночку – с раствором закрепителя, иначе всё равно почернеют.

Спустя минут пять-десять, готовые фотографии перекладываются из закрепительной ванночки в большой эмалированный таз с пресной водой.

Закончив распечатку кадров, Папа включал свет под потолком, колдовская пещера пропадала, сменившись небольшой мастерской ремесленника. Папа доставал мокрые фотографии из воды, клал их лицом вниз на листы плексигласа и раскатывал резиновым валиком со спины, чтобы хорошо прилипли.

Эти прозрачные листы он выстраивал лицом к стене, в комнате родителей, и на следующий день высохшие фотографии осыпались на пол, как опавшие листья осенью, но только чёрно-белые, гладкие и блестящие.

…вот я с грустными глазами и шеей перебинтованной от ангины…

…брат Сашка доверчиво смотрит в объектив из-под кепки набекрень…

…Мама, одна или с подругой, или с какой-то из соседок…

…а это Наташка задрала нос кверху, глаза вправо – а что это? что это там? – ну а бантик в одной из косичек, конечно же, уже растрепался…

~ ~ ~

Кроме фотографии, Папа увлекался радиоделом, потому и выписывал журнал «РАДИО», полный всяческих радиосхем…

Мне нравился запах плавящейся канифоли на кухне, когда он работал паяльником, собирая какую-нибудь из журнальных схем.

Однажды он собрал радиоприёмник чуть больше, чем футляр фотоаппарата ФЭД-2. Сначала, это была коричневая плата с припаянными к ней радиодеталями, потом он сделал фанерный ящичек, отполировал его и покрыл лаком, и спрятал плату внутрь его. Снаружи остались лишь две круглые ручки – одна для включения и регулировки громкости, а вторая для настройки на радиостанцию.

Потом он пошил чехол для приёмничка из тонкой кожи, потому что умел работать шилом, и знал, как из обычной нитки делать дратву, с помощью смолы и воска.

А уже под конец, он пришил тонкий ремешок футляру – вешаешь на плечо и гуляй под музыку, а руки свободны…

Позднее, Папа соорудил специальный станок на табурете для переплёта книг. Тем станком он переплёл свои подшивки «РАДИО» по годам.

У него просто золотые руки.

И у Мамы руки, конечно, тоже золотые, потому что она готовила вкусную еду и шила на машинке Зингер, и раз в неделю делала генеральную стирку в стиральной машине «Ока».

Иногда она доверяла мне выжимать воду из стирки кручением кривой ручки, что закреплялась поверх машины.

Суёшь кончик выстиранной вещи между двух резиновых валиков – и начинаешь крутить ручку, на которой сидит нижний. Затиснутая парой валиков, вещь вынуждена выползать кверху, и кручением ручки протаскивается между валиками туго прижатыми один к другому.

Выжатая вода стекает обратно, в машину. А прокрученная вещь выходит по ту сторону валиков сплющенная, влажная, но отжатая.

Однако развешивать стирку – это работа для взрослых, потому что во Дворе нет и не было никогда бельевых верёвок, и всему Кварталу приходилось сушить стирку на чердаках своих зданий. Наверное, для сохранения секретности Объекта, чтобы спутники-шпионы не подсмотрели, что Квартал населён людьми…

Только Папе под силу поднять по вертикальной лестнице целый таз влажной стирки, и просунуть его на чердак.

Однако своими сильными золотыми руками он однажды создал себе долговременную проблему.

В тот раз он сделал «жучок» внутри электрического счётчика, чтобы тот не крутился, даже если везде горит свет, а за дверью ванной гудит стиральная машина…

Папа называл это «экономия», но очень переживал, что контролёры нас поймают и выпишут штраф. Зачем так мучить себя из-за какой-то экономии?

А Мама никогда не делала необдуманных поступков, кроме тех жёлтых вельветовых шортов на помочах, которые пошила мне в детский сад. Как я их ненавидел! Как будто знал, что именно в тех шортах меня без малого загрызут рыжие людоедские муравьи…

~ ~ ~

В одну из своих одиночных прогулок, я вышел на поляну и сразу почувствовал – тут что-то не так. Но что именно?..

Ага! Вот этот непонятный дым никак не вписывается в привычную картину леса. Правильный вывод помог мне разглядеть язычки пламени, почти прозрачные в ярком свете солнца.

Они трепыхались и обугливали кору на ближней Берёзе, они ползли по толстому ковру хвои нападавшей на землю за прошлые годы.

Эге! Так ведь это лесной пожар!..

Сперва я пытался затоптать огонь на иглах слежавшейся хвои, но тот залезал поглубже, а потом снова выпрыгивал из-под неё, уже в другом месте.

Однако невысокий Можжевельник с густыми ветвями выдернулся с корнем, почти что сам собой, и дело пошло на лад. Деревце махом сбивало огонь с древесных стволов, и глушило пламя под ногами…

Схватка с огнём завершилась заслуженной победой, и уже не спеша я увидел, что выгорело не слишком-то и много. Чёрная гарь расстилалась на площади метров десять на де-

сять.

На руках и рубашке чернели полосы сажи, но меня это ничуть не расстроило, потому что боевая копоть – не грязь. Я даже провёл чёрной ладонью по вспотевшему лбу, – пусть и тот почернеет, чтобы сразу стало видно – вот герой, который спас лес от гибели в огне великого пожара.

Как назло, по дороге домой меня никто не видел, пока я шёл и мечтал, как про меня напишет «Пионерская Правда». Совсем недавно там напечатали про пионера, который просигналил красным галстуком машинисту поезда о том, что впереди сломался железнодорожный путь.

И только заходя во Двор я, наконец-то, встретил двух прохожих. Они внимательно взглянули на меня, но ни один не догадался спросить: «Откуда у тебя сажа на лице? Да ты, никак, боролся с огнём лесного пожара, а?»

Дома Мама меня отругала, что хожу таким замазурой, и никакая стиральная машина не настирается на меня.

Мне было горько и обидно, но я терпел молча…

~ ~ ~

Летними вечерами дети Квартала и мамы малышни, за которыми ещё нужен присмотр, выходили со Двора на окружную бетонную дорогу. Все дожидались, когда из Учебки Новобранцев примаршируют взвод на вечернюю прогулку.

Выйдя на бетонное покрытие дороги, солдаты начинали печатать парадный шаг. Словно касанием волшебной палочки, ряды их обращались в единый движущийся параллеле-

пипед сомкнутого строя каре с одной общей ногой во всю длину фланга, слитой из десятков чёрных сапог. Эта составная нога слаженно отрывалась от дороги и слитно жахкала по ней же на один шаг дальше, продвигая весь взвод на этот один шаг вперёд. Сплочённое создание буквально завораживало созерцающих.

Затем старшина, шагая вдоль обочины вслед параллелепипеду, резко вскрикивал: «Запе-е… ВАЙ!», и изнутри ритмично вздрагивающей массы, в такт слитным «ждах!» подошв о бетон, упруго взвивался молодой тенор, а несколькими ждахк-шагами дальше, громом грянувший хор поддерживал его и подтверждал:

“…нам – парашютистам,
привольно на небе чистом…

Взвод удалялся ко второму кварталу, где его ждали тамошние жители, чтоб мимо них он тоже прошагал, а кто-то из детей нашего бежали следом за волшебством, и молодые мамы взглядом провожали уходящий взвод. Они смотрели вслед солдатам, что маршируют к солнцу, которое садится за лес, пронизывая прощальными лучами вечер, ставший таким спокойно безмятежным, потому что мы – самые сильные в мире, и надёжно защищены парашютистами, против всех диверсантов НАТО из прихожей в Библиотеку Части…

~ ~ ~

Во Двор привезли длинные железные трубы. Ударь палкой по такой трубе, и она откликнется. Громко. Протяжно…

Протяжнее, в общем-то, чем нужно и я, как ни старался, никак не мог выстучать на трубах барабанную дробь, с которой в кино «Чапаев» Беляки идут в психическую атаку против Анки с её пулемётом.

День за днём, вернувшись из школы, я упорно бил по ним, снова и снова наполняя весь Двор вибрацией железного лязга-брязга, но всё напрасно – упрямая дробь из труб не выстукивалась.

Слишком вскоре трубы зарыли, оборвав моё музыкальное самообразование, а в кварталы «Горки» пришёл газ.

На кухне установили газовую плиту и повесили белый ящик на стене возле раковины, чтобы зажигать газ для мытья посуды и купания. Титан, котёл для нагревания воды дровами, исчез из ванной. Колоть и приносить дрова уже не нужно стало, и Папина мастерская-склад в подвальной секции заметно попросторнела…

. .. .

В какое-то из воскресений, когда родители ушли на работу, я сходил в подвал за Папиным большим топором, потому что мы с одним мальчиком сговорились разложить костёр в лесу.

Спустившись в чащу позади Бугорка, мы начали восхождение на следующий холм, который пониже. На крутом склоне стояла маленькая Ёлочка, ростом в метр с небольшим.

А меня с момента, как только мы вошли в лес, не отпускало страстное желание – как можно поскорей поскорее пу-

стить топор в дело. И вот она передо мною – полутораметровая возможность. Удар, другой – и Ёлочка свалилась наземь…

Я стоял над ней, не понимая – зачем? Ель не годится для луков, разве что на автомат Калашникова, играть в Войнушку, но такое я уже перерос. Зачем же так бесцельно убил я Ёлочку?

Прогулка и костёр вдруг стали мне ненужными. Хотелось только одного – немедленно избавиться от топора, пособника моей жестокой глупости.

Я отнёс и запер его в подвальную секцию, и с той поры выходил в лес безоружным.

(…ну как? ути-вути, до чего миленький мальчишечка, нет? Хотя в основу столь пафосного самолюбования (под видом самобичевания) положены реальные события и чувства.

Но ты не спеши записывать своего папу в команду Хороших Парней, уж слишком я нестабилен для подобной чести. Сегодня, – ну, просто лапонька, прям хоть к ране прикладывай, а назавтра… даже не знаю…

Когда мой бачанах (на Карабахском Армянском этот термин означает «муж сестры жены») готовился к свадьбе своей старшей дочери, все родственники помогали, как могли. Не деньгами, конечно, он бы их не принял – расходы по такому поводу несёт счастливый отец. Такова традиция.

Приемлемая помощь носит кулинарный, в основном, ха-

рактер.

Стандартный набор свадебных закусок в Доме Торжеств оплачивают наличными, но к стандартным яствам можно добавить угощения настряпанные тётями, бабушками, сёстрами, дочерями ближайших и последующих родственников. Пережитки родового-общинного строя, то есть, клановые отношения, весьма даже живучи и пахучи в Карабахе.

Кулинарная помощь – это типа трудового вклада из продуктов закупленных организатором торжества…

Однако есть виды продуктов нуждающихся в предварительной обработке, и согласись, что убой дюжины куриц на балконе пятиэтажки сопряжён с бо́льшими неудобствами, чем исполнение того же процесса в частном, пусть даже и недостроенном, пока ещё, доме.

Вот их привезли и свалили в широкой недостроенной прихожей, и уехали заниматься бездной прочих предсвадебных хлопот.

Jedem – seiner, как говорится в популярной Немецкой поговорке…

А тут – пятнадцать живых существ лежат на земле, в пыли, со связанными ногами, и я стою над ними со свежезаточенным ножом в руках, и всем нам прекрасно известно, зачем мы тут собрались.

Пятнадцать – это не одна, и есть определённые временные рамки до подхода женских представительниц клана, чтоб выщипать из полуфабрикатов уже ненужные им пе-

рья.

И у каждой из будущих продуктов (пока ещё живых), свой возраст и окраска, свой личный взгляд на происходящее, индивидуальный запас энергии, что определяет громкость протестов и длительность трепыхания с уже отрезанной головой.

Невозможно исполнить такую работу без опоры на методичность. Вот я и превратился в робота, методично исполняющего набор одинаковых движений…

Пятнадцать раз…

Иногда я смотрел через оконный проём, всё ещё без рамы, на белое пушистое облачко в синей небесной выси… чистое, незапятнанное… само совершенство…

Такой весь – типа робота с неясно сентиментальным гличем, закравшимся в макросы его программы…

С той поры моё отношение к палачам несколько изменилось, – понял, что ничто ихнее мне не чуждо…

Короче, на той свадьбе я блюл заветы вегетарианства.

А касаемо вышеозвученной отмазки, будто в убийстве Ёлочки вина лежит на топоре, это он, падла, заставил меня прикончить невинное растение, так тут и вовсе ничего нового – «Я выполнял приказ».

Обычный зомби-робот недоделанный…)

~ ~ ~

В пятом классе вместо одной Учительницы, к нам стали приходить разные учителя для отдельных предметов, потому

что начальное образование мы уже прошли.

Новую классную руководительницу звали Макаренко Любовь… Алексеевна? Антоновна?.. Отчество никак не припомню, а между собой мы называли её кратко – «Макар» (Да, совпадает с погонялом самого популярного армейского пистолета с обоймой из 12 патронов).

– Атас! Макар идёт!

Но это всё пришло позже, а в самый первый раз я встретил будущую класручку за день до школы, куда Мама отвела меня переписать расписание уроков и познакомиться с моей новой классной руководительницей.

Педагог Макаренко пригласила нас в классную комнату, и там обратилась ко мне с личной просьбой – помочь в оформлении Классного Уголка на большом листе Ватмана. Разметочные линии на нём она уже провела, слегка, простым карандашом, с отступом в пять сантиметров от каждого края.

Разметка послужит мне опорой в создании оформительной рамочки на листе Классного Уголка.

Макаренко дала мне коробку акварельных красок и кисточку, сопроводив инструкцией, что нужен только синий цвет. Затем она и Мама вышли, чтоб не отвлекать меня продолжением своего знакомства.

Гордый оказанным мне доверием, я приступил безотлагательно и сразу же окунул кисточку в стакан воды, перенёс каплю на нужный кирпичик акварельной краски, размешал её до посинения, и принялся закрашивать ватманский лист

от края до вспомогательной карандашной отметки, стараясь не заезжать за неё.

Дело оказалось не из лёгких, а наоборот весьма кропотливым – красишь, красишь, а вон ещё сколько красить. Но главная проблема в том, что каждый мазок акварелью отличается густотой своего оттенка от соседних – трудно добиться одинаковости.

Я старался усидчиво, потому что не каждый день мальчику достаётся окраска рамочек на Ватмане для Классного Уголка. Однако к возвращению учительницы и Мамы, работа продвинулась всего где-то на четверть периметра.

Любовь… э-э… Макаренко тут же сказала, что и столько хватит и, фактически, даже больше чем достаточно, потому что она хотела всего только одну акварельную линию по карандашу, но теперь уже поздно.

Мама принялась обещать, что принесёт совсем чистый лист Ватмана с работы, на что учительница заотнекивалась: «Нет-нет! да что вы! не надо!»

И тогда я придумал выход – взять и аккуратно заклеить кусочками бумаги избыточно окрашенные места. Но и эта идея была отнекана, даже не знаю почему…

Мы ушли домой, и по дороге Мама меня нисколько не упрекала. Ну, ещё бы, я ведь не виноват, что в жизни Макаренко не встречались рамочки в прообразах ткацкого станка, а одни только жёлтые линии, как вокруг слов Ленина и Маркса в Клубе Части…

Когда начались занятия, наверное, только я один так внимательно изучал наш Классный Уголок, очерченный синей линией вдоль края бумаги. Несмотря на тонкость линии, оттенки в ней совпадали не повсеместно.

. .. .

И всё-таки новая училка не перестала в меня верить окончательно. Месяц спустя она дала мне маленькое, но ответственное поручение – сходить в наш бывший класс, и что-то передать на словах Серафиме Сергеевне.

Я постучал в такую знакомую дверь, и пересказал послание своей первой Учительнице, которая сидела за столом в тёплом платке на плечах, лицом к новой поросли первоклашек. Она поблагодарила и попросила меня закрыть форточку окна, в которую сквозят сквозняки, как только кто-нибудь открывает дверь.

Быстренько вскарабкавшись на подоконник, я встал на цыпочки и захлопнул зловредную форточку. Задание выполнено раньше срока! Но для спуска я уже не стал ложиться животом на подоконник, а спрыгнул на пол прямо от окна.

Прыжок получился здоровски. Гордясь своей ловкостью, я покинул классную комнату, преисполненную восторженного почитания в глазах притихшей малышни за их партами.

Неужто это мне когда-то первоклассницы, заглянувшие в нашу детсадовскую группу, показались такими недосягаемо взрослыми?

Заносчивые гусыни!

. .. .

А дома у нас стоял уже телевизор, откуда дикторы читали новости, на фоне Кремлёвских стен и башен за спиной, а хоккеисты носились от ворот к воротам в прямой трансляции с чемпионатов Европы и Мира. И в нём показывали Кинопанораму, Клуб Весёлых и Находчивых и кино!

Да без него, я ни за что бы не поверил, что на свете есть фильмы длиннее пары серий. Ошибочность такого мнения исправил четырёхсерийный «Вызываю Огонь на Себя». Всего за неделю, он открыл мои глаза на необъятность сериалов.

А вот Итальянское кино мне не понравилось, когда Марчелло Мастрояни начал уговаривать свою невесту на аборт. Я стал переспрашивать, что это за слово такое, но тётя Полина Зимина расхохоталась, а Папа сказал, что это кино не для детей, и пошёл-ка ты в детскую…

~ ~ ~

Гонка вооружений продолжалась не только в программе новостей, но и в нашей мальчуко́вой жизни. Мы подошли к этапу разработки оружия новых видов – к шпоночным пистолетам и автоматам.

Вряд ли есть нужда долго объяснять, что такое рогатка, но хочу уточнить – рогатки различаются по назначению: для стрельбы камнями, и шпоночные.

(…камнестрельные рогатки – смертельное оружие, в голодные послевоенные годы, Степанакертские пацаны настреливали ими воробьёв на обед…)

Шпоночная рогатка – это почти игрушка из алюминиевой проволоки и круглой авиамодельной резинки (вместо полос резины нарезанных из противогазной маски для применения в рогатках стреляющих камнями).

Полуигрушечные рогатки бьют маленькими кусочками алюминиевой проволоки. Эти кусочки согнуты в короткие параболы, шпонки, длиной не превышающие 1 см.

Захватываешь резинку в сгиб параболы, натягиваешь, отпускаешь – шпонка полетела. Убить не убьёт, но почувствуется. Лишь бы не в глаз.

Ну а если резинку крепить не на рога, а в край обрезка доски? Да натянуть вдоль кромки?

При спуске точность попаданий многократно возрастает, поскольку шпонка берёт разгон по направляющей поверхности. Остальное уже дело вкуса – выпиливать из обрезка пистолет или автомат.

В том месте, до которого оттягивается шпонка перед выстрелом, крепишь рамочку спуска – из той же алюминиевой проволоки, – верх которой ложится на кромку, прижимая подсунутую под неё ветвь параболичной шпонки.

Рамочка спуска удерживает шпонку благодаря натяжению бельевой резинкой (такая же точно, как в трусах), оттянутой на антиподной (нижней) кромке в противополётном направлении. Сила разнонаправленного резиночного натяжения (приложенная модельной к вершине параболы изнутри – тянет в полёт; но бельевая, стреножа нижнюю ветвь пара-

болы, не пускает) удерживает оружие в постоянной готовности к выстрелу.

Чтобы произвести его, палец стрелка давит на спуск, образованный скруткой избыточной проволоки в продолжениях боковин рамочки. Преодолевая натяжение бельевой резинки, рамочка приподымается от направляющей кромки, освобождая параболу и, под воздействием туго натянутой авиамодельной, шпонка тут же срывается в улёт.

Мальчики, вооружённые столь современным оружием, уже не бегают с криками «та-та-та!», как во времена Войнушки. Оставив эти наивные забавы детсадникам, они спускаются в подвалы, во мраке которых ведут охоту друг на друга.

Металлический «циньк!» шпонки о бетон пола или по доскам секционных стен даёт понять, что противник неподалёку и открыл огонь на поражение.

Но если выбрать позицию в приямке, на полутораметровой высоте от пола, в конце коридора, то ты как бы в надёжном бункере. Сиди, не высовывайся, и посылай шпонки на звук крадущихся шагов, а когда в подвальной тьме раздастся «уй!», значит, шпонка стрелялась не попусту…

. .. .

Осенью завершилось строительство пятиэтажного жилого дома, по ту сторону окружившей Квартал дороги. Счастливые новосёлы ещё только въезжали в свои квартиры, а глубоко внизу, в бесконечных подвальных коридорах и залах та-

кого большого здания (первенец подобной высоты и размера в домостроительной практике Объекта), развернулись беспрецедентные по своему масштабу боевые действия с применением шпоночного оружия всех видов…

На первых порах, обширные территории подвала освещались жёлтым светом лампочек, но срок жизни их оказался кратким. Их гасили выстрелами шпонок с дальней дистанции. Они взрывались, одна за другой, разбрасывая хрупкие осколки…

Пожалуй, единственным недостатком шпоночного самострела (он же модифицированный арбалет) являлась почти полная его бесшумность. Для истинного самоутверждения душа просит оружия, которое б шарахало с трах-тарарамом.

. .. .

(…жизнь не способна стоять на месте, она может лишь течь дальше. Куда? В направлении определённом сокровенными мечтами и потребностями плывущих в её потоке…)

Всё чаще и чаще, вечернюю тишь Двора прореза́ли резкие «ба-бах!», похожие на пистолетные выстрелы («макар»?), потому что мальчики вооружились пиликалками,

Мне, из-за всегдашнего отставания от продвинутых трендов, определяющих течение общественной жизни, пришлось выспрашивать ноу-хау производства пиликалки.

Возьми кусок (15 см) медной трубки узкого диаметра (≈ 0.8 см), согни его в виде буквы «Г». Короткий конец «Г» сплющь молотком. В оставшееся отверстие залей неболь-

шое количество расплавленного свинца, с тем чтобы он стёк дальше, образуя гладкое свинцовое дно на повороте в сплюснутый конец.

Найди длинный гвоздь, который, в засунутом до дна состоянии, вытарчивал бы наружу не менее 5 см. Загни его, отступив 4 см от шляпки (у тебя получилась ещё одна «Г», но без дырки).

Вставь гвоздь в трубку (вся конструкция напоминает квадратную скобку «[» или квадратную скобку «]», в зависимости от точки зрения), и в результате ты располагаешь работающей системой «поршень-цилиндр».

Соедини шляпку согнутого гвоздя и короткий (сплюснутый) конец трубчатой «Г» эластичным кольцом из бельевой резинки от трусов, и твоя пиликалка готова.

Вытащи гвоздь, не более, чем до середины длинной части трубки, резиночное натяжение заставит гвоздь упереться в медную стенку в том месте, до которого он вытащен.

Сожми пиликалку в ладони. По мере притискивания резинки к трубке, сила натяжения растёт, понуждая гвоздь соскользнуть внутрь и резко ударить в свинцовое дно. Ты произвёл холостой выстрел.

Теперь остаётся лишь зарядить огнестрельное оружие, для чего гвоздь вынимается полностью, а в трубку, о её же край, соскабливается сера пары спичечных головок.

Вставь гвоздь обратно, насторожи резинкой и – «Hello, world!» живым выстрелом. Ба-бах!

В вечерней темноте, выплеск пламени из дырки в трубке смотрится весьма убедительно. В целом, тот же принцип как у игрушечного пистолета с круглыми пистонами, но децибелы посолиднее…

. .. .

Изучив теорию, я собирался изготовить свою пиликалку, но у Папы на работе не оказалось трубки нужного диаметра. Тем не менее пиликалка у меня появилась. Наверное, кто-то из мальчиков подарил готовую из своих запасов.

(…невозможно отрицать, что внеклассное обучение готовит мальчиков к реальной жизни лучше, чем программы среднего образования, утверждённые министерствами просвещения…

Тебе никогда не доводилось слышать это слово – «пиликалка»? И я не встречал за пределами Объекта, однако звучит ничуть не хуже «бландербаса»…)

~ ~ ~

Для вливания в нас дальнейших обязательных знаний, предусмотренных средним образованием, наш класс перевели в одноэтажное здание в нижней части территории школы, метров за сорок от главного.

Помимо нашей классной комнаты, в здании размещались также мастерские для проведения уроков Труда в старших классах. Одно из помещений оснащено было тисками на столах, а в другом громадилась махина токарного станка.

Поскольку школьная программа содержит массу более

важных предметов, мастерские открывались часа на два в течение неделю, всё остальное время здание оставалось безраздельно нашей вотчиной.

Учёба на отшибе имеет ряд преимуществ. Во время перемен – бесись, как хочешь и сколько влезет, без риска врезаться в дежурного педагога. Они патрулируют лишь коридоры в главном здании, такая у них там традиция.

К тому же, учителя являлись к нам в класс не сразу, а после того, как дозорный доброволец (иногда два), вбегут с объявлением, какой Предмет движется к нам сверху.

Дозорный становился необходимостью, когда мы мордовали розетки в нашем классе и, в ходе познавательных экспериментов, совали им в дырки (с напряжением в 220 V) ножки различных радиодеталей.

Вследствие короткого замыкания, сопротивления плавились, возмущённо плюясь красивыми искрами.

(…до сих пор изумляюсь, как никого из нас не шарахнуло током. Похоже, розетки попались чересчур человечные…)

. .. .

В нашем доме тоже случились перемены. Семья Зиминых уехали, потому что Степан попал под сокращение.

(…всё по вине Хрущёва, который, исполняя должность главы СССР, пообещал Западу сократить контингент Вооружённых сил, и довести его до всего-навсего 20 миллионов военнослужащих.

Весьма вскоре, его свергли на хорошо охраняемую пенсию,

однако новое руководство сдержало обещание, и политика сокращений коснулась даже нашего Объекта…)

Помимо Зиминых, уехали соседи, жившие на первом этаже под нами. Их взрослая дочь Юля подарила нам, троим детям этажом выше, альбом со своей коллекцией спичечных этикеток.

В те времена спичечные коробки, вместо картона с наляпанной поверху картинкой, изготовлялись из крайне тонкого шпона в оклейке тонкой синей бумагой. Поверх неё наклеивалась картинка (по размеру коробка) с изображением знаменитой балерины Улановой или морского животного, или Героя-космонавта.

Люди коллекционировали этикетки, как филателисты собирают свои марки, просто сначала коробок замачивали, чтоб отлепить картинку, ну а потом, конечно, высушить…

Юлина коллекция состояла из разных отделов: спорт, авиация, Города-Герои и так далее. Что и говорить, все трое с восторгом встретили настолько щедрый дар, и мы продолжили пополнять коллекцию…

. .. .

Вместо Юры Зимина моим другом стал опять Юра, но под другой фамилией – Николаенко.

Как и предыдущий Юра, он тоже был соседом, но не по площадке, а по Двору.

Когда выпал снег, мы вышли в поисках лисьих нор или хотя бы поймать зайца. У нас имелись неплохие шансы на

успех, потому что с нами пошёл мальчик из «Нижняков», который привёл собаку со своего двора в деревянном доме.

Но он оказался жадина и не делился верёвкой, привязанной к собаке за ошейник, а дёргал только сам. Но потом, когда мы вошли в лес, уже собака начала таскать его за собой на верёвке, по сугробам со множеством заячьих следов.

Мы с Юрой бегали следом, чтоб не упустить момент поимки зайца.

Вскоре мы заметили, что собака не обращает на следы никакого внимания, а всё время принюхивается к чему-то ещё.

Затем она упорно стала рыться в большом сугробе. У нас появилась надежда, что она унюхала лисью нору, и мы вооружились палками на зверя.

Однако из-под снега она вытащила большую старую кость, и мы прекратили охоту…

~ ~ ~

На зимних каникулах многих детей моего возраста пригласили в соседнее угловое здание Двора, где незнакомые новосёлы праздновали день рождения своей дочери, моей будущей одноклассницы.

Присутствовали там одни только дети, без взрослых, а на столе стояло много ситра в бутылках. Именинница выглядела точь-в-точь как Мальвина из «Золотого Ключика», но только волосы не локонами, а прямые, ну, и цвет естественный, не синий.

Когда гости осушили все бутылки, красивая девочка на-

чала с удовольствием вспоминать, что где они жили раньше, она считалась Королевой Двора, а мальчики были её пажами как бы…

Наверное, я простудился на каникулах, и начал посещать занятия не с первого дня, потому что не мог понять происходившее при моём появлении в классе.

Урок ещё не начался и новенькая, похожая на Мальвину девочка зашла сразу же вслед за мною. Как любая школьница любого класса тех времён, она носила обязательную форму в стиле Королевы Виктории – тёмно-коричневое платье с белым кружевным воротничком, покрытое чёрным фартуком на пышных лямках поверх ширины плеч.

Переступив порог, она ожидающе остановилась. И через миг взорвался крик и вой всеобщей катавасии: «Корова Двора!»

Мальвина уронила портфель на пол, охватила свою голову руками и побежала по проходу между партами, а все остальные – и мальчики, и девочки – все – загораживали ей путь, орали и кричали в её уши, а Юра Николаенко бежал сзади и тёрся об её спину, как делают собаки, пока она не села за свою парту, уронила на неё руки, и спрятала лицо в свои ладони.

Ор прекратился, только лишь когда в дверях встала учительница с вопросом: «Что тут творится?» – Она была поражена не меньше моего.

Девочка вскочила и выбежала из класса вон, даже не под-

хватив свой портфель с пола.

На следующий день она не пришла, а у нас в классе состоялось общее собрание, куда вместо неё явился отец с красным сердитым лицом и кричал, что мы негодяи, и щипали его дочь за грудь. Он показал своими руками на себе, куда именно мы её щипали.

Потом наша классная руководительница сказала собранию, что пионерам не к лицу до такой степени травить своих одноклассников, потому что похожая на Мальвину девочка – такая же пионерка, как и мы.

И мне стало стыдно, хотя я никого не щипал и не травил…

Красивая девочка больше никогда не приходила в наш класс, наверное, перевелась в параллельный.

(…" толпа – беспощадный зверь…"

написал армянский поэт Аветик Исаакян, но об этом мне стало известно ещё до прочтения его поэмы «Абу-Лала Маари»…)

Индивидуальная жестокость ничем не лучше коллективной. Весной меня глубоко царапнул пример материнской педагогики…

В послеобеденный пустой Двор зашла женщина, направляясь мимо нашего дома к 8-квартирному зданию на противоположной стороне периметра. За нею следом бежала девочка лет шести, которая протягивала руку к решительно шагающей женщине и, охрипшим от неумолчного рёва голосом, повторяла один и тот же крик: «Мамочка, дай ручку!

Мамочка, дай ручку!».

Её вопли почему-то напомнили мне визг Машки, которую пришли зарезать у Бабы Кати в Конотопе.

Женщина не замедляла шаг, а только временами оборачивалась, чтоб на ходу чёрным прутом ожечь протянутую руку.

На это дочь ей отвечала взвизгом погромче, но не отдёргивала руку, и не переставала повторять: «Мамочка, дай ручку!»

Они пересекли Двор, и зашли в подъезд, оставив меня мучиться неразрешимым вопросом – откуда могут браться в нашей стране такие Фашистские мамы?

~ ~ ~

Между левым крылом школьного здания и высоким забором из брусьев, что помогал отличать территорию школы от остального леса, тянулись две, а может три параллельные грядки пришкольного агроучастка.

Очень сомнительно, что хоть бы что-то могло произрастать в агрономическом суглинке, помимо слоя игл иссохшей хвои, роняемой большими Соснами из их крон. Однако, когда пятым классам объявили общий воскресник для вскопки участковых грядок, я исполнительно явился к назначенному часу.

Низкие тучи отменили утро, давая Маме повод к настойчивым уговорам не покидать дом, – в такую пасмурность умные люди не ходят на воскресники. И действительно, всё совпало с её предсказанием, вокруг – тишь, глушь и ни души.

Но может, ещё подойдут?

Я немного покрутился возле запертой школы, потом прошёл мимо печальных агрогрядок к зданию нашего класса и мастерских, в ложбинной части школьной территории.

Напротив здания стоял приземистый склад из кирпичных стен и железных ворот, которые никогда не открывались, и неизвестно склад ли это вообще, если не имеет ни одного окошка.

Всё заперто вокруг, а тишина такая, что, кажется, её даже потрогать можно.

Однако висячий замок не воспрепятствовал восхождению на крышу этого, ну, возможно, даже и склада, когда я воспользовался откосом удобной досягаемости к его задней стене.

Плоскую крышу с небольшим уклоном, покрывал чёрный рубероид, хотя некоторым привычней называть его толью.

По этой толи я покружил от угла к углу, потом в обратную сторону. Оглянулся на школьное здание. По-прежнему, непроходимое безмолвие. Ладно, ещё пять минут, и – ухожу.

Но тут солнце проглянуло сквозь тучи, ждать стало веселее, потому что я заметил лёгкий, прозрачный парок, подымавшийся с толи, тут и там. «Ага, солнце нагревает!» – догадался я.

Кроме того, из черноты толи стали проступать тёмно-серые полосы высохших мест, которые ширились, длились, сливались друг с другом, что привлекло моё внимание к

упорному росту солнечных владений.

Отлично понимая, что никто больше не придёт, и что давно уж можно уходить домой, я медлил – пусть и вон там сочащаяся испарением толь досохнет до самого угла крыши и, на моих глазах, соединится с материком Серо-Сухого Рубероида…

Домой я вернулся к обеду и не сказал Маме, что солнце завербовало меня в свои сподвижники…

~ ~ ~

В конце весны Папа ходил на рыбалку за Зону. Меня он тоже согласился взять, если я накопаю червяков для наживки.

Я знал отличные места для червекопства, и принёс домой целый их клубок, в банке, использованной когда-то для консервации тушёнки.

Вышли мы рано утром, и возле КПП к нам присоединились ещё два человека, с листком пропуска на троих для выхода за Зону.

Я был четвёртым, однако зря переживал – часовые меня даже не заметили. Ступив за ворота КПП, мы сразу же свернули вправо, и пошли через лес.

Мы всё шли и шли, и шли, а лес никак не кончался. Иногда тропа выводила к опушке, но потом снова углублялась в глушь и дебри.

Но я терпеливо шагал, потому что Папа меня предупреждал заранее, – ещё до того как послать за червями, – что

идти надо аж восемь километров.

На это я поспешно отвечал, что это ничего, что я смогу. Поэтому теперь я шёл и шёл, хотя удочка и наживка в тушёночной банке заметно потяжелели.

Наконец, мы вышли к лесному озеру, и рыбаки сказали, что это – Соминское, которое я даже не узнал, хотя когда-то именно в нём научился плавать.

Мы прошли по длинному, поросшему влажной травой мысу, у оконечности которого стоял на воде настоящий плот.

Один из рыбаков предпочёл остаться на берегу, а мы втроём взошли на борт плота из лиственных пород с гладкой корой, которая сквозь тёмную воду выглядела зелёной. Вероятнее всего, – Осина.

Папа и второй рыбак длинными шестами отпихнули плот от берега, а затем продолжили толкаться ими же об дно озера, сквозь воду, пока мы не отошли метров за тридцать – туда, где поглубже.

Там мы остановились, и приступили к ловле.

Брёвна плота, увязанные не вплотную, открывали вид на ещё более разреженный слой поперечных брёвен, а дальше шла непроглядно чёрная глубь. Подобная конструкция плавучего средства требовала проявлять осторожность.

Мы забросили снасть на три разные стороны, и стали следить за поплавками.

Клевало довольно часто, хотя улов оказывалась не настолько крупным, как ожидалось по бурному сопротивле-

нию, пока тащишь. К тому же, оказавшись на решетчатой палубе плота, рыба резко выкручивалась во все стороны. Снятие с крючка затруднялось также острыми шипами на её морде и горбу. При этом приходилось удерживать равновесие на широко расставленных, скользких круглых спинах брёвен.

Папа заметил, что тут клюёт один только ёрш, а рыбак добавил, что ершовая уха самая вкусная.

Позднее, уже на берегу, когда уха сготовилась в котелке над костром, я её съел, конечно, но не сумел распробовать на вкус, уж больно горячей оказалась.

После обеда, рыбаки друг другу объяснили, что клёва уже не дождаться, – в такое время дня рыба уходит спать.

Они растянулись на траве и тоже уснули под деревом, и Папа вслед за ними, а потом и я, от одиночества и нечего делать…

Возвращались мы уже не по короткой тропе через лес, а по плавным холмам и взгоркам, потому что бумага разрешала оставаться за Зоной до шести часов. С вершины одного пригорка, мы увидели озерцо вдалеке, которое было совершенно круглое и обросшее камышом.

Когда мы подошли, Папа захотел непременно искупаться в нём, хотя остальные рыбаки его отговаривали. Один из них сказал, что это озеро называется Ведьмин Глаз, и тут слишком часто кто-нибудь тонет, запутавшись в густой ряске.

Но Папа всё равно разделся до трусов, схватился за кор-

му лодчонки возле берега и поплыл, взбивая ногами высокие пенистые всплески, прямым курсом на камыши у берега напротив.

На полпути он вспомнил про свои наручные часы, снял их и повесил на гвоздик в корме. Вернулся он таким же образом, а с его плечей свисали длинные космы поперепутанной озёрной ряски.

Он был уже на берегу и одевался, когда мы увидели женщину в длинной деревенской одежде, которая с неясными криками бежала по наклонному полю. Добежав, она не сказала ничего нового, а только повторила, что мы и так уже знали от рыбака-попутчика…

Возле КПП нас застигло сильное ненастье, и мы здорово промокли, пока дошли домой, но впоследствии никто не заболел.

~ ~ ~

С велосипедами у меня дружба с малых лет. Свой первый я и близко не помню, но некоторые фотографии свидетельствуют – вот он, трёхколёсник с педалями на переднем, а на нём, упёршись ботинками в педали, двух-трёхлетний бутуз в тюбетеечке – я.

Однако следующий помню очень хорошо – трёхколёсник с цепным приводом, из-за которого часто приходилось спорить с сестрой-братом: чья сейчас очередь кататься. Позже, Папа пересобрал его в двухколёсный, но после пятого класса он стал на меня мал и перешёл к младшим безвозвратно.

А потом Папа привёл мне настоящий велосипед. Да, это был подержанный ветеран, но зато не «дамский», и не какой-нибудь там «Орлёнок» для подростково-юношеского возраста.

В один из вечеров после работы, Папа попробовал даже обучить меня езде по-взрослому. Однако без его крепкой ухватки за седло, велосипед так и норовил завалиться не на один, так на другой бок. Наконец, Папе надоела безотрывная беготня по Двору, толкая ветерана, гружёного моей пугливой неуклюжестью. Он махнул рукой и, сказав: «Учись сам!» – ушёл домой.

А через пару дней я уже мог ездить. Правда не в седле, – у меня не хватало смелости перебросить через него ногу, чтобы сесть как надо. Вместо этого я просовывал ногу под трубку раму и ездил стоя на педалях. Подобный трюк выливался в езду с вопиюще косым креном, даже с двумя: у велосипеда вправо, а у меня наоборот.

Но потом мне стало стыдно, что незнакомый мальчик, намного младше меня, бесстрашно разбегался и, стоя одной ногой на педали, перебрасывал вторую поверх седла к педали на другой стороне.

Ему не хватало длины ног, чтобы дотягиваться до педалей из седла, поэтому он ездил сидя верхом на раме, то левой, то правой ляжкой, поочерёдно, а седло-переросток тёрлось о его спину, на уровне лопаток. Рядом с таким бесстрашным малявкой, ездить «под рамой» было совсем стыдно.

И вот, наконец, после множества проб и падений – с терапевтическим потиранием царапин и/или ушибов, а в завершение процедуры пара чистоплотных шлепков по штанинам, выбивая дорожную пыль – у меня получилось!

Ух-ты! Как быстро проношусь я над землёю! Никто и бегом не догонит. А самое главное – до чего легко, оказывается, ездить на велосипеде!

И я без конца накручивал витки по орбите вокруг пары беседок эксцентрически расположенных в периметре Двора… До тех пор, пока – с опаской, но сознавая, что обратного пути мне нет – не вырулил между знаний на орбиту в ещё неосвоенной бесконечности ∞, а может, 8,заключённой в дороге вокруг двух кварталов «Горки»…

Позднее, уже как поднаторелый велосипедист, я освоил некоторые элементы велоакробатики – езду «без ручек». Это когда управляешь велосипедом не касаясь руля, а перемещая свой центр тяжести в сторону предстоящего поворота.

И велосипед понимал меня! Слушался!

~ ~ ~

Другим достижением того лета стало умение открывать глаза под водой. Потому что плотину, где я когда-то оскользнулся с плиты, починили, и получился широкий водоём, куда сходилось множество отдыхающих.

Любимой игрой у мальчиков стала Водные-Пятнашки, по тем же правилам, как у сухопутных. Однако вода препятствует бегу в погружённом состоянии, даже когда ты зашёл

всего только до пояса.

Плывущий движется куда быстрее – бегом не догнать, а вдобавок он ещё и ныряет, меняя под водой курс направления, и неизвестно, где он вынырнет глотнуть воздуха.

Прежде, при нырке мои глаза зажмуривались, сами собой, но ведь только открытыми можно различить, в какую сторону умелькивают белые пятки уплывающего.

Как выяснилось, под водой всё видится в сумраке с желтоватой подсветкой, и не очень-то далеко. Но зато звуки слышны намного чётче и чище. Чтобы убедиться, сядь на дно и постучи парой камешков один об другой.

Ну! Я же говорил! Наверное, это потому, что вода глушит все посторонние шумы.

Правда, долго под водой не высидеть, набранный в лёгкие воздух устремляется воссоединиться с оставшимся выше поверхности, и тянет тебя за собой.

Приходится грести в обратном направлении, а с камешками в руках не слишком-то и погребёшь.

~ ~ ~

Отпуска родителей в то лето не совпали, и они уезжали по очереди.

Сначала Папа навещал свою родную деревню Канино, в Рязанской области. Он и меня взял с собою, только строго-настрого предупредил – в дороге никому не признаваться, что мы живём на Атомном Объекте.

На станции в Бологове нам пришлось долго ждать поезд

на Москву. Папа оставил меня сидеть на чемодане в переполненном зале ожидания, а сам пошёл компостировать билеты.

На скамье неподалёку сидела девочка с открытой книгой на коленях.

Я встал и приблизился к девочке, чтобы заглянуть в книгу ей через плечо. Это оказался «Таинственный Остров» Жюля Верна. Не удержавшись, я прочитал пару абзацев давно знакомых строк, которые мне неоднократно нравились.

Она читала, не обращая внимания, что я стою позади спинки скамьи для ожидающих пассажиров. Мне хотелось заговорить с нею, но я не знал что сказать. Что это хорошая книга? Что я тоже читал её?

Пока я подбирал правильные слова, пришли её взрослые сказать, что их поезд уже прибывает. Они ухватили свой багаж, и вышли в дверь на платформу.

Она ни разу не оглянулась…

Потом вернулся Папа с уже закомпостированными билетами. По моей просьбе, он купил мне книгу из книжного киоска в зале ожидания. Про Венгерского мальчика, который потом стал юношей и сражался с Австрийскими захватчиками его Венгерской родины.

Когда из репродуктора разнеслось невнятное эхо о прибытии нашего поезда, мы вышли на перрон.

Мимо прошёл мальчик лет десяти.

– Видишь? – спросил меня Папа. – Вот это называется –

бедность.

Я посмотрел вслед мальчику и увидел грубо нашитые заплаты на его штанах, которые перед этим не заметил…

. .. .

В Москву мы прибыли на следующее утро. Мне очень хотелось увидеть столицу нашей Родины от самого её начала. Но поезд как на зло ехал очень медленно, а я всё время спрашивал, ну, когда же будет Москва? Пока кондуктор не сказал, что она уже давно, как началась.

Однако за окном вагона тянулись такие же развалюшные избы как на Валдае, только числом побольше, и потесней опёршиеся друг на друга.

Они никак не хотели кончаться, и только когда поезд втянулся под высокую крышу вокзала, я поверил, что это мы – в Москве.

Выйдя из вагона на гулкий перрон, мы пешком отправились на соседний вокзал, который оказался совсем рядом. Там Папа опять закомпостировал билеты, однако теперь поезд нужно было ждать до вечера, поэтому он сдал чемодан в камеру хранения, и мы сели на экскурсионный автобус в Кремль.

Внутри Кремлёвских стен всех экскурсантов строго предупредили, что ничего нельзя фотографировать. Папе пришлось показать, что это его самодельный радиоприёмник у меня на плече в кожаном футляре, а не фотоаппарат, чтобы мне позволили носить его и дальше.

У домов посреди Кремля все стены белые, а возле них тёмные Ели. Их мало, однако густые и высокие.

Нашу экскурсию привели к Царь-Колоколу, одна стенка у которого разбита. Это случилось, когда Царь-Колокол упал со своей колокольни, и с тех пор не может звонить, а просто стоит на земле, для экскурсий. Но это жалко, послушать бы…

А когда мы пришли к Царь-Пушке на высоких колёсах, я сразу же взобрался на груду больших полированных ядер у неё под носом, и сунул голову в её пасть. Там оказались круглые стенки, как в большой трубе, но с очень глубоким слоем пыли со всех сторон.

– Чей это мальчик? – закричал снаружи пушки какой-то дяденька в сером костюме, который выбежал из-за ближайшей Ели, но вовсе не из нашей экскурсии. – Уберите ребёнка!

Папа признался, что я – его ребёнок и, пока мы не покинули Кремль, ему пришлось держать меня за руку, чтоб я ещё куда-то не засунулся, хотя руке жарко было…

. .. .

Когда автобус вернулся на вокзал, Папа сказал, что ему нужно купить наручные часы, вот только денег не очень много. Поэтому мы зашли в магазин, где были одни только часы в стеклянных ящиках на столах и в шкафчике, но тоже стеклянном, и Папа спросил меня какие же ему выбрать.

С учётом его жалобы на безденежье, я указал пальцем са-

мые дешёвые, за семь рублей. Однако Папа всё равно купил дорогие, за сиреневые двадцать пять рублей, где белый бюст Ленина в профиль…

~ ~ ~

В деревне Канино мы жили в избе Бабы Марфы, которая состояла из одной большой комнаты с парой окон в стене напротив большой Русской печи. Из тамбура перед избой (который называется «сени») есть дверь в маленький двор с дощатым забором и жильём коровы, но я туда не заходил, потому что в навозе не осталось места, куда ногу поставить.

Под правым боком избы стоял сарай, опёртый на неё, и тоже из брёвен. Окошек в нём совсем не было, а только дверь и клочки старого сухого сена, и сильный запах пыли.

В самом углу я нашёл три книги: исторический роман про генерала Багратиона, в момент войны 1812 года против Наполеоновского нашествия, повесть об установлении Советской власти на Чукотке, где за Белыми пришлось гоняться на собачьих упряжках, и «Маленький Принц» Антуана Сент-Экзюпери…

Один раз сестра и брат Папы приходили в гости. Они жили в той же деревне Канино, но рабочие смены колхоза слишком длинные. По этому случаю, Баба Марфа сготовила большой жёлтый омлет, а другие обеды я не помню…

. .. .

Деревня разделялась надвое ложбиной, где течёт широкий тихий ручей. Оба берега в сплошной стене Ивняка с

длинными листьями, который местами даже смыкается над головой.

Но сам ручей неглубокий, чуть выше колен, с приятным песчаным дном. Мне нравилось бродить в его медленном течении…

Один раз Папа повёл меня на речку Мостью. Идти туда неблизко, зато достаточно места для плавания от одного заросшего дёрном берега до другого.

На обоих берегах оказалось немало отдыхающих людей, человек 20. Наверное, из деревень по соседству.

На обратном пути мы увидели комбайн, который убирал рожь в придорожном поле. Когда он проехал мимо к другому концу, Папа рассердился и сказал: «Тьфу!..»

Как оказалось, комбайнёр косил только верхушки у колосьев, чтобы побыстрее закончить, но когда увидел незнакомца в белой майке, тем более с мальчиком городского вида, то решил, будто мы тут проезжее начальство из района. И тогда комбайнёр начал косить уже под самый корешок, как очковтиратель какой-то…

. .. .

Возле сарая Бабы Марфы появился большой стог сена для её коровы, а когда Папа и его брат начали какой-то ремонт в материнской избе, то Баба Марфа перешла ночевать в сарай, а постель для меня и Папы стелилась наверху стога.

Спать там было удобно и приятно из-за запаха высыхающей травы, но немного непривычно, и даже чуть-чуть страш-

новато, что так много звёзд смотрят на тебя всё время. К тому же, ни свет ни заря начинают кричать петухи деревни, а потом так вот и лежи в серых сумерках, пока снова заснётся…

Однажды я отправился против течения ручья и, по дну его русла, добрёл до следующей деревни, где деревенские мальчики запрудили его земляной плотиной с дёрном, чтобы было, где купаться.

Но после этого я заболел, и меня отвезли обратно, в ту же самую деревню в верховьях ручья, потому что только там был лазарет с тремя койками.

На одной из трёх я болел целую неделю, читая «Знаменосцы» Гончара, а заодно лакомился клубничным вареньем. Банку с вареньем принесла сестра Папы, тётя Шура, а может быть жена его брата, тётя Аня, потому что они тогда вместе пришли меня проведать…

Так мы провели Папин отпуск и вернулись на Объект

~ ~ ~

Вскоре после нашего возвращения, Мама взяла Сашу с Наташей и поехала на Украину, проводить свой отпуск в Конотопе. Опять мы с Папой остались – только два мужика.

Он готовил вкусные макароны по-Флотски, и рассказывал мне подробности жизни моряков.

Например, на корабле многие команды подаются трубой, и она не просто дудукает как пионерский горн, когда тот вместе с барабаном сопровождает Знамя пионерской дружины

на торжественной линейке. Нет! Корабельная труба играет по-разному для каждого случая.

В обед труба выпевает: «Бери ложку, бери бак и беги на полубак».

«Бак» – это котелок, куда матросу выдают обед, а «полубак» – то место на корабле, где корабельный повар-кок своим черпаком разливает экипажу по бакам, чего уж у него там настряпано.

И Папа объяснял мне разные морские слова. «Клотик» – это самая макушка у самой высокой мачты корабля. Когда хотят подшутить над молодым матросом, ему дают чайник и посылают принести чай с клотика.

Новичок, конечно, не знает, где это, и ходит по судну с чайником – расспрашивает, как туда пройти, а старые морские волки посылают его в разные места или в машинное отделение, просто так, для смеха…

А ещё Папа говорил, что некоторые зэки, которые прожили на Зоне слишком долго, уже не могут жить на свободе. И поэтому один рецидивист, когда закончился срок, просил начальника лагеря не выпускать его, а держать дальше. Но начальник Зоны сказал: «Закон есть закон! Уходи давай!»

А вечером рецидивиста опять привезли на Зону, потому что он убил человека в соседней деревне, и убийца кричал: «Говорил я тебе, начальничек! Из-за тебя душу невинную пришлось загубить!»

На этих словах у Папы глаза смотрели вбок и вверх, и даже

голос его менялся как-то…

~ ~ ~

Некоторые книги я перечитывал. Иногда даже и не один раз, но не сразу, конечно, а спустя какое-то время.

В тот день я перечитывал книгу рассказов про революционера Бабушкина, которую мне вручили в конце года за хорошую учёбу и активное участие в общественной жизни школы.

Он был простым рабочим и работал на богатеев-фабрикантов, перед тем как стать революционером, однако во время революции 1905 года Бабушкин пропал без вести.

Когда Папа позвал меня из кухни идти обедать, я пришёл и начал есть вермишелевый суп, а потом спросил: «А ты знаешь, что до Октябрьской Революции, на заводе богача Путилова, рабочих заставили однажды трудиться сорок часов подряд?»

И Папа мне ответил: «А ты знаешь, что твоя Мама поехала в Конотоп с другим дядей?»

Я поднял голову над тарелкой.

Папа сидел перед нетронутым супом и смотрел на занавеску в кухонном окне. Мне стало страшно, я заплакал и сказал: «Я убью его!»

Но Папа всё так же смотрел в занавеску, и он сказал: «Нееет, Серёжа, убивать никого не надо».

Голос его звучал чуть гнусаво, как у того рецидивиста-душегуба, который хотел и дальше оставаться на Зоне.

Потом Папа попал в Госпиталь Части и два дня соседка, которая въехала в комнаты сокращённых Зиминых, приходила к нам на кухню готовить мне обед. На третий день вернулась Мама с моими братом-сестрой…

. .. .

Мама пошла проведать Папу в Госпитале и взяла меня тоже. Папа вышел во двор в синей пижаме. Там всех переодевают в такие же.

Родители сели на скамейке и сказали мне идти поиграть. Я отошёл, но не очень далеко и слышал, как Мама что-то быстро-быстро говорит Папе тихим голосом.

Он смотрел прямо перед собой и повторял одни и те же слова: «Дети вырастут – поймут».

(…когда я вырос, то понял, что из Конотопа опять пришло письмо с доносом, только на этот раз прямо Папе, а не в Особый отдел.

Зачем?!. Ведь это не сулило доносчику дополнительной жилплощади или каких-то других улучшений быта. Или, может, просто по привычке? Или, может, это вовсе не сосед был?.. Просто некоторые люди, когда им плохо, думают, что полегча́ет, если сделать плохо кому-то ещё. Не думаю, что это срабатывает, но знаю, что есть такие мыслители…

И я ни разу не спросил моих сестру-брата, ездил ли с ними в отпуск какой-то дядя, но я знаю, что так оно и было.

Мама построила свою защиту на контратаке против

непутёвого поведения Папы в Крымском санатории, куда он ездил по путёвке профсоюза один, годом ранее.

Там он стал настолько легкомысленным, что и не догадался даже скрыть следы своего легкомыслия.

Маме пришлось отстирывать улики с его трусов в стиральной машинке «Ока»…)

Потом Папа выписался из Госпиталя, и мы стали жить дальше…

~ ~ ~

В школе, наш шестой класс перевели обратно на второй этаж в главном здании. Из-за беспрерывного чтения книг, вперемешку с телевизором, времени на домашние задания у меня, практически, не оставалось, учителя меня стыдили, но продолжали ставить хорошие оценки, просто по привычке…

В общественной жизни школы я сыграл роль Коня в инсценировке силами пионерской дружины школы. Эта роль досталась мне потому, что Папа сделал большую лошадиную голову из картона, и на сцене я представлял собой конскую голову и передние ноги.

Мои руки и плечи скрывала большая шаль, и она же, заодно, прятала ещё одного мальчика, который в согнутом положении держался за мой пояс, исполняя роль задней части четвероногого. На сцене лошадь не говорила никаких слов, потому что просто приснилась лентяю в виде ужасного кошмара, чтобы он от испуга начал хорошо учиться.

Постановку мы представили в школьном спортзале, и в

Клубе Части, и даже ездили на гастроли за Зону – в клуб деревни Пистово. Повсюду выход коня на сцену вызывал оживление в зале.

~ ~ ~

Кроме кино в Клубе Части, я иногда ходил в Дом Офицеров, попросив у родителей деньги на билет. Там я впервые посмотрел Французскую экранизацию «Трёх Мушкетёров».

Перед сеансом, в толпе, заполнившей просторное фойе, ходили нехорошие слухи, что фильм не привезли. Вместо него покажут другое кино, и не придётся возвращать деньги за проданные билеты.

Чтобы не вслушиваться в такую жуткую весть, я безотрывно разглядывал парадный портрет Маршала Малиновского. Он своей рамой занимал полстены фойе, иначе бы не поместились все его ордена и медали.

(…моё «я» из того периода ещё и слыхом не слыхивало про Эдди Мёрфи, и не сомневалось, что Германию во второй Мировой войне мы победили один на один, потому что Советский народ в любую минуту готов умереть за нашу Советскую Родину, бросившись под танк или на амбразуру дзота, ну, а к тому же у нас имелось непревзойдённое вооружение – «катюши» (то моё «я» не знало, что каждая «катюша» монтировалась на Американский «студебеккер»)…)

Коллекция разноцветно блестящих кружков, крестов, звёзд – пришпиленных, привинченных, приколотых для экспозиции на Маршале, не оставляла ни одного живого или

свободного места на его парадном кителе, а медали меньшего достоинства болтались ниже пояса, – на чреслах, словно полы кованой кольчуги.

И я дал слово окольчюженной Модели, что не пойду смотреть ничего другого, пусть хоть и не вернут мне деньги за билет.

Однако тревога оказалась ложной, и счастье, щедро сдобренное звоном шпаг, длилось целых две серии, к тому же в цвете!

~ ~ ~

Освоение Библиотеки Части достигло своего апогея. Дальше или больше, или выше – некуда. Меня давным-давно перестали пугать картинки в просторной пустой прихожей, а кроме того я стал заправским полколазом.

Полки книжного лабиринта настолько тесно толпились одна к другой, что я наловчился восходить до самого потолка, упираясь ногами в полки по обе стороны узких проходов.

Не скажу, что на недосягаемых прежде высотах нашлись какие-то особые книги, однако приобретённые навыки альпинизма повышали моё самоуважение. Как и тот случай, когда Наташа оторвала меня от диванного чтения известием про сову в подвале углового здания.

Конечно же, я сразу выбежал вслед за сестрой.

Коридор подвала освещался одинокой лампочкой, чудом уцелевшей в эпоху «шпоночных» войн. В конце коридора, под проёмом в приямок, на полу сидела большая птица, куда

крупнее совы. Это был настоящий филин, который сердито вертел своей ушастой головой и щёлкал крючком носа. Не диво, что детишки не решались подойти.

Мои дальнейшие действия развивались буквально сами по себе, и оставляли впечатление, будто мне каждый день приходится общаться с приблудными филинами.

Сняв клетчатую рубашку, я набросил её на голову птицы. Потом ухватил за когтистые ноги и поднял над полом.

Филин не сопротивлялся под покровом из моей одежды. Куда теперь? Домой, конечно, тем более что я в таком полураздетом виде.

Мама не согласилась держать у нас такого великана, хотя в квартире соседей Савкиных жила здоровенная ворона.

Но Мама возразила, что бабушка Савкиных день-деньской подтирает вороний помёт по всей квартире, а кто у нас будет, если все на работе и в школе?

Скрепя сердце, я пообещал наутро отнести филина в школьный Уголок Живой Природы, потому что там уже жили белка и ёж, в отдельных клетках. Только пусть до тех пор посидит пока в ванной.

Чтобы филин подкрепился, я отнёс туда краюху хлеба и блюдце молока. Он грустно сидел в углу, и даже не взглянул на пищу, опущенную на плитки пола. Уходя, я выключил свет, в надежде, что будучи ночным хищником, он и по тёмному найдёт.

Утром, самым первым делом, я включил свет в ванной,

но увидел, что филин к еде и не притрагивался даже. И он ничего не съел, пока я завтракал на кухне, хотя на этот раз свет в ванной оставался включенным, специально. Нет, это не добавило ему аппетита.

Потом я оделся, схватил его за голые ноги и понёс в школу.

Наверное, филинам неудобно висеть головой вниз, потому что этот постоянно подворачивал свою кверху. Насколько пускала шея. Иногда я отдавал свой портфель брату и нёс птицу обеими руками, в привычном ему положении, головой вверх.

Когда со взгорка открылся далёкий вид на школу, голова филина уронилась, и я понял, что он мёртв. Я даже несколько обрадовался, что ему не придётся жить в неволе Живого Уголка, где так плохо пахнет.

Покинув тропу, я спрятал его в кустах, потому что однажды видел ястреба, повешенного на суку старого дерева на Бугорке. Я не хотел, чтобы из моего филина выдирали перья и всячески увечили, пусть даже и после его смерти…

Впоследствии Мама говорила, что птица умерла, скорее всего, от старости и пряталась в подвале, чтобы сдохнуть.

(…но я думаю, всё так случилось затем, чтоб мы с ним встретились. Он явно был посланником ко мне, просто я ещё не разгадал послание… Птицы они ведь не только птицы, об этом ещё и авгуры знали…

Мой дом в Степанакерте стоит на склоне глубокого овра-

га, позади Роддома. Самый крайний дом в тупике, воистину тихое место.

Однажды, приближаясь к дому, я увидел птицу, не больше воробья, в сухой траве поздней осени, чуть в стороне от тропинки.

Неверными путающимися шагами, она брела через ломкую траву, будто тяжко раненная, волоча за собой свои крылья. Я взглянул мимоходом и пошёл дальше, под грузом собственных проблем…

На следующий день мне стало известно, что именно в тот момент, чуть глубже в овраге, зарезали молодого человека – наркушные разборки.

Та птичка была душой убитого, и в этом никто меня не переубедит…)

~ ~ ~

Осенью после лета в раздельных отпусках, старшая часть нашей семьи ударилась в грибничество.

Конечно, грибов на Объекте хватало, два шага в сторону от торной тропы дом—школа—дом, и вот тебе – опята, моховики, подосиновики, не говоря уж о сыроежках и волчьем табаке (который абсолютно несъедобен, однако тоже гриб), просто у прохожих нет времени отвлекаться на грибное изобилие…

Но когда получаешь бумажку с разрешением покинуть Зону на весь воскресный день, а сверх того предоставлен грузовик для вывоза группы грибников за Зону, «тихая охо-

та» начинает выглядеть привлекательней. Наверное, все эти удобства и раньше скрашивали жизнь обитателям Объекта, только родители не пользовались ими, пока не грянула необходимость покрепче помириться, после раскольного лета.

(…естественно, в ту осень я ничего такого и не думал даже, а просто радовался, что еду с родителями в лес, что будем собирать грибы… Нет, не искать, а именно собирать те, которые соизволят найтись. Сколько бы ни искал, толку не будет – даже если они под самым носом – пока сами тебя не окликнут. Без зова – проходишь мимо, они другого дожидаются кого-то.

Понадобилась жизнь, чтобы понять – это касается не только грибов, но и любой другой неживой (Ха!), неодушевлённой (да, ну?) вещи…)

Специально для грибных воскресений, Папа сделал три ведра из крепкого картона, лёгкие и вместительные. В лесу Зонные грибники расходились почти по одиночке, изредка обмениваясь далёкими «Ау!», по которым не угадать кто это кричал и откуда.

Мне нравилось настороженно бродить по тихому осеннему лесу, влажному от тумана и измороси. Конечно, мы не собирали слишком хрупкие сыроежки, но подосиновики, маслята. моховики были хорошим сбором.

Папа сделал маленький нож каждому, чтобы не портить грибниц, и грибы снова бы росли в своём грибном месте, к тому же, на срезе сразу видно червив гриб или нет.

Самым лучшим грибом считался «белый», только он меня ни разу не окликнул. Незнакомцев я относил Папе, и он объяснял: этот рыжик, это волнушка, а этого выбросить – поганка.

Дома грибы высыпались в большой эмалированный таз, чтобы замочить на ночь вместе с луковицей. Если до утра луковица не посинела, значит в тазу нет ядовитых, и Мама их готовила или мариновала.

Всё было очень вкусно, но ходить за ними по лесу – намного вкуснее.

. .. .

Однажды в воскресенье, когда родители ушли куда-то в гости, мы втроём затеяли беготню по квартире. Пятнашки на троих. Резкий стук в дверь прервал потеху.

На площадке стоял новый сосед с первого этажа, который сказал, что если родители не дома, это ещё не значит, будто можно на головах ходить, а когда они вернуться, им будет сказано, что мы не можем себя вести.

Совсем вечером Наташа прибежала с площадки объявить тревогу – родители шли уже домой, но на первом этаже их задержал своими жалобами сосед из квартиры под нами. Ой, что будет!

Как ей удалось оказаться в нужном месте в нужное время?

Очень просто. Площадка служила как бы продолжением квартиры, и там хватало места играть в волейбол воздушным шариком. Мама стала даже превращать её в спортзал и, когда

не на работе, прыгала там со скакалкой.

Мы наперебой последовали её примеру, но у меня не получалось так же хорошо, как у Наташи, которая чуть что и – на площадку, вот и услышала соседский перехват…

Когда они вошли, лицо у Папы было очень злое. Не снимая пальто, он прошёл на кухню и принёс табурет в комнату родителей. Там он сдвинул дорожку в сторону и хлобыстнул табуретом об пол.

– Потише, да? – прокричал он доскам пола, и ещё раз шарахнул по ним сиденьем табурета. – Так хорошо, а?

Я понял, что нас не станут наказывать, но всё равно както это было не совсем правильно…

. .. .

Для подкрепления в школе, мы брали туда бутерброды, завёрнутые Мамой в газету, чтобы на большой перемене вынул из портфеля, и – съел.

Для Саши с Наташей оба бутерброда она заворачивала в одну газету, потому что они учились в одном классе. Ну и перед выходом в школу мы, конечно же, ещё и завтракали на кухне…

Однако в ту субботу я вышел из дому один и без портфеля, потому что в тот день проводилась военная игра для старшеклассников, а остальным учащимся занятия отменили.

Поделенным на два отряда – «Зелёные» и «Синие» – участникам предстояло уйти в лес в разных направлениях.

Цель игры – выследить противника и захватить их знамя.

Цвет бумажных погон на плечах участников показывал их отрядную принадлежность. Кому отрывали один погон, тот становился военнопленным, сорваны оба – ты убит…

В то утро я пришёл на кухню позже обычного, когда меня будило одевания двойняшек. Однако в этот день военная игра устроила им выходной.

К тому же, весь вечер накануне я кропотливо пришивал на плечи моей курточки бумажные погоны. Поперечные стежки вдоль края бумаги не блистали аккуратностью, но были старательно часты, чтоб затруднить срыв погона…

И из-за этих военных приготовлений, спать я пошёл ближе к полуночи.

Мама уже отправлялась на свою работу и сказала, что есть вчерашние макароны или, если захочу, могу сварить яйцо себе на завтрак.

Пришлось напомнить ей, что я не умею варить яйца. Но она возразила, что это проще простого – за полторы минуты получается яйцо всмятку, а если захочу вкрутую, то варить надо три минуты.

Она даже принесла будильник из своей комнаты, и поставила на подоконник кухонного окна, рядом с грибной банкой…

Такие трёхлитровые банки стояли почти на каждом кухонном подоконнике Объекта. Однако этот не из тех грибов, которые собирают в лесу, он доморощенный. Похожий

на зелёную тину, покрывшую поверхность баночной воды, он, несмотря на гадкий вид, превращал её в приятный напиток наподобие кваса. Однако сам гриб назывался «чайным», почему то.

Когда содержимое исчерпывалось, и прядки гриба начинали цепляться за дно банки, в неё по новой наливали воду, давали настояться и через пару дней (максимум неделю) можно снова пить.

Хозяйки охотно делились кусками гриба одна с другой, а то разрастётся так, что для воды и места в банке не оставит…

Поэтому я наполнил маленькую кастрюлю, как сказала Мама перед выходом, загрузил туда яйцо, зажёг упруго-голубое пламя газовой плиты под кастрюлькой, и засёк время по будильнику.

Прошла ровно минута с половиной. Вода вокруг яйца ничуть не выглядела горячей, и я решил, ладно, пусть будет вкрутую.

Дополнительные полторы минуты тоже дотикались. От воды начал подыматься редкий парок, а на покрытых ею стенках внутри кастрюльки стали появляться мелкие пузырёчки.

И я выключил газ, потому что чётко усвоил инструкцию по варке яиц.

(…поговорку насчёт «первый блин комом» можно смело дополнить, что первое варёное яйцо лучше просто выпить…)

Участники военной игры в большинстве своём пришли в спортивной форме, и никому не хотелось заходить в здание школы. Поэтому все бездельно кучковались во дворе небольшими возрастными группами. В моей, всех удивило до чего плотно сидят на мне погоны.

Я гордо похлопал себя по левому плечу – ни капли не оттопыривается, правда? Не то, что у некоторых – пристёбнуты парой стежков, топорщатся как спина перепуганной кошки, хоть мизинцем срывай.

И тут незнакомый мальчик, наверное, из параллельного класса – ни с того, ни с сего – напал на меня, завалил на землю и подрал мои погоны в клочья.

(…драться я никогда не умел, да и теперь не умею. Скорее всего, обозвал его «дураком» и убежал в лес – домой…)

В лесу я снял свою курточку… Вместо погон осталась только узенькая полоска бумаги по их контуру, обвитая частыми стежками чёрной нитки, сложенной вдвое. Я выщипал бумажные обрывки и рассеял их по опавшей осенней листве.

Возможно, всплакнул даже, что меня так преждевременно убили, и совсем не по правилам, ещё до начала военных действий… А ведь я так мечтал захватить в плен штаб противника…

. .. .

Какое-то время моим излюбленным способом коротать уроки в школе стало составление чертежей моего тайного

убежища – пещеры в недрах неприступной скалы, как у героев «Таинственного Острова» Жюля Верна.

Только в отличие от ихней, в мою можно попасть лишь по подземному ходу, который начинался далеко от скалы, в чаще окружающего леса, ну, а в самой пещере имелся ещё дополнительный ход наверх, в пещеру поменьше, с узкими расселинами бойниц, чтобы следить оттуда, что там вокруг творится.

Конец карандаша, которым я рисовал чертежи, украшала угрюмая резная маска, наподобие длиннолицых идолов с острова Пасхи…

Искусством резчика карандашных концов я тоже овладел в школе. Проще простого, если есть лезвие для бритья.

Отступив от конца полтора-два сантиметра, делаешь поперечный надрез, глубиной до двух-трёх миллиметров. От надреза и до карандашного торца, добавь ещё два надреза, но уже продольных. Начатые из разных точек посередине поперечного, они идут параллельно, на расстоянии в три миллиметра друг от друга. Это – переносица и, для полной ясности, по бокам от неё, используя продольные надрезы, выскрёбываешь 2 углубления до карандашного торца. Их ширина тоже миллиметра три.

Теперь, начав на 1 см ниже носа, ведёшь постепенно углубляющийся и расширяющийся пологий срез к первоначальному надрезу, пока срез не совпадёт с надрезом по глубине и ширине.

В результате нос начинает торчать, а срез становится нижней частью идольского лица. Засечка поперёк него представит узкогубый рот. Краткие прорези поперёк продольных углублений вдоль носа – по одной на каждое – глаза идола.

Только поосторожней с лезвием, оно страшно острое, и невнимательность может привести к порезу пальцев…

Инструментарий резчика по дереву легко найти на полке в ванной. Синяя бумажная коробочка, на ней – рисунок чёрного парусника и надпись «Нева». Внутри – конвертики, тоже синие, с таким же парусником и надпись та же…

~ ~ ~

С приходом зимы у меня на руках начала меняться кожа. В каком-нибудь месте взбугриться сухой клочок. Потрёшь его, потянешь, и – снимается целая кожная полоска.

Я никому не говорил об этом, и за неделю снял всю кожу, как изношенные перчатки, до запястий. Но на ладонях так и не облезла. А из-под снятых полосок обнажалась новая.

(…понятия не имею, найдётся ли научное объяснение подобному явлению, но скромно позволю себе предположить, что причиной ему стала книга, попавшаяся мне на полках Библиотеки Части.

Название, «Человек Меняет Кожу», чем-то оттолкнуло, но вместе с тем, и запомнилось, чтоб впечатлительный ребёнок на собственной шкуре проверил возможность такой смены…)

Меня всегда отличали две врождённые Ахиллесовы пят-

ки: наивность и впечатлительность…

Впечатлившись песней на пластинке в 33 об/мин, я наивно возжелал переписать слова, хоть пелась она на иностранном языке.

Моя попытка списывания не продвинулась дальше первой строчки, но даже столь минималистский результат сеял серьёзные сомнения. Один раз явно слышится «аза лацмадери», а ставишь пластинку по второму кругу – тут уже звучит «эсо дазмадери».

Сколько я ни бился, эти два варианта упорно сменяли друг друга. Но невозможно ведь, чтобы пластинка сама собой менялась, без фабрики грамзаписи!

Проект остался незавершённым…

(…много лет спустя я вновь услышал и сразу же опознал, когда Луи пропел с лазерного диска:

“ Yes, sir, that’s my lady…)

. .. .

Каток за дорогой изначально предполагался для хоккея. Со временем его окружили плотным дощатым бортиком, а в противоположных концах поля поставили хоккейные ворота.

После обильных снегопадов, мальчики чистили поле парой широких металлических щитов, наподобие ножа бульдозера. По верху каждого такого щита протянута длинная горизонтальная ручка для хватания, а толкали его не меньше двух-трёх мальчиков.

Снег переталкивали к бортику напротив раздевалки, и выбрасывали с поля широкими фанерными лопатами. Поэтому позади дальнего бортика образовалась снежная гряда вдвое выше дощатого ограждения.

В искусственных холмах слежавшегося снега, мальчики прокапывали тесные туннели, с развилками и закоулками, как на моих схемах секретного убежища.

Тёмными вечерами мы играли в прятки в тех туннелях, переполненных чёрной, как чернила каракатицы, тьмой, потому что столбы с фонарями стояли только на раздевалочной стороне катка.

Но стоило включить в туннеле фонарик, и – из чернильно-чёрной тесноты – появлялись гладкие, отполированные одеждой ползунов, стены с бессчётными искорками в их льдисто мутной глубине.

~ ~ ~

Год заканчивался. Под чёрным блестящим корешком отрывного календаря на стене, рядом с обледенелым окном кухни, остались считанные листочки размером с ладонь.

Сначала такой календарь содержит столько же страниц, сколько дней в году на его обложке. Плотная масса из сотен листиков, охваченных блестяще-чёрной жестью спинки-корешка, смотрится важной и солидной.

Каждый листок жирным шрифтом предъявлял свою неповторимую дату, а более умеренной печатью сообщал точное время восхода и захода солнца в этот день, добавляя (в от-

дельном столбце символов и цифр) отчёт о текущей фазе луны.

И всю эту компактно напечатанную уйму информации ты должен был оторвать и выбросить, чтобы шагать в ногу со временем.

Усугубляя горечь потери, вместе с информацией, выбрасывался (также безвозвратно) дизайн художественного оформления, в котором данным о движении небесных тел уделялся самый нижний край листка.

По центру стоял тот или иной Член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза (от его макушки до верхнего края плеч пиджака), который родился в этот самый день. Если же какому-то дню не досталось Члена, на выручку приходил портрет того или иного героя Гражданской или Великой Отечественной войны. Оборотная сторона представляла их биографии, но вкратце, из-за маломерности листка.

Раз в два месяца выныривал кроссворд (да, подсказки на обороте), а пятеро из дат печатались жирно красным, потому что они – всенародные праздники: Новый год, Первомай, День Победы, День Великой Октябрьской Революции, и День Конституции.

Но позднее Мама начала покупать отрывной Календарь для Женщин, где с лица, вместо Членов, грустили картинки задумчивых Берёзок, а сзади, вместо биографий, – выкройки для шитья, кулинарные рецепты или другие полезные со-

веты.

У одного из таких советов я научился, как отучить мужа от склонности к спиртному:

“Насыпьте порцию измельчённой жжёной пробки в стакан с вином и угостите своего мужа незадолго до прихода гостей. Когда все соберутся, пробка начнёт оказывать своё действие и выпивоха не сможет сдерживать давление газов в своём желудке, он распукается, ему станет стыдно перед гостями, что и заставит его расстаться с постыдной привычкой”.

Я пересказал этот способ Маме, потому что она часто упрекала Папу за такую же склонность. Однако Мама полезным советом не воспользовалась.

(..тогдашний я не смог её понять – зачем жалуешься, если не хочешь снять причину дискомфорта? Повзрослев, я понял мою Маму, но теперь уже не могу понять способных к печатанию такого идиотизма.

Похоже, с пониманием у меня та же незадача, что и у журавля в известной притче – насилу шею вытащит из топкого болота, глядь, – крыло увязло, крыло вызволит, ан нога застряла…

А или это у меня только с пониманием так?..)

За неделю до зимних каникул классная руководительница объявила, что на школьном Новогоднем вечере будет проведён конкурс на лучший маскарадный костюм, в котором наш класс просто обязан победить.

Меня настолько воодушевила поставленная задача, что не

сходя с места я был осенён идеей бесподобного карнавального костюма – никаких медведей с роботами! Я наряжусь… Цыганкой!

Мама расхохоталась, когда я поделился с ней конкурсным планом, но обещала помочь, потому что у неё оставались давние связи в Танцевальной Самодеятельности.

На мои осторожные расспросы в классе: кто какой костюм задумал для конкурса? – мальчики одинаково отвечали, что никто и не собирался что-то готовить, а придут в своём обычном виде.

Меня гнобила будничность подобной перспективы, потому что на Новогоднем вечере всё должно быть как в кинофильме «Карнавальная Ночь», – чтобы оттуда и отсюда серпантин, и конфетти кружились, словно вьюга…

Наверняка, всё это лишняя паника, как перед демонстрацией «Трёх Мушкетёров», которая всё же состоялась. А если мальчики не явятся в карнавальном, то есть же и другие ребята, особенно в старших классах, для которых Новый год – весёлый праздник…

Мама сделала мне маску как у Мистера Х в кинофильме «Мистер Х», только из чёрного бархата и с дополнительной чёрной сеточкой до середины подбородка. Теперь меня никто не распознает, потому что из Танцевальной Самодеятельности Мама принесла настоящий парик с длинной чёрной косой до пояса, красную юбку, белую блузку с рюшечками и чёрную шаль с большими красными цветами.

Когда я одел всё конкурсное, Мама и её новая подруга, которая въехала в комнаты Зиминых, так и покатились со смеху. Потом они сказали, а что если кто-то меня пригласит на танец? Надо заранее потренироваться.

По их совету, я взял стул и покружил его немного под пластинку с вальсом. Тут они вообще хохотали до упаду и сказали, что мне нужны женские туфли, а чёрные ботинки со шнурками никак не идут под красную юбку.

Туфли тоже нашлись, но они оказались на каблуках, потому что зимой босоножки не носят. Ходить на каблуках – трудно до невозможности, но Мама сказала: «Терпи казак, тренируйся, пока есть время».

. .. .

За час до Новогоднего вечера, мой карнавальный костюм сложили в большую сумку, и я пошёл в школу через тёмный зимний лес.

В школе я пробрался на второй этаж, где свет вообще не включали, и, в одной из тёмных классных комнат, переоделся в свой конкурсный костюм. Я спустился на первый этаж, хватаясь за перила, потому что ходить на каблуках не легче, чем с коньками на ногах.

Свет в вестибюле и коридорах первого этажа был довольно скудным. Но и такого освещения хватало, чтобы разглядеть – все, даже ребята из старших классов, пришли пусть хоть и не в школьной форме, однако же никак не в карнавальном. А где же праздник?! Где серпантин и конфетти?

Пара старших ребят, о чём-то пошептавшись, подошли ко мне: «Погадаешь, Цыганочка?»

Но тут появилась Старшая Пионервожатая школы, и отвела меня в спортзал.

Вплоть до Ёлки и вокруг неё стояли ряды сидений для зрителей предстоящей театральной постановки. Зря я кружил тот стул – танцев не предвидится.

Старшая Пионервожатая посадила меня посреди первого ряда, лицом к пока ещё закрытому синему занавесу. Потом она ненадолго отошла, и вернулась с девочкой в маске и костюме Арлекина – ещё одна такая же дура несчастная, как и я.

Девочку усадили на соседнее сиденье. Других ряженых в зале не оказалось.

Занавес распахнулся, и девятиклассники стали представлять свою постановку «Золушки». Костюмы их мне понравились, особенно клетчатая кепка Шута…

Спектакль окончился, все начали хлопать, а я понял, что сейчас даже Шут переоденется в свои штаны с пиджаком.

Покинув хлопающий зал, я поднялся наверх, в тёмную комнату, где оставлял свою одежду, и переоделся обратно.

Какое блаженство сунуть ноги в свои валенки после мучительских каблуков!

В дверях школы я столкнулся с Мамой и Наташей, которые пришли полюбоваться моим маскарадным триумфом. Я коротко им объявил, что никакого карнавала нет, и мы по-

шли домой через всё тот же тёмный лес.

~ ~ ~

(…счастливым быть проще простого – живи не оглядываясь, и очень скоро память сделает своё дело, – забудет и сотрёт все твои промахи, горести, боли. Смотри всегда вперёд – навстречу удовольствиям, успехам, праздникам…)

Хотя Новогодний вечер в школе провалился, впереди ждали долгие зимние каникулы и целых семнадцать серий «Капитана Тэнкеша» по телевизору!

Он будет скакать на коне, рубиться на саблях и дурачить Австрийских оккупантов его Венгерской Родины.

В комнате родителей, как всегда, Новогодняя Ёлка касалась потолка рубиновой Кремлёвской звездой на своей макушке. Среди блеска игрушек висели шоколадные «Мишка в лесу» и «Мишка на Севере», а также «Батончики», хоть и не совсем из шоколада, но тоже сладкие…

После провального карнавала жизнь улыбалась вновь…

. .. .

В Новогоднюю ночь Папа работал в третью смену, чтобы не гасли гирлянды огоньков на Новогодних Ёлках в домах Объекта. А в первое утро Нового года Мама ушла на свою работу, чтобы не иссякала вода в кухонных кранах…

В наступившем году я проснулся поздно, когда Папа уже вернулся с работы. Он спросил, кто приходил минувшей ночью, и я ответил, что Мамина новая подруга из квартиры Зиминых заглядывала на минутку.

Потом я читал, сходил на каток поиграть в хоккей в валенках, и снова вернулся валяться с книгами на большом диване…

Я смотрел концерт Майи Кристалинской по телевизору, в её обычной широкой косынке вокруг шеи – скрыть следы личной жизненной драмы, когда Мама пришла с работы. Из комнаты родителей я выбежал в прихожую, куда и Папа уже успел придти из кухни.

Он стоял перед Мамой, которая ещё не успела снять пальто. Потом, пока они так стояли – странно неподвижные, уставясь друг на друга, – что-то непонятное произошло с Папиной рукой. Она, единственная в этом застывшем противостоянии, пошевельнулась, чтобы всплыть и как-то без размаха, а только кистью шлёпнуть по каждой Маминой щеке. Ладонью справа, тылом слева…

Она сказала: «Коля! Ты что?»– и залилась слезами, которых я никогда у неё не видел.

Папа начал кричать и показывать блюдце, найденное позади занавески кухонного окна, на подоконнике. Мама хотела что-то объяснить про свою подругу, но Папа закричал, что женщины Беломор-Канал не курят.

Он вскинул на себя свой овчинный полушубок, схватился за дверную ручку и вскрикнул напоследок: «А ведь клялась, что даже срать не сядешь с ним на одном гектаре!»

Дверь бешено хлопнула, Мама прошла на кухню, а потом через площадку к своей новой подруге, в бывших комнатах

Зиминых.

Я одел пальто и валенки, и снова пошёл на каток. По пути я встретил сестру-брата, которые оттуда возвращались, но ничего им не сказал про то, что там случилось.

На катке я пропадал до полной темноты. На игры не тянуло, но и домой идти я не хотел, а просто болтался без всякой цели или сидел возле печки в сушильне рядом с раздевалкой.

Потом Наташа подошла ко мне на совсем уже ночном, безлюдном катке. Она сказала, что Мама и брат ждут меня на дороге, и что дома Папа повалил Ёлку на пол, а Саньку пнул, и теперь мы идём ночевать у каких-то знакомых.

Под светом одиноких фонарей над пустой дорогой, мы вчетвером пошли в пятиэтажное здание, где Мама постучала в дверь на первом этаже. Там жила семья какого-то офицера с двумя детьми. Мальчика я знал, но его сестра была из слишком старшего класса.

Мама начала раздавать нам бутерброды, которые она принесла с собой, но есть мне не хотелось. Она легла спать с моими сестрой-братом на раскладном диване, а мне постелили на полу, рядом с книжным шкафом.

Через его стеклянную дверь, я увидел книгу Луи Буссенара «Капитан Сорви-Голова», и попросил разрешения почитать её (уже не раз прочитанные мною строки), пока свет из кухни доходил, под шторой, до ковра, где мне постелено…

. .. .

Утром мы ушли из пятиэтажки, и пересекли Двор к одно-

му из угловых зданий. Хоть я и знал, что это общежитие для офицеров, но ни разу прежде в него не заходил.

В длинном коридоре на втором этаже, Мама сказала нам подождать, потому что ей надо поговорить с дядей (она назвала имя, но я его напрочь не помню).

Втроём, мы долго, совершенно молча, ждали на площадке, но через какое-то время в коридоре появилась Мама и повела нас домой. Она открыла дверь своим ключом.

Из прихожей, через распахнутую дверь в комнату родителей, виднелась Ёлка, что лежала на боку возле балконной двери, на ковре вокруг валялись россыпью осколки её украшений. Они не блестели.

Дверь шкафа стояла настежь, перед ним грудилась мягкая куча из Маминых платьев, все до единого разодраны от воротника дóнизу… Мама негромко всхлипнула уже знакомыми мне слезами…

. .. .

Папа не приходил домой целую неделю, потом Наташа сказала, что он к нам возвращается. Так это и случилось на следующий день.

И мы опять стали жить дальше…

~ ~ ~

Перед началом школы я нашёл газетный свёрток у себя в портфеле. Забытый бутерброд провалялся в нём все каникулы несъеденным. Ветчина испортилась, и провоняла весь портфель. Мама промыла его изнутри с мылом, и запах

уменьшился, но не до конца…

В школе объявили сбор макулатуры, и после уроков пионеры нашего класса, группами по трое-четверо, заходили в дома Квартала, стучали в двери квартир и спрашивали, нет ли макулатуры. Иногда нам давали целые кипы старых газет и журналов, но я так и не пошёл в угловое здание с общежитием офицеров.

Вместо этого, я предложил сходить в Библиотеку Части. Там нам охотно дали несколько стопок списанных книг. Некоторые совсем изношенные и подранные, а другие вполне свежие, как, например, «Последний из Могикан» Фенимора Купера, с красивыми гравюрами. В книге не хватало всего-то нескольких страниц, в самом конце.

Но мне всё равно никогда не нравилось, что Ункас в тех страницах гибнет.

. .. .

Как-то вечером, когда мы играли в прятки в снежных тоннелях вдоль бортика катка, один старшеклассник начал доказывать, будто он сможет поднять пять человек сразу, и очень даже запросто – одной рукой.

Это казалось настолько невозможным, что я поспорил с ним. Он только предупредил, что пятеро должны лежать плотной группой, чтобы удобней поднимать.

Поэтому он и я, как поспорившие, и ещё несколько мальчиков прошли к Бугорку, куда не доходил фонарный свет катка, зато имелось ровное место.

Я лёг на спину в снег и раскинул ноги-руки, как он объяснял, чтобы четыре мальчика легли на них – по одному мальчику на каждую конечность,– всех вместе пять человек.

Только он даже и не попытался нас поднять – я почувствовал, как чужие пальцы расстёгивают на мне штаны и лезут в трусы, но сбросить четверых мальчиков мне было не под силу, и я только орал не помню что.

Потом я вдруг почувствовал, что освободился, и увидал, как они убегают. Я застегнул штаны и пошёл домой, злясь на самого себя, что так запросто купился на дурацкую шутку. Опять ходил на клотик с чайником…

(…и только совсем недавно меня вдруг осенило – это не было глумливой шуткой типа «показа Москвы», но проверкой подозрений, вызванных моим костюмом для несостоявшегося конкурса.

Подумать только – чуть не вся жизнь прошла, покуда догадался… И это подчёркивает третью, но, пожалуй, главную из моих Пяток Ахиллеса – тугодумство…)

. .. .

По пути из школы, мой друг Юра Николаенко поделился новостью, что на стенде в Доме Офицеров повесили карикатуру на мою Маму. Она там как бы гадает сама с собой: пойти к любовнику или к мужу?

Мне как-то стало трудно шагать, но я не сказал ни слова, отмолчался. Затем больше месяца я не мог и близко подойти к Дому Офицеров. Но пришлось, конечно, когда там показы-

вали «Железную Маску» с Жаном Марэ в роли Д'Артаньяна.

Перед сеансом, со всем своим нутром сжавшимся от стыда и страха, я приблизился к стенду.

На пришпиленном листе Ватмана висела уже новая карикатура: про пьяного водителя в зелёной телогрейке, который уронил свой грузовик в реку, а его жена и дети дома проливают слёзы. Синей акварелью.

(…в тот миг я испытал огромное облегчение, но почему-то до сих пор передо мной предстаёт карикатура, которую я в жизни и в глаза не видел. Там у Мамы острый нос и длинные красные ногти, когда она гадает: туда или сюда?

Нет, Юра Николаенко мне не описывал картинку, а только пересказал надпись…)

. .. .

Ранней весной Папа вернулся очень расстроенный, после собрания у него на работе. Шла ещё одна волна сокращений, и на собрании сказали, кого же сокращать, если не его?

Так мы начали собирать вещи для погрузки в большой железнодорожный контейнер, как все остальные люди, сокращённые до нас.

Однако грузить их остался один Папа, потому что мы вчетвером выехали на две недели раньше.

В последний вечер перед отъездом, я сидел на диване новой Маминой подруги в квартире через площадку. Та женщина и Мама прошли на кухню, а я остался один с толстой книгой, которую подобрал в макулатуре Библиотеки Части,

а потом подарил этой Маминой подруге.

Там описывалась биография какого-то дореволюционного писателя, среди которой я невнимательно просматривал фотопортреты изредка встречавшихся людей. Почти все с бородой, в непонятных одеждах из другого, дореволюционного мира.

Потом я открыл макулатурный подарок, где-то посредине, и на полях страницы написал «мы уезжаем», авторучкой, что была при мне.

И тут я вспомнил принцип создания мультфильмов, что если на нескольких страницах, идущих друг за дружкой, написать слово – по одной букве на страницу, – а потом согнуть страницы и попустить в ускоренное самолистание – фррр! То буквы, мелькая, сложатся в написанное тобою слово.

И я вписал отдельные буквы в уголках страниц идущих одна за другой «я-С-е-р-г-ей-О-г-о-л-ь-ц-о-в-у-е-з-ж-а-ю».

Но всё-таки мультфильм не получился…

Захлопнув книгу, я оставил её на диване и пошёл через площадку в комнату, где вдоль пустых стен стояли коробки и ящики…

~ ~ ~

Рано утром из Двора отправился небольшой автобус до станции Валдай. Кроме нас четверых, в нём ехала пара семей в свои отпуска.

Когда автобус повернул к спуску до низа «Горки», Мама вдруг меня спросила, с кем нам лучше жить дальше: с Папой

или с человеком, чьё имя я забыл совершенно.

И я сказал: «Мама! Не надо нам никого! Я работать пойду, буду тебе помогать!»

Она промолчала в ответ…

А это были не просто слова, я верил в то, что говорю.

Однако Мама лучше меня знала трудовое законодательство.

У подножия «Горки» автобус остановился на повороте в сторону Насосной Станции и КПП. Начисто забытый (сейчас мною) человек, про которого только что (меня тогда) спрашивала Мама, зашёл в открытую дверь.

Он подошёл к ней, взял за руку, что-то негромко говорил. Я отвернулся и стал смотреть в окно…

Человек вышел, автобус хлопнул дверью и покатил дальше. Через две минуты он остановился у белых решетчатых ворот КПП.

В дверь поднялся краснопогонник – проверить нас и отпускников, а когда вышел, водитель потянул длинный никелированный рычаг, чтобы закрыть её обратно. Автобус зафырчал…

Особо не вдумываясь, я всё же понимал, что уезжаю насовсем, и мне уже никогда больше сюда не вернуться, и не увидеть ни КПП, ни неизвестного солдата, что проплывает за стеклом в автобусном окне и говорит, смеясь, неслышно что и не понять кому, пока его рука сжимает белую трубу в решётке распахнутых ворот… и не одно протечёт десяти-

летие, покуда даже мне дойдёт, что происходящее – не просто расставание с Объектом-Зоной-Частью-Ящиком, а это – (именно так) – я покидаю детство.

~ ~ ~ ~ ~ ~ ~

~ ~ ~ Отроческие заморочки

(…а и на этом уже, пожалуй, хватит. Да, совсем хватит.

Пора эти картошки выгребать из пепла, пока и сами головешками не стали. В угле, конечно, килокалорий до хрена и больше, кто спорит? Но, вместе с тем, сомнительно мне как-то, насчёт вкусовых качеств обугленного ужина. Да и стемнело уже – вон как, а переедание на ночь глядя чревато неблагоприятной аурой поутру, если не раньше. «Ужин свой»,– по совету мудрого диетолога,– «оставь своим врагам».

Хотя хули толку в посторонних мудростях? Аз есмь – взращён, заточен и отформатирован под общество, где каждый человек – друг, товарищ, и брат любому каждому из остальных. Всем подряд, кто только подвернётся.

Чёрт! А ведь таки тянет разбрасываться лапшой, которую когда-то тебе нá уши навешали. Вот почему завёлся я однажды сестре твоей сводной, Леночке, выдавать вариации на тему, будто люди, по природе своей, добры поголовно. Ну, просто пока ещё не каждый людь врубился до чего там, во глубине души людской, всё мягко и гуманно. Однако мы над этим работаем, да. Так что, рано или поздно…

Она – умничка, папе не перечила. Да и зачем, если телек есть? Буквально в тот же вечер, мои грёбаные звёзды, под-

строили показ Шекспировского "Ричарда Третьего". Чарующий образец Англо-Саксонского искусства в интерпретации от Московского театра! Заслуженного. По самые трендовые места.

Заворожили ребёнка! Леночка глаз не сводила, как те люди добрые (просто не все ещё успели докопаться до залежей своей глубинной доброты) друг друга душат и разнообразно в клочья рвут. Ой! А чья эт голова тут на эшафоте завалялась? Опять неприбрано!

А и кто бы сомневался! Наутро она и повтор включила, потому что против Шекспира не попрёшь, это ж классика… Так что я урок усвоил и с той поры завязал косить под проповедника. И с телевизором у меня заключён нейтралитет, вооружённый, в обмен на невмешательство…

Всё это к тому, что если, допустим, у меня вдруг случайно бы завёлся враг, то я уж лучше отдам ему последнюю рубаху, но только не ужин – а фиг тебе, вражина! мне и твоё здоровье дорого! Как завещал моральный кодекс. Так что, губу не раскатывай особо, тем более не картошку из костра.

Ведь это ж невозможно передать – до чего она шедевр кулинарии. А как разломишь её чёрную хрусткую корочку, да прыснешь щепоткой соли в лёгкий парок из сердцевины, то сей минут прозреваешь свет Истины, что никакие кулебяки с камызяками и бефами струганными даже в подмётки ей не годятся. Ни-ни! И близко нет.

Все бланманже, а хоть бы и с фисташками, с ходу отдам гурмана́м натренированным, которые на услажденьях вкуса собаку съели. А мы шо ж? Мы люди простые, тёмные, нам лишь бы гро́ши да харчи хоро́ши.

Да будь я моложе, а не Негром преклонных годов, гнобимым бытовухой и борьбой за выживание, тогда бы ей одной сложил бы оду! Ей – картошечке в костре печёной!

И недаром, во всей херне, которую настряпал Ю. Семёнов, самый пронзительный эпизод – это когда его Штирлиц, он же Советский разведчик Исаев, закатав рукава Фашистской парадной формы, печёт картошку в камине своей Берлинской хазы, чтобы по-людски отметить День Советской Армии и Флота.

Однако – со всей уважухой к его кулинарному патриотизму – фигня всё это. Чтобы по полной кайфовать печёным картофаном, сидеть надо на земле и под открытым небом, да чтоб такой вот вечер темнел вокруг…)

~ ~ ~

В Конотопе, Баба Катя перецеловала нас всех, по очереди, стоявших, от неловкости, столбами посреди кухни, и – расплакалась.

Мать принялась её утешать, да зубы заговаривать. Потом она усекла две детские головки, что украдкой выглядывали из-за недозакрытых створок двери в комнату на всю эту картину Репина «Не ждали».

Меняя общую пластинку, мать спросила для отвода глаз:

«Это Людкины, что ли?»

– Да, это у нас Ирочка и Валерик. Уже такие большие. Девочке три года, а ему скоро два будет.

Когда отец их, Дядя Толик, зашёл после работы в хату, мне впервые в жизни довелось – живьём, а не в кино – увидеть широкую лысину на голове у человека. От самого лба и до ниже затылка. Однако я постарался не слишком уж заметно пялится.

Через час мы с ним на пару пошли встречать Тётю Люду. Её продуктовый закрывался в семь, ну, не самой же ей тащить до дому сумки.

Шагая рядом с Дядь Толиком, я примечаю путь до Путепровода, который в Конотопе всё ещё называют Переездом…

Мне это имя навевает смутное видение толпы в затяжном ожидании перед железнодорожным шлагбаумом.

Опущенная поперечина с чёрно-белыми полосами загородила переезд поверх колеи. Мостовая переезда исполнена из чёрных деревянных шпал, уложенных продольно, чуть ниже уровня головок рельс в железе путей.

Шлагбаумы переезда подымаются, две толпы валят одна другой навстречу – пересечь пути. В гуще течения – пара телег и встречная трёхтонка с деревянным кузовом… мы уезжаем из Конотопа на Объект…

За моё отсутствие, под многорядностью рельсовых путей провели глубокий бетонированный туннель. Отсюда офици-

альное название – «Путепровод», но люди, по привычке, говорят – Переезд…

По ту сторону Переезда-Путепровода торопливо погромыхивают красные длиннотелые трамваи – из Города на Вокзал и обратно.

Центральную часть Конотопа, называют «Город», хотя официально установленных границ у центра нет. Тем он и отличается от лондонского «Сити» или «Кентрона» в Ереване.

В силу чего, по независящим от Конотопчан причинам, их мнения о квадратуре и пределах «Города» могут и не совпадать. Однако Вокзал, который пребывает, технически, в городской черте, к «Городу» никто не причисляет. Эти и другие тонкости мне ещё предстоит усвоить.

Пока мы ждали Тётю Люду с трамвая из идущих в сторону Вокзала, Дядь Толик подговорил меня нагнать её под редкими фонарями спуска в Путепровод. Он останется в сторонке, неприметно. Мне надо ухватиться за любую из её сумок и хриплым голосом спросить: «А для тебя эта не слишком тяжёла?»

Однако тётя Люда меня сразу опознала, хотя Дядь Толик и надвинул мне мою кепку на самые глаза.

Уже втроём, мы двинулись обратно на Нежинскую. Дядь Толик нёс обе сумки, чьё содержимое Тёть Люде оплачивать с получки в её магазине.

Поднявшись из Путепровода, мы пронизали тишину без-

людного Базара, шагая вдоль прохода между его пустых прилавков под высокими скосами крыш. Типа два отряда беседок построились друг напротив друга на торжественной линейке, и позасыпали.

Ещё минут десять, и мы сворачиваем в Нежинскую. Пара далёких огоньков-лампочек на столбах, совсем в глубине где-то, отличают её от прочих улиц полных неосвещённой темноты.

~ ~ ~

Прибытие в Конотоп состоялось накануне последней четверти учебного года. Нам троим, без вариантов, предстояло ходить в Среднюю Школу № 13, благодаря её выгодному расположению. Ворота школы находились точняк напротив улицы Нежинской, оставалось только перейти мощёную ухабистым булыжником дорогу улицы Богдана Хмельницкого.

Среди старожилов данной части города, за учебным заведением закрепилось погоняло «Черевкина школа». Виной тому – богатей из близлежащего села Подлипное, по фамилии Черевко, который ещё при царе построил кирпичный трактир в два этажа на этом месте.

Однако власти Царского режима не позволили ему открыть питейное заведение в такой близи к единственному на весь город заводу, который всё ещё именовался Механические Мастерские. Планы мироеда чреватились явной угрозой сделать весь рабочий класс Конотопа алкашами. Поголовно, в массовом порядке.

Черевко понял, что из-за неподкупности властей ему не удастся споить работяг – (на сумму затребованной взятки легче было построить что-нибудь трёхэтажное), – и подарил готовое здание городу, для размещения в нём начальной школы…

При Советской власти мировоззрение рабочих масс настолько возросло, что нынешние забегаловки придвинулись к тому же производственному центру втрое ближе. Но фига они угадали! После смены рабочие дружно расходятся по домам, а забегаловок (в описываемый период – 3) в упор не видят.

Мировоззрение, – вот что определяет нашу мощь, товарищи!

Оставшаяся на отшибе «Черевкина школа» дополнилась длинным зданием в одноэтажно барачном стиле первых пятилеток. Тоже из кирпича.

Архитектурное пополнение тянулось прочь от булыжного тракта, вдоль тихой улочки с уклоном к Болоту, которое некоторые называют Рощей – кому как привычней,– что отделяет село Подлипное от Конотопа, а возможно, что и наоборот.

. .. .

По пути в школу в первый раз, я как-то всё не догонял, что за фигня эти холщовые мешочки почти при каждом школьнике, из тёпавших в обход апрельских луж в одном со мною направлении – на выход из Нежинской.

Мешочки телипались на типа шнурках-гайтанах для нательных крестов, но намного ниже, – начиная от портфельных ручек. Тем, кто выпендривался щеголеватой папкой из типа кожи (но та позже протирается до картонной основы), приходилось держать шнурок свободной рукой, но и у выпендрил гайтан оттягивался (вместо креста) – мешочком.

Не удержавшись, я спросил, и отвесил челюсть на разъяснение неграмотному мне, что в тех мешочках народ носит свои чернильницы.

Аххре… да, опупел неслабо.

Ни фига себе отсталость! На Объекте у каждого вон персональная авторучка! Раз в неделю засасывает в ампулу чернил из пузырька и – все дела! Может и весь месяц протянуть до следующей заправки, если не шкрябаешь той ручкой день-деньской.

А тут как вроде из эры двигателей внутреннего сгорания угодил во времена дилижансов и почтовых троек! От орбитальных станций и – здрасьте, Лев Толстой, а мы к вам приземлились!..

Однако уже на следующее утро, всё те же мешочки воспринимались, как вполне обыденная деталь пейзажа…

. .. .

Пронзительно-затяжной трезвон электрозвонка полуметрового диаметра, заливал длинный коридор по всей одноэтажке, затем, через входную дверь с крыльцом, переполнял двор «Черевкиной школы» и половодил в три прилегающие

улицы.

Если звон сигналил перемену, ученики спускались с двухметрового, однако узкого крыльца в широкий школьный двор, с могучим Вязом в центре, за побелённым стволом которого притаилось приземистое зданьице с Пионерской комнатой, она же библиотека, с комнатой для уроков Труда, и с глухой «кандейкой», без окон, но с железной дверью, за которой, поставленными к стенке, хранились лыжи до следующего зимнего сезона.

По левую руку от крыльца, дощатые ворота и несостоявшийся трактир загораживали улицу Богдана Хмельницкого, но Тополя-великаны, по ту сторону булыжной мостовой, им скрыть не удавалось.

Направо – спортзал с зарешечёнными изнутри окнами, чтоб уберечь их от мяча на уроках Физкультуры, примыкал к дальнему концу кирпичного барака под прямым углом. Напротив глухой стены спортзального торца стоял уединённый домик туалетов из кирпича в известковой побелке, с парой входов: «М» и «Ж».

На протяжении всей перемены, плотная толпа учеников тусовалась на и вокруг крутого крыльца входной двери в школу. Ребята постарше ловко насестились на боковых перилах крылечной площадки. Согнать их мог только рявк случайно проходящего педагога. От зависти, конечно,что ему не втиснуться между ними.

Учащиеся неохотно подчинялись, но тут же вспархива-

ли вспять, как только нравоучительная спина заглатывалась дверью.

Неиссякающе струился пешеходный поток, направленный в угол двора, к «М»-«Ж»-овым туалетам и обратно.

Однако большинство учеников (да, но не учениц!) сворачивали, не достигая уединённого строения интимных нужд, за угол спортзала.

Тут, в узком проходе между спортзальной стеной и высоким забором соседней хаты, жизнь била ключом в бойкой игре на звонкую монету.

Тут, в школьном Лас-Вегасе, бурлил азарт соревнования в Биток, где ставка (усреднённо) – "пятак" (солидный кружок меди, достоинством в 5 коп.).

Принимались и чуть более низкие ставки, однако не меньше "двушки" (2 коп. одной монетой) или пары по 1 коп.

Если же у тебя белая деньга́, скажем, "десюлик" (10 коп.), "пятнашка" (15 коп.), "двацулик" (20 коп.), или даже "полтыш" (50 коп.), тебе их разменяют – оглянуться не успеешь.

Копейки на кон ставятся буквально – аккуратной стопочкой на мать сыру-землицу (монетка поверх монетки, все "решки" кверху, строго-настрого). И – пошёл биток плясать!

Что такое "биток"? Трудно сказать, у каждого игрока – свой излюбленный кусок железяки: болт, обломок костыля для приколачивания рельсов, блестящий шар из крупногабаритного шарикоподшипника. Ограничений нет, – бей хоть и камешком. И даже отсутствие снаряда проблемы не соста-

вит – тебе тут всякий готов одолжить свой личный биток, только бей.

Что бить-то?

Да вон ту самую стопку-столбик из монет, чудак-наивняк! Любая денюффка. что перебрыкнулась "орлом" кверху – твоя. Укармань, по-быстрому, и – долбай по остальным, лишь бы переворачивались, а если нет, в игру вступает следующий – нацокать и себе "орёликов".

А начинает кто? Ну, с этим всё по законам логики, чья доля в стопке общей ставки выше, тому и начинать клепать не отходя от кассы…

Порою крик «шуба!» сигналил от угла спортзала о приближении кого-то из педагогов мужского пола.

Деньги с земли растворялись по карманам, дымящиеся сигареты укоконивались охватом ладони.

Однако тревога неизменно оказывалась ложной – учитель-мимопроходец держал курс на туалет, где, кроме ряда общих дыр в полу под стенкой, имелась загородка с дверью, а за ней – половая дырка общего назначения для Директора и членов педагогического коллектива, приемлемых в рубрику «М».

И игра катила дальше…

Всего в три кона я спустил пятнадцать копеек, что мать дала мне на пирожок с капустой из школьного буфета.

А интересно, – чего хотел? Виртуозы битка набивали руку дома, часами упражняясь излюбленным снарядом, а мне

пришлось бить одолжённым.

Может и к лучшему – не успел пристраститься…

(…Конотопская «шуба!» уходит корнями к воровскому «шухер!», который берёт начало из Еврейского «цухер!» и у всех одно значение – «берегись!». Школьный сленг «атас!», с Объекта, имеет тот же смысл, но происходит от Французского «атансьон!». Русское дворянство традиционно получали образование на Французском, n'est-ce pas, Lev Nikolaevitch?..)

~ ~ ~

В мой первый школьный день, классная руководительница, Альбина Григорьевна, посадила меня за первую парту, рядом с рыжей худышкой Зоей Емец.

Я ничего ни разу не макнул в чернильницу Зои, однако неоднократный ветеран-второгодник Саша Дрыга, с последней парты в среднем ряду, остался очень недоволен моей дислокацией под Зоиным тощим боком. Об этом он предупредил после уроков, по ходу сверления меня недружелюбным взглядом сквозь чуб своих засаленых волос.

А по пути домой, я познакомился и завязал дружбу с моим одноклассником Витей.

Для непривычного уха, страдающего слишком живым воображением, фамилия его может прозвучать чуть жутковато (хотя подобные фамилии не редкость в Украинском обиходе) – Череп.

Основанием для нашей моментальной дружбы явился

факт попутного шагания вдоль улицы Нежинской, на которой он тоже жил. Правда, дом его находился немного дальше, возле Нежинского магазина, расположенного на равном удалении от обоих концов улицы.

На следующий день я попросил Альбину Григорьевну пересадить меня на последнюю парту в левом ряду, к Черепу. Мы с ним соседи, и сможем помогать друг другу в приготовлении домашних заданий.

Класрук уважила настолько вескую причину, и я избавился от соседства с рыжей Зоей, что не сулило мне ничего хорошего.

За предпоследней партой, прямо перед Черепо-Огольцовской, сидел, маясь одиночеством, Вадик Кубарев. Сложившаяся ситуация незамедлительно вылилась в наш тройственный альянс.

По сути, фамилии до такой степени наносные вещи, что ими пользуются одни только учителя. В условиях живого общения между адекватными людьми, Череп обернётся «Чепой», Кубарев непременно огеографится в «Кубу» и так далее.

Что за кликуха мне досталась? «Голый», или «Гольц»?

По логике вещей – ни та, ни другая, естественно. Если имя твоё «Сергей», никто не станет париться с фамилией. Сразу и автоматически, ты для всех – «Серый».

Дружба – это сила.

Когда нас трое, даже Саша Дрыга не слишком наезжает…

Дружба – это знание.

Я поделился популярными примерами поэтического творчества, которые так и не вошли в обязательную программу среднего образования. Тем не менее любой пацан Квартала на Объекте знал их наизусть.

Тут тебе и «Себя от холода страхуя, купил доху я…», и «Огонёк в пивной горит…», и «Ехал на ярмарку Ванька-холуй…», как и другие кратко-ядрёные примеры рифмованного фольклора…

В рамках культурно-познавательного обмена, мои друзья донесли до меня смысл таких устоявшихся Конотопских выражений, как «Ты что? С Ромнов сбежал?», или «Пора тебя в Ромны отправить».

Город Ромны (за 70 км от Конотопа в сторону Сум, общей для всех них столицы) давал приют областной психушке для чокнутых.

~ ~ ~

В то утро смолк звяк битков по копейкам.

В то ясное апрельское утро, ребята стояли и спорили, и никто никого не слушал.

Все ждали подтверждения радостного слуха про ошибку, допущенную вчера Центральным Телевидением в программе теленовостей.

Глупая ошибка. Потому что один парень слышал от ребят школы № 10, что вчера вечером какой-то человек опустился на парашюте в Сарнавский лес, на окраине Конотопа.

И скоро приедет Саша Родионенко, он же Радя, из Города, куда недавно переехал со своими предками, но всё так же учится в нашей школе.

Да не ори ты! Вот, приедет Радя, он подтвердит, в Городе уж точно знают.

Я помнил полёт Гагарина. Или как вскоре после него, Герман Титов летал по орбите весь день, а вечером сказал: «Всем спокойной ночи. Я иду спать».

И отец восторженно хихикнул и сказал настенному радио: «Во дают!»

Наши космонавты всегда были первые, а мы, младшеклассники, до хрипоты доказывали друг другу, кто из нас первым услышал объявление по радио про полёт Поповича, или Николаева, или первой женщины-космонавта Терешковой…

Саша Родионенко приехал, но ничего не подтвердил. Значит – это правда. А программа Время вовсе не ошиблась.

И солнце померкло в трауре…

Космонавт Владимир Комаров…

В спускаемом модуле…

При входе в плотные слои атмосферы…

Погиб…

~ ~ ~

Потом приехал отец, а следом, неделей позже, контейнер с нашими Объектными вещами прибыл на Товарную станцию. Оттуда бортовой грузовик привёз его к воротам Нежинской

№ 19.

Их разложили по всему двору. От ворот до погребника Пилюты: и шкаф, с зеркалом на двери, и раскладной диван-кровать, и два кресла с подлокотниками под жёлтым лаком, и телевизор, и всякую другую утварь. Прибыл также старомодный диван с дерматиновой спинкой, который в хату даже и заносить не стали, – некуда.

(…все мои чувства уместимы в пару слов – «бескрайний ужас», именно туда ввергает их одна только мысль: как смогли десять человек – (две семьи плюс общая Баба Катя) – годами размещаться и жить в одной кухне и одной комнате?

Но я в те годы ни о чём таком не думал, потому что, раз это наш дом, и мы живём, как живём, то по-другому и быть никак не может, всё идёт как надо, живу я здесь, вот и всё, что тут неясного?..)

На ночь, мы с братом укладывались на раскладном диване, в ногах у нас – Наташа, поперёк.

Свои ноги она выпрямляла на стул, придвинутый вплотную. Наши, мои и Сашкины, приходилось подтягивать чуть ли не до подбородка, не то сестричка разбурчится в темноте, начнёт стучать родителям, на их кровати под стеной напротив, что мы брыкаемся.

Ничего себе, а?! Сама может тянуть ноги сколько душе угодно, а если предлагаю местами поменяться – ей со мной, так она только носом крутит…

Семья Архипенко и Баба Катя спали на кухне…

. .. .

Параллельно Нежинской, метров через триста, шла улица Профессийная. Улица с одной только стороной.

Вместо второй протянулась бесконечная стена из высоких бетонных плит, оборонявших Конотопский Паровозо-Вагоно-Ремонтный Завод. Однако в естественном межчеловеческом общении, это аномально бесконечное название подменялось кратким и благозвучным КаПэВэРЗэ.

Именно завод (когдатошние Механические Мастерские) стал причиной факту, что окраинная часть Конотопа, лежащая до Путепровода-Переезда наименовалась Посёлком КПВРЗ. В просторечии кратче, – «Посёлок».

По ту сторону Завода, такая же плито-бетонная стена отделяла его от множества железнодорожных путей Конотопской Пассажирской Станции, а также от прилегающей Товарной, где длинные товарные составы дожидались очереди тронуться по своим разным направлениям, потому что Конотоп – крупный железнодорожный узел.

Товарняки не только ждали, но и формировались в Конотопе. Для этого на Товарной станции имелась сортировочная горка – насыпь с пологим уклоном, на несколько метров выше остальных рельсовых путей. Маневровый локомотив втаскивал на горку вереницу товарных платформ и вагонов, от которой там, наверху, отцепляли, сколько требуется, и те катились обратно, вниз, своим ходом.

Поодиночно, или сцепками скатывались отпущенные части вереницы, перенаправляясь стрелками на нужные пути в сортировочных колеях, где, визжа железом тормозных башмаков, тяжко гахкали об уже отсортированные вагоны, под неразборчивые крики громкоговорителей на столбах, орущих про тот или другой состав, на том или ином сортировочном пути.

Однако при свете дня симфония сортировочной горки не слишком донимала. Её трудовой пульс куда отчётливей всплывал на фоне ночной тиши, по мере затухания прочих трудовых и бытовых озвучек причастных к светлой части суток…

Независимо от времени дня и ночи, когда ветер дул со стороны Поповки (село напротив данной окраины), воздух наполнялся характерной аромой отходов тамошнего спиртзавода.

С лёгкой руки анонимного сентименталиста среди жителей Посёлка, данный атмосферный феномен именовался "Привет Поповки". Звучит не хуже "Красной Москвы", и уж куда как понежней, чем Hugo Boss…

Смрад не то, чтоб наповал убойный, однако лучше не принюхиваться. Во всяком случае, насморк по таким дням считай за дар небес.

– О! Чуешь, как из Поповки приветом потянуло?

– У бедя дасббогг.

– У, блин, везунчик!

. .. .

С Профессийной, Улица Нежинская сообщалась сетью частых улочек.

Первой в ряду связующих транспортных артерий являлась (считая от школы № 13) улица Литейная, поскольку споконвеку выходила к бывшему литейному цеху на заводской территории, но впоследствии упрятанному за бетонную стену.

Затем шла улица Кузнечная, предлагавшая выгодный обзор высокой кирпичной трубы заводской кузни (за уже упоминавшейся стеной).

Потом от Нежинской ответвлялась (это уже миновав нашу хату в № 19) улица Гоголя, невзирая на отсутствие великого классика по ту или иную сторону бетонной стены Завода.

Перечисленные три улицы отличала некоторая прямота, но последующие проулки, до и после Нежинского магазина, являли собой клубок неупорядоченной неразберихи. Распутываясь, он, в конечном итоге, выводил к бетону всё той же стены. При условии общего знакомства с навигацией по переулочным шхерам и фиордам…

. .. .

Нежинский магазин удостоился своего имени за то, что стоял на улице Нежинской. Он был самым большим из трёх магазинов на Посёлке. Которые помельче именовались по их номерам…

Нежинский магазин располагался в одноэтажном, однако

высоком здании кирпичной кладки. При нём имелся проезжий двор без ворот, зато со складскими сараями.

Магазин состоял из четырёх отделов, каждый со своей отдельной дверью на улицу. Замутнённые течением времени жестяные вывески над дверями указывали – куда, за чем заходить: «Хлеб», «Промышленные товары», «Бакалея», «Рыба-Овощи».

«Хлеб» (в первой двери от левого угла) открывался утром и работал до того момента, пока не раскупятся батоны белого и кирпичики чёрного. Исполнив заявленное вывеской назначение, отдел спокойно запирал дверь к своим опустошённым полкам.

Во второй половине дня, по прибытии крытого жестью грузовика-фургона Конотопского хлебзавода, с надписью «ХЛЕБ» на борту, который привозил следующую партию кирпичей-батонов, отдел был вынужден открываться снова. На час-полтора.

Следующий, он же самый просторный из магазинных отделов – «Промышленные Товары».

К пыльному стеклу пары – (симметрично расположенных по обе стороны могучей двери) – витрин, плотно прижимались изнутри многозначительные украшения, исполненные в виде белых коробочек сигнализации о взломе.

За товарами, приговорёнными к пожизненному заключению под стеклом витрин-прилавков, следили три надсмотрщицы-продавщицы, в полуживом от скуки состоянии. С 9 до

6, к ним заглядывали две-три пары покупателей. От силы.

Аборигены Посёлка предпочитали съездить в Город, если возникла надобность в каком-то из товаров промышленной отрасли.

А вот пара продавщиц в отделе «Бакалея» трудились весь день как пчёлки. Иногда к ним даже выстраивалась очередь. Особенно по дням, когда в отдел завозили масло, и ножом, размером с меч гладиатора, они шматовали этот жёлтый куб, взгромозжённый на прилавок около весов. Чтобы отвесить твои двести грамм, включая упаковочный квадрат рыхло-синей слегка влажноватой бумаги.

Когда же в «Бакалею» заходил рабочий Завода КПВРЗ, его обслуживали вне очереди, потому что копейки, зажатые в его кулаке, неоднократно загодя посчитаны. Точняк на бутылку, без сдачи, хоть штангельциркулем проверь.

К тому же, ему надо по быстрому вернуться на рабочее место. Он даже замазутченную спецовку не переодел, чтоб не томились товарищи по труду.

Выбор водок в отделе отличался разнообразием оттенков и наименований. Тут тебе и «Зубровка», и «Ерофеич», и «Ещё по одной…» и так далее. Но все неизменно покупали лишь «Московскую», с бело-зелёной этикеткой.

Дверь в заключительный отдел, «Рыба-Овощи», размещалась за углом магазинного здания. Здесь хранился дух сухой земли от проданной в прошлом году картошки, и длился акт совместной летаргии початой бочки солёных огурцов и за-

пылённых пустых полок. Потому его вообще не открывали. Сердоболие – исконно славянская черта.

А за Нежинским магазином шла улица Слесарная, и улица Колёсная и, в неисследованных пока ещё глубинах Посёлка, другие улицы, переулки, и тупики…

~ ~ ~

В первое же воскресенье после нашего приезда, Тётя Люда вывела меня и моих сестру с братом, по улице Кузнечной, на Профессийную, единственную заасфальтированную улицу Посёлка. По ней мы двинулись в направлении Базара и через пять минут вышли к цели – Клуб КПВРЗ, с киносеансом для детей в три часа дня.

Клуб Завода смотрелся импозантно – здание из двух этажей, но высотой в обычные четыре. Кладку стен и окон разнообразили выступы, арки, столбики, оставляя впечатление кружев из кирпича старинного копчения. Бетонная стена Завода не упустила заграбастать в свою территорию тыл Клубного особняка.

На маленькой площади перед фасадом Клуба, стояло здание Главной Проходной, в таком же изощрённо дореволюционном стиле кладки. Напротив заводского входа-выхода, в архитектуре шёл переход к современной двухъэтажности.

Смену стиля утверждал мутно-стеклянный куб Заводской Столовой. С чахлого газона на левом фланге от стекло-кубизма, за пешеходами присматривал бюст в пенснэ. Без всяких стёкол разумеется, а с дужкой, как у Чехова, изваянной

на носу, для понятки.

Степан Радченко – конотопчанин-революционер. Среди сочувствующих делу революции оказалась всего пара выходцев из Конотопа – Степан да его старший брат.

Впрочем старшему деваться было некуда с его нелегальной должности казначея подпольной РСДРП – (для тех, кто при понятиях, объясним по-людски – братан, каррочи, общак держал бригадный, и не дожил до Октября) – до её раскола на меньшевиков и большевиков. Однако у прохожих такие подробности лучше не выспрашивать…

. .. .

По ступеням внутри гулкого тамбура, мы взошли в узкий, но высокий вестибюль Клуба КПВРЗ.

Его переполняла разновозрастная, но одинаково крикливая детвора, толпясь в очереди к обитой жестью двери. Через квадрат окошка, распахнутый посреди неё, велась продажа билетов на сеанс.

Какой-то пацанёнок, с виду второклассник, начал приставать к Тёте Люде, пытаясь выканючить 10 копеек на билет. Однако она гаркнула разок, и он заткнулся.

Тёть Люду заметно тешила царящая тут атмосфера, радовал случай окунуться в позабытый галдёж малолеток перед дневным кино…

Так я освоил маршрут в Клуб, где, среди прочего всего, размещалась библиотека Завода.

Столы в её просторном зале-прихожей ломились под

многослойными залежами подшивок широкополосных центральных газет. У городской, «РАДЯНСЬКИЙ ПРАПОР», при её более чем скромных габаритах, имелся отдельный стол.

Сквозь стекло в дверцах высоких шкафов проглядывали знакомые ряды никем не читанных работ Ленина-Маркса-Энгельса, и прочих многотомников равносильной популярности.

Следующий зал заполняли широкие ряды стеллажей с книгами для чтения. Излишне долго объяснять, что я мгновенно записался, потому что пара полок с макулатурно затрёпанными сказками, в Пионерской комнате школы № 13, фальсифицировали суть и назначение библиотек.

~ ~ ~

Первого мая наша школа вышла на общегородскую праздничную демонстрацию.

Колонну оживляла красочность парадной формы юных пионеров (верх – белые рубашки, красные косынки галстуков, низ – чем темнее, тем лучше). Прикиды учащихся старших классов отличала общая бесформенность.

Однако юноши в шагающе-вопящей толпоколонне школы № 13 декорировали её весомым украшением из несомых ими голов Членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Каждый из насаженных на струганные палки кровавого окраса чёрно-белый голово-портрет поручался группе из

трёх-четырёх Членоносцев. Они сменяли друг друга, постепенно смываясь, пока почётное бремя нести и украшать не оставалось на самого тупого.

Вслед за группой педагогов, сплотившихся вокруг Директора будто его личная охрана, мы прошагали по ухабам булыжного покрытия улицы Богдана Хмельницкого до Базара, где Профессийная делилась своим асфальтом со спуском в туннель Путепровода.

Подъём в конце бетонированного туннеля вливался в Проспект Мира, который как по струнке пролегал к далёкому мосту в изумительно высокой насыпи железнодорожного полотна. Нырнув под мост, проспект мгновенно выныривал в жилмассиве Зеленчак, чтобы, минуя его кирпичные пятиэтажки, выйти на неоспоримый центра города – Площадь Мира.

Пронзив Площадь Мира по касательной, Проспект Мира отделял от неё здание Горсовета, и без того задвинутое в сквер из густых Каштанов.

Но даже и оттуда, оно продолжало безотрывно смотреть в сторону гранитного кольца вокруг фонтана посреди отделённой Площади.

Фонтан же из кольца и носа не показывал, никогда, чтоб не мешать Горсовету пялиться на замыкающее Площадь здание Кинотеатра «Мир». Кстати, фасадные ступени у него тоже из гранита. Однако, в отличие от некоторых гранитоокольцованных, кинотеатр работал, причём – без выходных.

Средняя из трёх Каштановых аллей сквера, что прямиком вела к ступеням входа в Горсовет, перекрывалась на каждый Божий всенародный праздник. Её баррикадировала высокая красная трибуна, мимо которой прошагивал весь город праздничными колоннами трудовых коллективов. За исключением жильцов пятиэтажек, обступивших Площадь, которые наблюдали демонстрации по-патрициански – свысока. Со своих балконов. Везёт же людям, а?!

По пути к Площади Мира, колонну школы № 13 подстерегали частые стояния на месте, всерьёз и надолго. Приходилось ждать, пока школы предыдущих номеров подтянутся и пройдут вперёд.

Однако трудовые коллективы предприятий пропускали нас, как, например, Локомотивное Депо или, скажем, Дистанция Пути Юго-Западной Железной Дороги.

Белые буквы, рельефно вырезанные из пенопласта, объявляли, контрастно выделяясь поверх малинового бархата щитов с велосипедными колёсами, принадлежность их колонн.

В честь демонстрации, ни одно средство передвижения не шло на риск показаться, хоть случайно, на всём протяжении Проспекта Мира.

Не-а. Ни трамвай, ни грузовик, ни даже легковушка.

Вокруг только люди, множество людей, шагающих в потоке колонн во всю ширь Проспекта или же запрудивших тротуар, чтобы стоять как живые берега, глазея на общее течение.

И это делало Первомай таким особенным, непохожим на другие дни…

На финишной прямой, войдя на Площадь Мира, мы вдруг подменяли торжественную маршировку фривольной рысью.

Мы бежали, как в атаку, задыхаясь от смеха и бега, со скособоченными Членами наперевес, потому что, как всегда, с колоннами случилась перепутаница и нас передержали.

А поскольку школа № 13 занимала предпоследнее место в нумерации школ города, то к моменту, когда мы, в смеси с галопирующим табуном школы № 14, миновали красную трибуну, репродукторы кричали сверху: «На Площадь вступает колонна Конотопского Железнодорожного Техникума! Ура, товарищи!»– И приходилось уракать не себе.

После Площади Мира, Проспект дотягивал до входа в Городской Парк Отдыха, но на большее его уже не хватало. Вправо начинался уклон к улице Ленина, впрочем, до такого мы не опускались.

В ближайшем же из переулков, мы сваливали Политбюрократических Членов и свёртки красных транспарантов в кузов грузовика, который увозил их на Посёлок. Под замок в комнате Завхоза школы. Срок в полгода – до следующей демонстрации.

И мы тоже отправлялись обратно, пешком, далеко огибая Площадь Мира, потому что проходы между домов её периметра перекрыты пустыми автобусами. Лоб в лоб. В просветах между мордами кабин виднеется широкое безлюдье во-

круг сухой огранитченной ямы фонтана, и лениво бродящие фигуры ментов-одиночек.

И всё же это был праздник, потому что перед выходом на демонстрацию, мать уделяла каждому из нас по пятьдесят копеек, с которых даже оставалась сдача.

Мини-кирпичик Пломбира в тонкой бумажной обёртке стоил 18 коп., а Сливочное вообще 13.

Женщины в белых халатах продавали мороженое, стоя над фанерными ящиками, с двойным дном и стенками, на каждом перекрёстке Проспекта Мира, свободного от всех видов транспорта.

. .. .

Когда я вернулся домой, струйки учащихся в белых рубашках и алых галстуках пионеров-ленинцев всё ещё шагали вдоль Нежинской, растекаясь по Посёлку с демонстрации.

И тогда я совершил первый подлый поступок в моей жизни. Самый первый.

Я вышел на улицу и выстрелил из своего шпоночного пистолета в ни в чём не повинную белую спину пионера, прошагавшего мимо.

Он погнался за мной, но я убежал во двор, к Жулькиной будке. Войти он побоялся, и только сыпал руганью в распахнутую калитку. Ему в ответ, Жулька дёргал свою цепь как бешеный, разрываясь в остервенелом лае..

~ ~ ~

Ближе к лету родители купили козу на Базаре, потому что,

когда на Заводе отцу выдали первую получку, и он принёс домой 74 рубля, мать растерянно посмотрела на бумажки в его руках и сказала: «Как? Это всё?»

Предполагалось, что животное облегчит жизнь, но на самом деле, коза её лишь усложнила. Теперь мне приходилось выгуливать рогатую скотину на верёвке, в улицу Кузнечную или Литейную, или во 2-й переулок улицы Коцюбинского, где она грызла пыльную траву под ветхими от погодных условий заборами.

Пить козье молоко я наотрез отказывался, несмотря на ласковые уговоры матери, что оно очень полезно для здоровья.

Спустя непродолжительный период времени, козу зарезали и перекрутили на котлеты. Их я даже и пробовать не стал.

. .. .

Иногда сын Бабы Кати, Дядя Вадя, в свой обеденный перерыв на Заводе, приходил к нам на хату в рабочей спецовке – цыганить у своей матери самогон, потому как хлопцы в цеху ждут. Но она умела отнекаться.

У Дяди Вади были чёрные волосы, гладко зачёсанные назад, и щёточка усов, тоже чёрных, а цвет лица с оливковым оттенком, как у Артура в романе Лилиан Войнич "Овод". На правой руке его не хватало одного пальца, который он утратил в начале своей трудовой карьеры.

– Я сперва не врубился. Ну ладно, вот это мой палец на станке валяется, но вода откуда? Тю! Так это ж у меня слёзы с

глаз, прям на него: кап-кап!– Так вспоминал он этот случай.

Врачи очень хорошо зашили обрубок – гладко, без швов – так, что когда он скручивал дулю, получалось две. Двуствольная (2 в 1), она вызывала смех, и фига с два, чтоб кто-то выдал подобный номер.

Жил Дядя Вадя в доме своей тёщи, возле Автовокзала. На Украинском, проживающего в доме родителей жены называют «примак», от слова «принятый».

Горька примацкая доля! Дядя Вадя объяснял, что примак должен держаться ниже травы тише воды, к тёще обращаться исключительно на «Мама», и уступать дорогу курицам, которых она держит во дворе. И не забыть помыть всё тем же курвам ноги на ночь, когда отправляются спать на насест.

Мы все любили Дядю Вадю, потому что он всегда такой смешной и добрый, и улыбается всё время. Даже здоровался он, как никто другой: «Ну, как вы, детки золотые?»

Когда мать и младшие ходили к нему на день рождения, он подарил им коробочку с домино. Цвета слоновой кости, и коробочка, и домино. Такой изысканно желтоватый.

К сожалению, одной костяшки там недоставало. "Пусто-три". А так всё на месте.

Короче, играть получается. Мы проверяли. Правда, не очень долго. Если знаешь про недостачу, то на игру как-то уже не тянет. Но всё равно, сама игра ещё долго валялась в каком-то из ящиков стола. Несколько лет валялась. Аккуратная такая коробочка с тонкой пластмассовой надписью

«Домино». И цвет изящный такой… Слоновый.

А сын у Дяди Вади уродился с разноцветными глазами – один синий, а другой зелёный…

В возрасте десяти лет, когда Немецкий штаб роты квартировал буквально за стенкой – на половине Пилюты – юный Вадик Вакимов беззаветно вскарабкался на забор, рядом с Вязом за хатой, и попытался обрезать телефонный кабель штабной связи оккупантов.

Немцы на него наорали, но не пристрелили, как принято у всех Немцев в кинушках про войну.

На мой вопрос, как он набрался такой смелости, Дядя Вадя отвечал, что он уж не помнит.

Однако вряд ли он мечтал стать юным пионером-партизаном, посмертным Героем Советского Союза. Скорее всего, его заманили тонкие проводки в разноцветной изоляции, из которых состоит телефонный кабель. А главное – из них плетут различные поделки: разноцветные столбики, перстеньки-колечки всякие…

~ ~ ~

По дороге в Нежинский магазин, меня обогнала пара ездоков на одном велосипеде. Сперва обогнали, а потом, который сидел на багажнике задом наперёд с ногами вразлёт, спрыгнул на землю и вкатил мне оплеуху.

Даже просто пощёчина является беспредельным оскорблением чести, а он с размаху так… а и к тому же, на полголовы ниже меня…

Однако я воздержался затеять драку, потому что второй уже слез с велика. Здоровенный такой бычара.

– Я ж говорил, что ещё получишь.– Сказал коротышка, и они укатили.

Тут мне дошло, в чью спину я стрелял.

. .. .

Сеансы в Клубе начинались в шесть и в восемь вечера. С билетом, купленным сквозь обтянутую жестью дверь на первом этаже, кинозритель восходил на второй, пользуясь парой прямых пролётов из толстенных досок под щедрым слоем красной половой краски.

На мелких плитках керамики в полу площадки второго этажа стоял сумрак. Постоянно.

Неясно откуда он брался, с учётом пары высоких окон в стене напротив кончившихся ступеней, но он никуда не уходил, несмотря на три двери вокруг него.

Дверь направо открывала доступ в небольшой холл с ящиком телевизора на закреплённой к стене полке. Высота от пола до ящика предоставляла желающему среднего роста возможность пощёлкать и покрутить ручки настройки.

Но зря он на это рассчитывал, слепо уставясь утухшим экраном на дюжину коротких рядов из неизменно пустых сидений. Желающего включить его не находилось.

За спиной отсутствующей аудитории, металл окрашенной чёрным арматуры круто взвивался перилами-ступенями лестницы к железной двери в кинобудку.

Холл был из породы проходных – по углам, в одной стене с коматозным телеком, две крупногабаритные двери открывались в один и тот же, бескрайний зал Балетной Студии.

Впрочем, с билетом на сеанс в кармане, там делать, практически, нечего. Так что – назад, в сумрак на площадке, окутавший пару, пока что неисследованных дверей.

Первая дверь по левую руку от всё тех же мощных ступеней никогда не открывалась, будучи дверью на балкон Клубного зала. Следующая за ней, заключительная в площадочной троице, стояла приглашающе распахнутой, пребывая под неусыпным контролем вечно угрюмой Тёти Шуры.

Своим тёмно-клетчатым платком, стоявшим (неизменно!) колом, она смахивала на витязя в дозоре, чья голова покрыта шлемом с шишаком. Оба – (и шлем, и шишак) – кованы из железа, как и положено по технике безопасности средневековья. Князь Владимир Красно Солнышко поставил её тут, чтоб обрывала контрольный кончик твоему билету, прежде чем впустить.

Пол необъятного зала полого уходил, неся с неприметным уклоном плотные ряды сидений из потемнелой древесины, к широкому белому экрану – от стены, до стены.

За ним таилась большая сцена с крылечком и входной дверью у каждой из боковых стен. Однако для концертов и представлений кукольного театра, киноэкран сдвигался влево, до упора, сменяясь тёмно-синим бархатом занавеса сцены.

Открытый балкон патио украшали гроздья алебастровой

лепнины, пока он тянулся вдоль боковых стен.

Однако до сцены он ни с какого боку не дотягивался, заканчиваясь чёрно-головастыми стояками прожекторов, наподобие боевых треног марсиан, напавших на Землю благодаря горячечным фантазиям Герберта Уэльса.

Вдоль задней стены, балконы резко ныряли из обоих углов к своей запертой снаружи двери, чтобы не загораживать бойницы кинобудки.

. .. .

В вестибюле на первом этаже, между дверью с окошечком для продажи кинобилетов и дверью в кабинет Директора, вывешивался список кинофильмов на текущий месяц, писаный кистью по холсту на крепкой деревянной раме.

Фильмы менялись ежедневно, за исключением понедельника, когда их вообще не крутили. Список помогал заранее определиться – в какой день попросить у матери 20 копеек на билет…

Лето абсолютно аннулировало расходы на кино, потому что Парк КПВРЗ – отделённый от спуска в Путепровод длинным зданием в два этажа, жилым, несмотря на ветхость – был создан для экономии.

В Парке, помимо трёх аллей, запертой танцплощадки и протяжённо-объёмистой беседки пивного павильона, имелся также летний кинотеатр под открытым небом. Его дощатые, приличной высоты стены – (особенно задние, по обе стороны от кинобудки) – предоставляли желающему дыры

и щели, расположенные на высоте достаточно удобной для кинопросмотра одним глазом…

Сеанс начинался в девять, когда в летние сумерки закрадывался намёк и обещание сгуститься. Конкретным сигналом начала служил обрыв музыки, которая лилась по парку из мощных динамиков на сцене кинотеатра с момента прихода киномехаников на своё рабочее месте.

Впрочем, этот же сигнал мог означать отмену сеанса, если кассе не удалось продать хотя бы четыре билета.

Казалось бы – как?! Не наскреблось две пары зрителей? Увы, но да, когда новое поколение избирает просмотр фильма из-за пределов кинотеатральной загородки.

Однако полтора часа переминаться с ноги на ногу, пока твой нос уткнут в занозы досок, ошершавленных неумолимым временем и плохо воспитанной погодой… Нет, язык не повернётся назвать такое «комфортным запонением досуга».

А с другой стороны, киномана, сиганувшего через забор, неизбежно обнаружит бдительная тётя Шура (с первого же прочёсывания аудитории на скамейках зала под открытым небом) и выведет, бубня свои негромкие, но угрюмые нотации. Вся из себя такая – педагогиня с шишаком витязя.

В подобных обстоятельствах, истинный фанат киноискусства предпочтёт усесться на какой-нибудь из старых Яблонь, чья молодость прошла, когда кинобудки ещё и в проекте не было.

Если развилка, в которую ты втиснул свой тощий зад, узковата или же сук под задницей чересчур узловат, в следующий раз почешешься прийти пораньше, занять более ВИП-ное древокресло…

Фильм крутится. объятый тёплой темнотой, уже сгустившейся вокруг двух-трёх фонарей в аллеях Парка…

В просветах меж непрглядностями в яблоневой листве, помигивают звёзды летнего неба…

На серебряном экране чёрно-белые "Весёлые Ребята" Леонида Утёсова мутузят друг друга барабанами и контрабасами, а в менее уморные моменты запускаешь руку в переплетения яблоневых веток, чтоб нашарить, где-то в районе созвездий Андромеды и Кассиопеи, несъедобное яблочко, и мелко покусывать его твердокаменный, убойно кислый бок, поглядывая на пляшущие ножки Анюты в исполнении Любови Орловой…

После хорошего фильма, ну, как тот, с Родионом Нахапетовым, где нету драк, войны и Немцев, а просто про жизнь, про смерть, про любовь и красивую езду на мотоцикле по морскому мелководью, зрители выходили за ворота Парка, на неровный булыжник в мостовой улицы Будённого, без обычных бандитских посвистов или кошачьих воплей, а притихшей негустой толпой людей умиротворённых, словно бы сроднившихся за сеанс.

И они шли сквозь темень тёплой ночи, редея рядами на раздорожьях в переулки, к одиночному фонарю столба у пе-

рекрёстка улиц Богдана Хмельницкого и Профессийной, напротив Базара…

~ ~ ~

Но главное, что делает летнюю пору самым притягательным из времён года, – это, конечно же, купание.

Открытие купального сезона на Кандыбине, в конце мая, – знак наступившего в Конотопе лета.

Кандыбино – это ряд озёр для разведения зеркального карпа, и там же, заодно, берёт начало река Езуч.

Когда-никогда, по разделяющим озёра дамбам, проедет обходчик на велосипеде, чтобы хлопцы не слишком-то браконьерили своими удочками. Однако в одном из озёр карпа не растят, оно отдано на произвол пляжников.

Однако для хождений на Кандыбино, надо сначала знать, как туда дойти. Мать сказала, что хотя девушкой она там и бывала, объяснить всё равно не сможет, а лучше спросить Дядю Толика, который и на работу, и с работы, и везде, фактически, ездит на своей «Яве», уж он-то все дороги знает.

Кандыбино, по его наводке, найти проще простого. Гонишь в Город по Проспекту Мира, за мостом железнодорожной насыпи – первый поворот направо; пропустить невозможно – это шоссейка на Ромны.

Потом прямо, до перекрёстка, и там тоже направо, до железнодорожного шлагбаума, за колеёй – налево, вот оно тебе и Кандыбино…

Младшие, дело ясное, тоже увязались. Мы взяли старое

постельное покрывало, чтобы на чём-то загорать, сунули его в сетку-авоську, добавили бутылку с водой, и пошли на Переезд-Путепровод, где начинается Проспект Мира. До железнодорожной насыпи дорога вполне нам известна, после первомайской демонстрации.

Мы прошли под мостом и сразу увидели её, – дорогу вправо вдоль основания крутой высокой насыпи.

Вообще-то на шоссейку она не слишком-то похожа, асфальта нет. Однако довольно широка, к тому же – первая направо. Так что мы свернули и потопали, там дальше перекрёсток должен быть, нет?..

Но чем дальше мы шли, тем у́же становилась дорога, превращалась в широкую тропу вдоль насыпи, потом просто в тропку, а там – и совсем пропала.

Не оставалось ничего другого, как только взобраться на высокую, заросшую травой насыпь, вытряхнуть песок из сандалий, и шагать по шпалам или по бесконечно протяжённой головке рельса. Правда, идти по ней хотя б минуты две – не хватит равновесия, а неравномерно уложенные шпалы из бетона вынуждали делать настолько же неравномерные шаги.

Но мы упорно продолжали путь.

Наташа первой замечала настигавшие нас поезда. Мы сходили на россыпь гравия в обочине, уступая путь слитному грохоту проносящихся вагонов, хлеставших нас тугими клочьями скоростного ветра.

Когда мы дошли до следующего моста, то внизу не ока-

залось ни проспекта, ни улицы, а только другие железнодорожные пути. Наша насыпь заворачивала вправо, в пологий уклон, параллельно с остальными, к далёкому Вокзалу.

Стало понятно, что мы идём в обратном направлении, а вовсе не на пляж.

Впрочем, приуныть мы не успели, потому что далеко внизу, под нашей насыпью, и под насыпью путей, проложенных под мостом, различили небольшое поле.

Две группы, крохотных на таком расстоянии, ребят в лёгких летних одёжках и с такими же, как у нас, авоськами, шагали к зелёной роще за полем, а и с ними, к тому же, был мяч. Куда же ещё, если не на пляж?

Мы спустились с двух высоких насыпей, и пошли по той же тропе через поле, как и предыдущие ребята, которые давно пропали из виду.

Потом мы миновали Осиновую рощу, с очень удобной для шагания веткой железнодорожного пути, с ровно утоптанной землёй вместо гравия между широких деревянных шпал.

За рощей – шоссе с парой шлагбаумов, задравшихся по обе стороны от колеи.

Перейдя дорогу, мы свернули на широкую, местами вязкую тропу средь поросли ярко-зелёных трав. Грудь расправилась осторожным ликованием: Ага, Кандыбино! Не уйдёшь! Потому что той же тропой шли люди явно пляжного вида, в обоих направлениях, но туда больше, чем обратно.

Тропа вывела к широкому каналу тёмной воды между бе-

регом и невысокой противоположной дамбой рыбных озёр.

Однако на этом она не закончилась, а пошла дальше вдоль берега. Мы шагали по ней среди деревьев, покрытых молодой зелёной листвой, для контраста с белыми облаками и солнцем, в лазурной сини неба.

Правильные ряды фруктовых деревьев ничейно-заброшенного сада взбирались на пологий склон вправо от тропы. А канал слева раздался вскоре в озеро с белым песком вдоль берега.

Несколько Сосен сбились в тенистую группу на пригорке, перед которым песок прибрежной полосы сменялся травой, утоптанной вокруг высоких кустов смородины бесхозного сада.

Мы выбрали свободный кусок травы под наше покрывало, быстренько разделись и – бросились по обжигающе горячему песку к воде, летящей, со всех сторон и по всем направлениям, сверкая брызгами, плеща в лица десятков купальщиков, которые вопили, орали, хохотали и, в безудержном веселье, колошматили Кандыбино до белопенности…

Лето! Ах, Лето!..

Как выяснилось позже, Дядя Толик даже и не знал про ту исчезающую дорогу, вдоль подножия насыпи, ведь его мотоцикл, с рёвом выскочив из-под моста на Проспекте Мира, за две секунды долетал к повороту на Ромны, а ногами там топать метров сто с гаком.

~ ~ ~

В списке фильмов на воскресенье в конце июля стояли «Сыновья Большой Медведицы», так что мы с Чепой уговорились не пропустить это кино, потому что Гойко Митич играл там одного из её сыновей.

Этот Югославский Митич часто снимался краснокожим героем вестернов из ГДР, а при его участии даже от восточных Немцев вполне можно ждать неплохое кино. Правда, в Советском прокате эти вестерны становились чёрно-белыми. Наверное, для экономии цветной плёнки.

Конечно, список не сообщал всех этих подробностей, или вообще хоть что-то, кроме названия и даты показа, однако фильмы добирались до Клуба не раньше, чем через полгода после их недельного показа в Кинотеатре «Мир». На следующую неделю, они перекочёвывали в Кинотеатр им. Воронцова на Площади Конотопских Дивизий. Затем пять-шесть месяцев о них ни слуху ни духу, пока не вынырнут в Доме Культуры им. Луначарского, а значит, через неделю максимум, будут крутиться в Клубе. Но откуда бралось всё остальное для заполнения почти ежедневного проката? Такая загадка не всякому Шерлоку по плечу.

Как бы там ни было, имея кинопосещающих друзей, ты без проблематичности мог принимать взвешенное решение.

Нас как-то не особо тянуло в центральные кинотеатры на свежее кино. Не потому что тише едешь – дальше будешь, и лучше уж дождаться отзыва друзей с их безупречным вкусом. Нет, иногда эти эстеты превозносили полное фуфло.

Причина была куда проще, и вместе с тем весомей – билет в Кинотеатре «Мир» обходился в 50 коп. (плюс трамвайные расходы). За тот же самый фильм в к-те им. Воронцова (спустя неделю) выкладываешь 35 коп. (не считая на трамвай). А терпеливо выждав каких-нибудь два сезона, относишь в Клуб вполне приемлемые 20 коп. Пешком.

Согласен, разница не настолько велика, чтоб ты её почувствовал при посещении кино раз в год. Но если ты фанат волшебного искусства, а деньги на билет просишь у матери…

. .. .

В то воскресенье мы втроём – Куба, Чепа и я – сгоняли на Кандыбино на великах. Там мы поплавали и поныряли, по очереди, с самодельного трамплина, когда двое, стоя по грудь в воде, сплетают руки, чтобы подбросить третьего, который на них влазит, хватаясь за две мокрые головы.

Ну и конечно, в пятнашки поиграли, хотя догнать Кубу под водой, даже мечтать нечего.

Потом он и Чепа куда-то запропастились в толпе купальщиков. Я побродил посреди всех тех брызгов-визгов – нет нигде, как в воду канули.

На всякий, я ещё и на тот берег сплавал, который, заодно, – дамба рыбных озёр. Там пара хлопцев удили, потому что и в купальном тоже клюёт, но при этом, пасли момент закинуть удочки в зеркально-карповый рай за дамбой, когда сторож закончит свой объезд.

Чтоб рыбу им не распугивать, тихо-тихо отплыл я обрат-

но. Ещё раз прочесал толпу в воде… Не-а, без толку… Вот и решил, что хватит уже.

На берег выхожу синий от холода, гусиная кожа пупырьями, не меньше тех смородин, которым даже дозреть не дают. А эта пара оболдуев навстречу мне гарцуют от кустов сада, волосы на головах давно сухие. «К-ку-д-да вы д-де-ли-ся?»

– Мы опять заходим! Погнали!

– Вы ч-чё ч-о-кну-лись? Я т-токо-т-токо вылаж-жу!

– Ну так и шо? Погнали!

– А-а б-блин! П-пагнали н-наши г-га-рад-ских!

И, в три пары ног, взбивая пену всплесков, рванули наперегонки, к местам поглубже – нырять, орать, дуреть…

Лето, оно тем и лето, что лето…

. .. .

Куба в кино не захотел, он этот вестерн уже видел, и Чепа тоже передумал. Но это меня не остановило. Я всё равно решил взять у матери 20 копеек, и сходить на шестичасовóй сеанс.

Пригнал велик во двор, захожу в хату, и Баба Катя мне говорит, что родители два часа как ушли вместе с младшими, и она не знает куда.

Ну, так и что? До следующего сеанса ещё три часа, успеют вернуться…

В конце третьего часа я был раздавлен неодолимой тревогой – ну, где же они могут быть?

И я снова спросил, но уже у Тёти Люды. Та с полнейшим

равнодушием (и какой-то даже злостью) ответила: «Да, я бы и тебя не видела». Она всегда такой становится, когда Дядь Толик уезжает на рыбалку.

Прошло ещё два часа, сеанс давно закончился, но, полный предчувствия неизбежной, и даже уже свершившейся катастрофы, я не хотел уже никакого кино.

В приливах растущего отчаяния, мерещились обрывистые картинки грузовика, выскочившего на тротуар, неясно угасающий вой сирены «скорой»…

Одно лишь проступало с полной отчётливостью – у меня больше нет ни родителей, ни сестры с братом.

Наступила ночь. Дядя Толик затормозил перед калиткой, вернувшись с рыбалки, прокатил умолкшую «Яву» через двор, к секции в сарае. Он ушёл в хату, а я, замордованный бедой, расплющенный жерновами горя, так и сидел на траве, рядом с дремлющим Жулькой…

И уже совсем поздно, звякнула клямка калитки. Послышался весёлый голос матери, и Сашка с Наташкой забежали во двор.

Я рванулся навстречу им, разрываемый радостью и обидой:

– Ну где же вы были?!

– В гостях у Дяди Вади,– сказала мать.– А ты что это такой?

Взрыднув, я сбивчиво забормотал про сыновей медведицы и двадцать копеек, потому что не мог объяснить, что мне

на целые полдня пришлось остаться круглым сиротой, лицом к лицу с жизнью без всяческой семьи.

– Мог бы попросить деньги у Тёти Люды.

– Да? Я спросил, где вы, а она говорит, глаза б её на меня не смотрели.

– Что?! А ну, идём в хату!

Дома она скандалила с сестрой, а Тётя Люда отвечала, что всё это брехня, и что она сказала только, что и меня бы не видела, если б я к ней не подошёл. Но я упорно повторял свою брехню.

Мать и Тётя Люда кричали друг на друга всё громче и непонятнее. Баба Катя пыталась их урезонить: «Да, перестаньте, стыд перед людьми! Соседи слышат, на улицу слышно!»

Наташа, Саша, Ирочка, и Валерик, с глазами круглыми от страха, толпились в двери между кухней и комнатой, где Дядя Толик и отец сидели, молча супясь на ящик телевизора в углу…

Так совершилась вторая моя подлость в жизни – возвёл напраслину, оклеветал свою, ни в чём не повинную тётку. И хотя её ответ на мой вопрос, я истолковал именно так, как изложил позднее матери, всё ж, после тёткиных разъяснений, я мог бы признать, да, именно так она сказала. Но нет, не признался в подлой лжи.

Утаённая ложь наполняла меня раскаянием (также невысказанным), чувством вины за громкий скандал в хате.

Я оказался кругом виноватым – перед Тётей Людой с её детьми, перед матерью, которую обманул. Да вообще перед всеми, вплоть до Жульки, что я такой рохля – разнюнился: «Ах, папы-мамы нет дома! Остался один-одинёшенек!»

Моё раскаяние не высказалось, не облегчилось признанием, потому, что нас, героев того времени, не учили просить извинения.

Да, иногда в кино мог услышать, как это делается, в каком-нибудь зарубежном, но киностудия им. Горького не акцентировала подобные моменты.

Поэтому в жизни, если толкнёшь случайно, наступишь, или ещё там что, нечаянно, то: «Звыняй, шо мало!» – За глаза хватало. Ну, типа: видишь, я ж заметил же ж.

Весь этот шум из ничего положил начало медленному, как рост сталагмита, неприметному процессу моего отчуждения и превращения в «отре́занный ломо́ть», как зачастую диагностировал отец.

Я начинал жить отдельной, собственной жизнью, хотя, конечно, не чувствовал этого и не осознавал, а просто жил себе и всё тут…

~ ~ ~

Мать с Тётей Людой быстро помирились, после того, как Тётя Люда показала ей правильную ноту при исполнении новомодной песни «Всюди буйно квітнє черемшина».

К тому же, со своей работы она приносила продукты, которых нигде не купить. Выбор товаров на магазинных полках

не ломил их чрезмерным обилием. Всё более-менее стоящее продавалось из-под прилавка и исключительно нужным людям, у которых и тебе придётся что-то попросить. Ну, и родственникам работников торговли кой-что перепадало, по государственным расценкам…

Тёть Люда так смешно рассказывала про обеденные перерывы у них в магазине.

Как запрут на засов входную дверь с улицы Ленина, то все продавщицы сходятся в раздевалку, и – начинают хвастать, у кого, что вкусненького в литровой банке с обедом, принесенным из дому.

Сравнивают, у кого как пахнет, у кого смотрится лучше, рецепты обсуждают.

Завмаг, та отдельно ест, в своём кабинете, но дверь нараспашку держит, и когда у неё на столе зазвонит телефон, она трубку снимет – да? вам кого? – а потом кричит, через коридор, чтоб в раздевалке услышали.

Ну, вызванная бегом-бегом в кабинет, потом обратно… Но всё равно, от её вкусненького осталось уже на донышке.

Лучше один раз лизнуть, чем сто раз взглянуть, пральна?

Но одна у них там есть, вот же сучка хитрая! Завмаг ей покричит «к телефону!», так эта зараза, не спеша так, подымется, делает «хырк!» и в свою банку «тьфу!», и – пошла, даже не огля́нется.

И хоть полчаса там по телефону говорит, никто на её обед и не смотрит. Йехк!

. .. .

Мать тоже устроилась работать в торговле, на должность кассира в большом Гастрономе № 6 возле Вокзала. Но через два месяца у неё там случилась большая недостача.

Она очень переживала и повторяла всё время, что не могла так ошибиться. Наверное, кто-то из работников магазина выбил чек на крупную сумму, пока она вышла в туалет, а кассовый аппарат запереть забыла.

Пришлось продать пальто отца, из чистой кожи, купленное ещё в бытность на Объекте. После этого мать трудилась в одиночку, в торговых точках, где нет подозрительного коллектива, а только она одна – в ларьках Городского Парка Отдыха, рядом с Площадью Мира, в которых продают вино, печенье, сигареты, пиво разливное…

~ ~ ~

В конце лета в хате снова состоялся скандал, но в этот раз не разборка между сёстрами, а между мужем и женой.

А всё из-за грибов, которые Дядя Толик привёз из лесу, завёрнутыми в газету. Не очень-то и много, хотя на суп хватило бы.

Этот свёрток раздора, Дядь Толик аккуратно обвязал и положил в сетку, чтобы повесить на руль «Явы» и не растерять по дороге.

Но дома, вместо благодарности, Тётя Люда устроила ему бучу, как увидала, что газета обвязана бретелькой от лифчика.

Напрасно Дядя Толик твердил, что подобрал в лесу эту «паварозку хренову», Тёть Люда всё громче и громче ему объявляла, что она не вчера родилась, и пусть ей покажут лес, где на кустах лифчики растут, и нечего из неё дуру делать…

Баба Катя уже не пыталась утихомирить участников дебата, и только смотрела вокруг себя грустными глазами.

(…и это стало уроком сразу для двоих – Дядя Толик никогда больше не привозил домой грибы, а я усвоил слово «бретелька»…).

Но Тётя Люда, развивая выгодность момента, попыталась даже вообще отменить выезды Дяди Толика на рыбалку. И тогда уже он начал повышать голос до тех пор, пока не нашёлся компромисс – ему позволено и дальше увлекаться рыбной ловлей при условии, что на рыбалку он берёт с собой меня.

Так что в последующие два-три года, с весны до поздней осени, каждый выходной, с парой удочек и спиннингом, примотанными к багажнику его «Явы», мы закатывались на рыбалку.

~ ~ ~

Основной театр рыбацких действий в наших вылазках сосредоточился на Сейму. Всякий раз – новое место вдоль его неизменно живописных берегов. Случались рейды и на далёкую Десну тоже, но это не менее 70 км в один конец, и туда приходилось выезжать затемно…

Обгоняя треск собственного мотора, неслась «Ява» по городу, мирно похрапывающему в безмятежном сне. Все, поголовно, – в объятиях Морфея, ГАИшникам снится погоня, но и они упорно дрыхнут…

Одолев 30 км лотков и колдобин Батуринского шоссе, мы вырывались на Московскую трассу, где Дядя Толик порою выжимал из Чехословацкого мотора 120 км в час…

Когда мы сворачивали на полевые дороги, «Ява» сбавляла ход и рассвет начинал настигать её.

Я сидел сзади, охватив бока Дяди Толика руками, засунутыми в карманы его мотоциклетной куртки искусственной кожи, чтобы они вконец не задубели под встречным ветром. Ночь вокруг мало-помалу превращалась в сумерки, края лесополос между полей прочерчивались уже чёрно-отчётливыми сгустками.

Небо светлело, в нём начинали различаться обрывки облаков. Их продрогшая бледность смущённо розовела под охальным лапаньем лучей, тянувшихся через всё небо, пока их наглость не замечена замешкавшимся за горизонтом солнцем…

От этих перемен и дух захватывающих видов, бурля по горло, вскипал восторг не меньше, чем от скоростной езды…

. .. .

Обычно мы ловили на червей из огородных грядок, но однажды продвинутые ветераны рыбной ловли присоветовали Дядь Толику попробовать личинки стрекозы.

Эти фигнюшки живут под водой, в глыбах глины, подмытой течением из обрывистых берегов, и рыбы устраивают бои без правил, за право лично заглотить крючок с личиночной наживкой. Ну, или типа того…

Мы выехали на берег в предрассветных сумерках. «Ява» откашлялась и смолкла. Сонно поплескивала река, испуская полупрозрачно туманистые клочья пара, плывущие над водой. Дядя Толик объяснил, что планом операции именно мне предусмотрено вытаскивать те глыбы глины.

Одна лишь мысль, что предстоит окунаться в тёмную, – окутанную сумраком ещё не миновавшей ночи, – воду, послала мороз в бег трусцой по моей испуганно подрагивающей коже. Брр!

Однако любишь кататься – люби и личинок доставать. Я разделся и, по совету старшего, сразу нырнул под воду.

Ух-ты! Оказывается, в воде куда теплее, чем в сырой промозглости утра на берегу. Я подтаскивал скользкие глыбы из реки, а Дядя Толик разламывал их, у самой кромки воды, и выколупывал личинок из туннелей, которые они навертели в глине, чтобы там жить.

Когда он сказал, что уже хватит, мне жутко не хотелось покидать неторопливо струящееся тепло…

Но всё равно – налицо неоспоримый факт вопиющей эксплуатации несовершеннолетнего труда, и эксплуататор понёс заслуженное возмездие, в тот же день. Некоторые вопиющести просто нельзя откладывать в долгий ящик…

Из всех снастей, Дядь Толик тормознул своё предпочтение на спиннинге. Резким взмахом, он посылал блесну булькнуть как минимум посреди реки, а затем принимался стрекотать катушкой, дёргать хлыст и менять зигзаги курса кувыркливо мчащей под водой приманки.

Горя азартом, изголодалый хищник, – щука или, там, окунь, – бросался догнать оборзело шалую рыбёшку и заглатывал тройной крючок, неразличимый в блеске блесны-вертихвостки. Если только рыбак забросил в правильное место в правильное время.

Где-то к полудню, мы поменяли дислокацию в район незнакомого деревянного моста через реку, и Дядя Толик перешёл на противоположный высокий берег, спиннингуя, тут и там.

Оставшись один, я прилежно присматривал за поплавками пары удочек, воткнутых в песок рядом с неспешным течением. Затем меня потянуло перебазироваться на более выгодную позицию, чуть повыше, где я и залёг в полосе прибрежной травы. Но поплавки оставались видны как на ладони.

Когда Дядя Толик повернул обратно, шагая по дальнему берегу, я не вынул свою голову из травы, а вместо этого злорадно наблюдал, как он продирается через джунгли травинок-былинок, росших на уровне моих глаз. Это старинный киношный трюк при комбинированных съёмках.

Так я сделал его лилипутиком, и продержал в букашечном

состоянии до самого моста. Да – сурово, но справедливо…

~ ~ ~

Однажды Тёть Люда спросила меня, с глазу на глаз, не видел ли я, как её муж заходит в какую-нибудь хату, по ходу наших рыбачьих отлучек.

Мне не пришлось кривить душой и, не солгав ни капли, я ответил, что, нет, ничего подобного мне никогда не приходилось видеть. Ни разу.

Ну, а касаемо того раза в селе Поповка, когда он вдруг вспомнил, что мы выехали на рыбалку без наживки, и ссадил меня в пустом сельском проулке, пока он сгоняет в одно место – тут, недалеко – раз-два накопает и вернётся, то, в ходе затянувшегося ожидания, видел я только глубокий песок дороги, и непролазные стены крапивы, стоявшей, высоко и плотно, по обе стороны дороги. Да почернелую солому в крыше сарая, под которым он меня десантировал. Но никаких вхождений, ни в какие хаты… Вот уж, что нет – то нет.

Чистосердечно глядя в испытующие глаза напротив, признался я любознательной тётке:

– Не, тёть Люда, дороги да берега, – вот и всё, что видел.

Случались и падения. Раза два… Да, точно дважды.

В самый первый, мы гнали по полю вдоль тропы, бежавшей поверх метровой насыпи, а по бокам высокие бурьяны. Благодаря им, я догадался, что это насыпь – высокие, а «Яве» до полколеса. Только непонятно: зачем полю насыпь?

Додуматься до ответа мне не удалось – тропа вдруг пре-

кратилась, вместе с насыпью, и «Ява» вошла в протяжный прыжок по воздуху, пока не ткнулась головой вниз… а мы полетели дальше, через руль и бензобак…

Попутно я ещё и через Дядь Толика перелетел.

В другой раз, мы не успели даже из Нежинской выехать, когда мотоцикл зацепился за кусок железяки, по-хозяйски вкопанной перед фундаментом чьей-то хаты, чтобы транспорт его частную собственность не царапал. Когда объезжает лужи после дождя.

Однако оба раза, мы не травмировались, за исключением шишек, потому что у нас на головах были белые пластмассовые шлемы.

Правда, после падения на Нежинской рыбалку пришлось отменить, потому что у «Явы» начало капать масло из амортизатора, и ей в тот день требовался срочный ремонт.

~ ~ ~

Площадь Конотопских Дивизий названа так в честь воинских подразделений Красной Армии, освобождавших город в годы Великой Отечественной войны, она же Вторая Мировая.

И тогда, из благодарности, дивизии ответно вписали в свои наименования «Конотопская».

Мне эта площадь поначалу представлялась концом света, потому что до неё от Вокзала та-дахать аж восемь остановок на трамвае.

Площадь Конотопских Дивизий широка как три дороги

вместе. Она очень длинная и вдоль всей этой длины полого нисходит в юго-западном направлении.

Ажурная башня из металла (в правом верхнем углу Площади), в отличие от Парижской знаменитости, приносила практическую пользу, удерживая водонапорный бак довольно крупного размера.

Надпись, размашистой широкой кистью по ржавому боку бака, немо взывала к Площади Конотопских Дивизий: «Оля, я люблю тебя!»

Высокая краснокирпичная стена у подножия башни оберегала – плотными рядами колючей проволоки по гребню – городскую тюрьму от излишне любопытных глаз.

Напротив башни (в левом верхнем углу), с призывной откровенностью зияли ворота Городского Колхозного Рынка.

Собственно говоря, сам Рынок пребывал вне Площади Конотопских Дивизий, за исключением его ворот, служивших также отправной точкой в шеренге площадных магазинчиков, нисходящих плавным спуском – «Мебель», «Одежда», «Обувь»…

Левый нижний угол Площади упирался в двухэтажное здание, что состояло больше из окон, чем из стен – Конотопская Швейная Фабрика. К ней примыкало здание пониже, имевшее, для контраста, стен больше, чем окон – Городской Вытрезвитель.

Впрочем, данное учреждение являлось уже запредельным, стоя на улице, которая, лишив Площадь правого ниж-

него угла, безбашенно пёрла прямиком к мосту в опасный окраинный район Загребелье.

Опасность района заключалась в Загребельской блатве, которые, когда заловят хлопца, кто не с их района, но надумал провожать девушку Загребельчанку, то заставляют петухом кричать или измерить длину моста спичкой, или же бьют сразу, без преамбул…

Трамвайный путь пересекал Площадь Конотопских Дивизий поперёк и, вместе с тем, наискось, тяготея кверху.

Трамваи, с предупреждающим трезвоном, вбегали на Площадь из-за угла длинной глухой стены, с тремя запертыми дверями выходов из Кинотеатра им. Воронцова, куда вход за другим углом – с улицы Ленина.

Когда в город наезжал передвижной зверинец, свои прицепы с клетками они выстраивали большим квадратом, между трамвайными путями и Швейной Фабрикой. Корраль на колёсах смахивал на оборонительный лагерь Чехов-таборитов, из Гуситских войн в учебнике «История Средних Веков».

Но посреди периметра, в отличие от Чехов, они выстраивали два дополнительных ряда клеток, спиной к спине, чтобы в воскресный день густая толпа Конотопчан, совместно с жителями близлежащих сёл, ходили вокруг них, а также вдоль клеток в стене табора.

Квадратные таблички на прутьях решётки сообщали имя и возраст узника, а над Площадью Конотопских Дивизий за-

висал слитный гул толпы зевак, прорезаемый воем и рёвом пленённых животных. Но такое случалось раз в три года…

И Гонщики по Отвесной Стене пару раз посещали Площадь Конотопских Дивизий. Перед воротами Городского Колхозного Рынка ставился высокий брезентовый шатёр, а внутри монтировалось кольцо пятиметровых стен из дощатых щитов.

Дважды в день, под брезент запускали зрителей, восходивших по внешней крутой лестнице, чтобы свесить лица за верхний край стены из досок, и наблюдать, как два мотоциклиста кружат по арене, набирая разгон достаточный для въезда по пандусу на кольцевую стену – и гонять по ней, в горизонтальной плоскости, глуша треском моторов и представляя свой вид сбоку свешенным через борт лицам…

. .. .

Покидая Площадь Конотопских Дивизий по улице Ленина, пешеход миновал фасад Кинотеатра им. Воронцова по левую руку. А впереди уже громадился трёхэтажный куб Дом Быта, со всяческими ателье и ремонтными мастерскими, не говоря уже про парикмахерские.

К забору вдоль тротуара между этой парой архитектурных достопримечательностей, жался спиною стенд-переросток, из металлических труб и листовой стали.

Зазывная надпись «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!» венчала надёжную конструкцию для повешения чёрно-белых людей, заснятых в интерьере Городского Вытрезвителя.

Каждый портрет, под стеклом индивидуальных рамок массово позорного столба, сопровождала полоска бумаги, которая машинописно сообщала имя и место работы остеклённого.

Жуть брала от этих фотоснимков, где кожа, как бы содрана с людских лиц.

Лично меня эта воспитательная мера воздействия, вместо порицания, переполняла жалостью к повешенным алкашам.

Возможно, из-за того стенда в дальнем далеке, на Объекте, что так меня страшил, ну, а теперь уж как бы и роднил с этими… по крайней мере, с их детьми… чем-то…

В те поры мне нечем ещё было вкапываться в подобные психоаналитические этюды, тем более что на данном отрезке улицы Ленина всегда возникала срочность к чему-то присмотреться, оглянуться куда угодно, лишь бы не видеть постыдно мерзкий стенд.

Далее по улице Ленина, за первым же перекрёстком стоял Дом Культуры завода «Красный Металлист», чуть отодвинутый от дороги своей же собственной маленькой площадью.

Боковые стороны этой площади тоже ограждались стендами, но более весёлого назначения – для наклейки страниц из сатирических журналов: «Крокодил» на Русском – слева, Український «Перець» – справа.

Между дорогой и каждым из стендов оставалось место для киоска из стекла и железа. При внешней схожести, киоски-близнецы разнились внутренним содержанием.

Присоседившийся под боком «Крокодила» торговал мороженым и лимонадом на разлив, а полки торговой точки рядом с «Перцем» заполнила сувенирная неразбериха.

Там, среди керамических курильщиков, пластмассовых бус, пачек игральных карт, и прочих, лишённых практической ценности товаров, я высмотрел наборы спичечных этикеток. В свой следующий выезд в Город, испросив дополнительные 30 коп., я приобрёл один, с картинками животных.

Однако привезя зверей домой, для пополнения коллекции с Объекта, я понял, что это неправильно. Этикетки, отклеенные со своих коробков, мелкой печатью сообщали адрес выпустившей их спичечной фабрики, а также, что цена спичек с коробком – 1 коп.

Набор из киоска оказался лишь стопкой картинок этикеточного размера. С этого момента я утратил интерес ко всей коллекции и переподарил её моему другу Чепе. Младших я даже и не спрашивал, зная, что им она давно пофиг…

. .. .

Чепа жил возле Нежинского магазина со своей матерью, бабушкой и псом по имени Пират, хотя тот жил отдельно, в будке, а не в их крохотном, пропахшем борщом домике, чья кухня и спаленка разместились бы в единственной комнате нашей хаты. Правда, их дом являлся безраздельным владением.

Возле хаты стоял сарайчик, утеплённый извне навозной штукатуркой. В нём, помимо хозяйственных инструментов и

кучи угольных «семечек» на зиму, стоял ещё и возок – продолговатый мелкий ящик из досок, на оси пары железных колёс. Полутораметровая водопроводная труба, с короткой поперечиной на конце, вытарчивает из-под ящика подобных «тачек», чтобы толкать их перед собой или же тащить следом.

От хаты до калитки на улицу, тянулся огород, ограниченный с двух сторон соседскими заборами, которые своей длиной и его тоже делали длинным, не то, что наши две-три горе грядки.

Весной и осенью, я приходил к Чепе помочь со вскопкой. Вонзая в землю штыки своих лопат, мы повторяли модную на Посёлке поговорку: «Никаких пасок! По пирожку и – огороды копать!»

А Пират, отпущенный с цепи, носился ошалелым галопом вокруг старых Вишен вдоль тропки от крохотной хаты до хлипкой калитки.

~ ~ ~

По приезде в Конотоп, моей наипервейшей и постоянной обязанность стало водоснабжение хаты. Среднесуточный расход составлял около 50 литров. Два эмалированных ведра с водой стояли на двух табуретах в дальнем закутке тёмной веранды, справа от плиты-керогаза.

Пластмассовый ковш свисал с гвоздя в дощатой стене, над вёдрами, – зачерпнуть и напиться или налить воды в кастрюлю, или в чайник. Но прежде чем встать на пьедесталы табу-

ретов, вёдра применялись для наполнения бака рукомойника, на кухне, ёмкостью ровно в два ведра.

Узкий параллелепипед бака, по ширине жестяной раковины под ним, покрывала крышка на петлях. Из его дна вытарчивал кран нажимного действия, как в туалете пассажирского вагона – вода течёт покуда давишь на штырёк с пружиной.

Ведро, стоящее в подраковинной тумбочке, улавливает стекающие смывки.

За помойным ведром нужен глаз да глаз, ведь оно одно, в него никак не влезут те два ведра, наполнившие рукомойник. Не уследил – заливает пол на кухне. Так что, – поглядывай и вовремя выноси выплеснуть в сливную яму, рядом с уборной в огороде…

Воду я таскал от водоразборной колонки на углу улиц Нежинской и Гоголя, метров за сорок от нашей калитки. Чугунный пенёк ростом в метр, с носом из такого же материала, таил в себе водопроводную трубу.

Повесив своё ведро на нос, налегаешь на железную рукоять, что торчит у пенька на затылке, и резкая струя бьёт в дно подвешенной ёмкости, переполняет её, и бурно растекается по дороге, если опять замечтался хрен знает о чём.

Две ходки в день, итого: 4 ведра, – хватало для водоснабжения хаты. Конечно, если это не день стирки, но когда стирала Тёть Люда, воду ей натаскивал Дядь Толик.

В дождливую погоду водо-ходки малость удлиняли свой маршрут из-за обхода широких луж на дороге.

Зимой колонку окружал небольшой, но очень скользкий каток, которым становилась вода, упущенная водоносами. По гладкому льду правильнее ходить мелкими шажками, не отрывая ног.

Тёмные зимние вечера помогли оценить мудрость, проявленную при размещении фонарного столба в двух метрах от колонки…

~ ~ ~

Заодно, на мне же был керосин для керогаза.

Этот вид бесшумного примуса похож на газовую плиту, двухконфорочную, а сзади у него две чашки, куда заливается керосин.

Поступая оттуда по двум тонким трубкам, он смачивает асбестовые кольцевидные фитиля, в горелках, которых тоже две. В зажжённом виде, когда надо сготовить или подогреть обед или, там, воду вскипятить для чая или предстоящей стирки, язычки его жёлтого пламени, удлиняясь подрагивающей каймой чёрной копоти, вытанцовывают на фитилях свой медленный бесшумный танец. Однако по запаху сразу слышишь, если керогаз включён. Потому-то и держат его на веранде, чтоб хата не провонялась копотью и нефтью.

За керосином я отправлялся на Базар, на пару с пустой канистрой в 20 литров…

В стороне от Базарных прилавков, стоял здоровенный кубический бак из листового железа. День предстоящей продажи объявляла надписью мелом на рыже-ржавом боку куба:

«керосин будет…», а дальше проставлялась дата, когда его привезут.

Однако столько разных дат сменили друг друга – написаны, стёрты, написаны снова, – что никакие цифры уже не различались в широком меловом пятне, так что и писать бросили. Надо ж и логику проявлять. Хоть иногда.

Зато навека осталась полная исторического оптимизма надпись – «керосин БУДЕТ…!»

Мелкая траншея со стенками в кирпичной облицовке позволила спустить в неё короткую трубу из нижней грани куба. Труба заканчивалась поворотным краном, чью неподатливость злоумышленным намерениям обеспечивал висячий замок.

В заранее объявленный день, продавщица в синем халате спускалась в траншею, снимала замок и садилась рядом с краном на табуреточку, которую сама же и принесла.

Второй рукой она притаскивала многолитровую кастрюлю-выварку, чтобы, в подсунутом под кран состоянии, наполнить (примерно на три-четверти) желтоватой пенистой струёй керосина.

Очередь приходила в движение, волоча свои бутыли, канистры, бидоны, которые она наполняла литровым черпаком через жестяную воронку, ссыпая плату в свой синий карман. Когда черпак начинал погромыхивать о дно выварки, она открывала кран – восстановить уровень удобный для торговли энергоносителем.

Вообще-то, дату мелом ни писать, ни читать не требовалось, потому что Баба Катя каждое утро ходила на Базар, и двумя днями раньше приносила весть о том, когда реально «керосин будет…!».

И в керосинный день, после уроков в школе, мы с канистрой отправлялись на пару часов стать частью очереди, заползающей в траншею под железным кубом, чтоб выходить оттуда раздробленно – по одиночке, под грузом вожделенной жидкости с характерным запахом…

Иногда его продавали и в проездном дворе Нежинского Магазина, из ямы обустроенной таким же в точности макаром. Однако такое случалось нечасто, а и очередь там длилась не меньше Базарной.

~ ~ ~

Через неделю после летних каникул, меня избрали Председателем Совета Отряда пионеров нашего 7 Б класса, потому что бывшая Председатель (рыжая тощая Емец) уехала в другой город со своими родителями.

На общем пионерском собрании класса, пара предложенных кандидатов отмазалась самоотводом без объяснения причин. Тогда присутствующий и задающий тон мероприятию Старший Пионервожатый школы выдвинул мою кандидатуру. В попытке следовать общим кильватером, я тоже начал нехотя отнекиваться, но он прервал моё вялое «а чё я? других штоль нет?» энергичным разъяснением, что всё это ненадолго – и так, и так нас скоро примут в комсомол, он

же Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ).

(…структура пионерской организации детворы Советского Союза является образцом продуманной и чёткой организации любой организации.

В каждой Советской школе ученики каждого класса, по достижении надлежащего возраста, автоматически становились пионерами, а их класс превращался в Отряд Юных Пионеров (Ленинцев) из четырёх-пяти Звеньев. Звеньевые, совместно с Председателем Отряда, входили в Совет Отряда.

Председатели Советов Отрядов, вкупе, становились Советом Пионерской Дружины школы. Затем шли Районные, или же Городские уровни пионерских организаций, сливавшиеся в Республиканские (всех 15), из которых и складывалась Всесоюзная Пионерская Организация.

Такая вот кристально-отструктурированная пирамида для удобства пользования… И потому герои комсомольского подполья, боровшиеся с Немецкой оккупацией города Краснодон, не стали париться с изобретением колеса. Они скопировали знакомую с детства структуру и всего только переименовали «звенья» в «ячейки»…

Если мы, конечно, поверим на слово «Молодой Гвардии», роману А. Фадеева, который он, в свою очередь доверчиво, писал со слов родственников Олега Кошевого, за что и сделал свой литературный персонаж руководителем подпо-

лья. В созданном им литературном произведении, Олег Кошевой становится предводителем, а Виктор Третьякевич, который, фактически, принимал Олега в ряды сопротивления, представлен, как подлый предатель, под вымышленным именем Стахевич.

Четырнадцать лет спустя после выхода романа в свет, Третьякевича реабилитировали и наградили орденом, посмертно, поскольку умер он не на допросах Советского НКВД, а был казнён Фашистскими захватчиками, когда те разгромили краснодонское подполье.

В начале шестидесятых, пара эпизодических предателей из книги, которым автор поленился переделывать имена, отбыли по десять-пятнадцать лет в лагерях НКВД, и были также реабилитированы.

К тому времени, сам писатель уже успел пустить себе пулю в лоб, в мае 1956, вскоре после встречи Никиты Хрущёва, тогдашнего главы СССР, с уцелевшими молодогвардейцами Краснодона.

Во время упомянутой встречи, Фадеев вёл себя неадекватно и нервозно орал на Хрущева перед лицом собравшихся, обзывал его словами особо обидными и опасными, на тот период в истории Советской власти, а два дня спустя покончил жизнь самоубийством. Или же, что также возможно, его покончили с собой, хотя, конечно, такое выражение, как «они грохнули его его самоубийством» —неприемлемо с точки зрения языковых норм.

Отсюда мораль – даже самая продуманная структура не застрахует от развала пирамиды, если та не сложена из каменных блоков весом, как минимум, 16 тонн каждый…)

В конце сентября, Председатель Совета Дружины нашей школы заболела, и я был делегирован вместо неё на Отчётное Собрание Председателей Пионерских Дружин Городской Пионерской Организации.

Собрание проводилось в Конотопском Доме Пионеров, расположенном в приятно уединённом местечке позади Памятника Павшим Героям, над улицей Ленина.

Согласно регламенту, для Отчётного Собрания такого уровня положено иметь Председателя и Секретаря Собрания. Председатель обязан вести его, а роль Секретаря – протоколировать: сколько макулатуры и металлолома собрано за отчётный период пионерами дружины выступающего с докладом Председателя, какие заняли они места, в каких общегородских соревнованиях, и какие провели культурно-массовые мероприятия у себя в школе.

Старший Пионервожатый нашей школы снабдил меня листком бумаги для зачтения на Отчётном Собрании, но в Доме Пионеров на меня взвалили дополнительную нагрузку, назначив Председателем Отчётного Собрания.

Всего и делов-то – встаёшь, объявляешь: «Слово для отчёта предоставляется Председателю Пионерской Дружины школы №…», а дальше Председатель от № выходит к трибуне на сцене и зачитывает свой листок, от своего Старшего

Пионервожатого, а как кончит, сдаёт его Секретарю Собрания, потому что никакой логики не хватит записывать по новой уже написанные цифры, пральна?

Сначала всё шло как по маслу. Я и Секретарь Отчётного Собрания, девочка в парадной белой рубашке и алом пионерском галстуке, как и на всех присутствующих, сидели за небольшим столом покрытым красным кумачом, на небольшой сцене небольшого зала, где сидела небольшая группа Председателей Советов Дружин в очереди на читку своих листков. Вслух.

В последнем ряду, за спинами небольшой группы очередников, Второй Секретарь Горкома Комсомола, ответственная за работу с пионерскими организациями, в таком же алом, как на всех, галстуке, уютненько сидела одна на весь последний ряд.

Председатели, как по маслу, выходили, докладывали, складывали бумажки в стопку, на кумачовой скатерти небольшого стола, и, с чувством исполненного долга, спускались в зал.

Я тоже исполнял, что сказано, но после четвёртого объявления, что-то на меня нашло, точнее нахлынуло.

Во рту – потоп. Слюнный. Едва сглотну, – и железы мгновенно фонтанируют следующим приливом секреции, переполняя меня стыдом перед сидящей рядом Секретарём. Наверняка не знает, что и думать на мои безостановочные сглоты. А что если и в зал слышно? Такой, блин, маленький.

Чуть полегчало, когда она пошла отчитываться за школу № 10, но как вернулась, вновь ринул паводок постыдной му́ки. Да что это со мной?!

Вот и моя очередь… Отбулькав отчёт с листочка, всего за четыре шага от трибуны до стула за небольшим столом, я сглотнул три раза. Не помогло.

Ладно, осталось только № 14 отсидеть… О, бли-и-ин! Вторая Секретарь Горкома тоже, со своей заключительной речью!

(…в те безвозвратно канувшие времена – ни дотянуться, ни дозваться, ни искупить – я не ведал ещё, что источник моих горестей, радостей, как и… и всяческого остального, – в той недосягаемой сволочи, в непостижимо далёком будущем, которая нагло укуталась в мой спальный мешок и растянулась сейчас в одноместной палатке, на моей истомлённой дневным переходом спине, и слагает вот это письмо, посреди тёмного леса на краю света, под неу́молчный плеск реки, что зовётся нынче Варандой…)

. .. .

В октябре семиклассники начали готовиться к вступлению в ряды ВЛКСМ, он же комсомол.

Членство в комсомоле не давалось просто так, за красивые глазки. Туда не вступали огульными пачками, ничего подобного! Нужно сперва доказать, что ты действительно достоин, для чего и служил экзамен в Городском Комитете Комсомола на втором этаже здания Горсовета, в правом его

крыле.

Вот где пройдёт проверка твоей пригодности, потому что, вступая в эту молодёжную организацию, ты становишься соратником Партии, будущим коммунистом.

В ходе подготовки, Старший Пионервожатый школы № 13, Володя Гуревич – молодой человек приятной наружности, с чёрными волосами и сизой кожей на щеках (из-за густой, но всегда гладко выбритой щетины) – распространил среди будущих членов ВЛКСМ типографские распечатки Устава ВЛКСМ. Очень мелкий шрифт позволял разместить все Уставные разделы с двух сторон одного листа, сложенного книжечкой.

Он предупредил также, что на заседании по приёму новых членов, экзаменаторы Городского Комитета Комсомола особенно гоняют по правам и обязанностям комсомольца…

Володя Гуревич закончил престижную школу № 11, между Вокзалом и Переездом-Путепроводом, а также Конотопскую Музыкальную Школу по классу баяна. На работу ему приходилось ездить из Города, где он проживал чуть ниже Площади Мира, в небольшом квартале пятиэтажек, который в Конотопе почему-то окрестили Палестиной.

Добравшись из Палестины, в школе он рядился в смешанную атрибутику из очень чистого и хорошо наглаженного пионерского галстука и золотистого профиля лысой головы с колким клинышком бородки Владимира Ильича Ленина, в комсомольском значке, приколотом на грудь его пиджака.

Среди своих (в узком кругу пионерских активистов), Володя Гуревич часто объявлял, чтобы подчеркнуть полное совпадение имени-отчества у себя и у Вождя Революции: «Зовите меня просто – Ильич».

Вслед за этими словами он смеялся громким затяжным смехом, после которого его выпукло очерченные губы не сразу стягивались в нейтральное положение, и ему приходилось помогать им, снимая большим и указательным пальцами распорки из коротких ниточек слюны в уголках рта.

Однако Володя Шерудило, крепко скроенный чемпион игры в Биток на деньги, с рыжими вихрами и густой россыпью веснушек на круглом лице, который учился в нашем классе, а жил в селе Подлипное, в узком кругу своих (одноклассников), называл Володю («Ильича») Гуревича «ханорик Созовский!»

(…на начальном этапе упрочения Советского режима, до закабаления сельского населения в колхозах, коммунистическое руководство экспериментировало с загоном крестьянства в товарищества Совместной Обработки Земли, сокращённо СОЗ.

Однако значение «ханорика» не сыскать даже в «Толковом Словаре Живого Великорусского Словаря» Владимира Даля, вероятно потому, что великий лингвист не посещал село Подлипное.

Кто вспоминает нынче СОЗы? А вот коллективная память сельчан бережно хранит и передаёт от поколения к

поколению.

“Хоть смысл забыт, но чувство неизменно…”…)

Большое двухэтажное здание Горсовета, где размещался заодно и Горком Комсомола, чем-то смахивало на Смольный Институт из разных фильмов про Октябрьскую революцию. Особенно хорошо эта роль удавалась фасаду, взиравшему на Площадь Мира по ту сторону Проспекта Мира.

Три короткие, мощёные гладкой брусчаткой аллеи под неухожено-великолепными Каштанами, позволяли двойнику Смольного высылать группы захвата Почты, Вокзала, Банка… Запоздалое, увы, удобство – всё уже давно в руках Советов и остаётся только тупо пялиться на сухой обод холощёного фонтана…

Все ребята нашей школы без сучка и задоринки сдали экзамен по Уставу ВЛКСМ. Из остальных школ города тоже никто не отсеялся…

~ ~ ~

Под конец года на Посёлок явилась трамвайная цивилизация. Рельсовый путь восстал из глубин Путепровода, прошёл в параллельной близи от ограды Базара и нырнул под своды великанов Тополей, в их могучей шеренге вдоль булыг мостовой улицы Богдана Хмельницкого. Гладко зализанные столбы серого бетона затесались в строй гигантских стволов, чтобы держать контактный провод над рельсами.

В канун Октябрьских праздников колея успела миновать нашу школу и даже завернула в улицу Первомайскую, что

продолжалась аж до окраины Посёлка, где уже начинается поле.

Потом тройка маленьких трамвайных вагонов начали ходить по Третьему маршруту: от конечной на городской стороне Путепровода до конечной в конце Первомайской.

Протискиваясь в гуще пассажиров, дебелые кондукторши обилечивали массы, по 3 коп. за клочок бумажной ленты, оторванный с рулончика на шлее пузатенькой казённой сумки, подвешенной на шею для подтяжки дебело обширных бюстов. И чтобы было куда ссыпать копейки, собранные с пассажиров за проезд, 2 в 1.

В больших трамваях на городских маршрутах, – Первом и Втором, – у водителя всего одна кабинка, в голове вагона, а на конечной трамвай описывал замкнутый круг по кольцу разворота, и отправлялся в обратный путь.

Зато конечные Посёлка оправдывали своё имя, и разворотами не петляли, а если уж доехал, значит – всё, конец.

Поэтому у маленьких трамваев две кабинки, как пара голов Тяни-Толкая, и, на неокольцованных конечных, вагоновожатая просто переходила из передней кабинки в заднюю (хотя, кто там разберёт, где у них зад, а где пе́ред), то есть отправлялась в тот перёд, который перед этим тащился сзади.

Кондукторша, стоя на ступеньке задней (на данный момент) двери, помогала коллеге дать старт вагону – тянула крепкую брезентовую вожжу, привязанную к дуге над крышей, для перевода её в режим гладкого скольжения по кон-

тактному проводу, при котором той полагается смотреть в направлении кормы, а не переть рогом в провод, тормозя движение.

И, уже с правильно позиционированной дугой, вагон пускался в обратный путь.

Устройство дверей тоже не совпадало. В больших трамваях их закрывал водитель: дёрнет что-то там у себя в кабинке, и дверь захлопывается с автоматическим шипением.

Совсем другой коленкор в Поселковых вагончиках. Дверь тут типа складной ширмы на шарнирах, фанерная. Приехал на свою остановку, подходишь к двери и тянешь на себя среднюю ручку, чтоб ширма малость сложилась и дала толкнуть себя в сторону, открывая ступеньку для спуска.

Процедура закрывания, практически, та же: потянул-толкнул. Просто начинать надо с крайней ручки. Их же всего две на ширме: крайняя и средняя.

Ну да, конечно прикалываюсь. Кому оно надо, всё это алгоритмичное мозгодёрство?

Поэтому трамваи по Посёлку КПВРЗ катались с дверями нараспашку, пока мороз не придавит по чёрному…

А чтобы трамваи могли уступать друг другу путь, две остановки на Посёлке имели раздвоенную колею, метров по десять: одна возле школы № 13, а вторая посередине Первомайской…

~ ~ ~

Туалет в Клубе Завода находился на первом этаже, в са-

мом конце очень длинного коридора, что начинался от двери библиотеки и тянулся между стен не только глухих, но и тесных. Раскинув руки, дотянешься сразу до обеих. Не коридор, а штольня, с плафонами лампочек на потолке.

В тёмно-зелёной краске стен иногда попадались двери с табличками: «Детский сектор», «Эстрадный оркестр», «Костюмерная» и, уже на подходе к туалету, «Спортзал».

Сливаясь тёмно-серым окрасом со стенами штольни, двери становились частью их, вкраплениями, хранящими такую же глубоко глухую тишь. И только лишь сквозь дверь спортзала порою слышалось целлулоидное цоканье пинг-понгового шарика или побрякивание блинов штанги, но она тоже оставалась неподкупно запертой…

Но вот однажды за дверью Детского сектора раздались звуки музыки. Грусть одиночества в безнадёжном заточении слышалась в жалобе клавиш пианино «Красный октябрь», что и заставило меня постучать. На крик изнутри «входи!», я потянул её на себя и сделал шаг.

Небольшая смуглая женщина в стрижке чёрных волос, с широким, но правильным разрезом ноздрей, сидела за пианино под правой стеной из сплошных зеркальных квадратов.

А прямиком навстречу мне струился свет сквозь готику трёх окон, вознесённых над полом, своим сиянием маскируя ребристость трубы отопления, тянувшейся под балетным поручнем вдоль всей стены.

Левая часть комнаты таилась позади высокой ширмы ку-

кольного театра, пред ней же – необыкновенно длинный и узкий, словно в трапезной, лоснился стол тугим линолеумом в своей столешнице.

И тогда я сказал, что хочу записаться в Детский сектор.

– Очень хорошо, давай знакомиться. Я – Раиса Григорьевна, а ты кто и откуда?

Она рассказала мне, что бывшие актёры чересчур уже повырастали или уехали в другие города и, для возрождения Детского сектора, мне надо привести своих друзей из школы.

Я развернул бурную агитацию в классе. Чепа и Куба как-то сомневались, да на шо оно нада! Однако призадумались и согласились, когда я объяснил, что длинный стол вполне пригоден для настольного тенниса, ну и что, что узкий?

И пара девочек тоже пришли, из любопытства. Раиса Григорьевна устроила всем восторженный приём, и мы начали репетировать кукольно-театральную постановку «Колобок» по одноимённой сказке.

Наша наставница обучила нас искусству кукловодов перчаточных кукол, чтобы те не заныривали ниже ширмы, теряясь, тем самым, из поля зрительского зрения.

Мы собирались в Детском секторе дважды в неделю, но иногда Раиса пропускала репетиции или опаздывала, и для подобных случаев ключ не покидал подоконника в комнате художников, творивших, день за днём, месячный список фильмов для вестибюля.

Они любили свободу, и вообще никогда не запирались,

их дверь стояла настежь, постоянно, для посещений стабильными поклонниками их таланта… Залётным любителям искусств там тоже всегда были рады…

Ключ охотно проворачивался в дверном замке Детского сектора, и мы часами играли в теннис на длинном столе.

Правда, мячик у нас был от большого тенниса. Игра шла без ракеток даже, которых подменяли школьные учебники. Лишь бы не слишком толстый и обложки твёрдые.

Из книжек сооружалась также сетка – корешком кверху и чуть раздвинуть, для устойчивости. Да, особо резкие «туши» их сшибали, но и чинилась такая сетка секундально.

. .. .

Нелёгок, изнурителен труд кукловода, как умственно (надо переписать реплики твоего героя и выучить их наизусть), так и физически (держи, держи, ещё держи – вскинутую руку с обутой на три пальца куклой).

Во время репетиций актёрствующая рука немеет, подпорка из оставшейся не меняет дела. А сверх того – эта пакостная ломота в шее, из-за постоянной запрокинутости головы, следящей, как ведёт себя кукла-лицедейка…

Зато потом, после представления, ты возникаешь из-за ширмы, чтобы встать перед ней. Плеч-о-плеч с тобою, в зал смотрит кукла на сунутых в неё трёх пальцах, и Раиса объявляет, что роль Зайца исполнял ты.

И ты киваешь с театральным шиком, а Заяц возле твоего плеча кланяется тоже, сам по себе, вызывая смех восторга и

плеск аплодисментов…

О, тернии! О, сладость славы!

. .. .

Впоследствии, многие из кукловодов отсеялись, но становой костяк Детского сектора – Чепа, Куба, и я – стойко продолжали приходить.

Раиса начала пользоваться нами для кратких инсценировок про героических пацанов и взрослых времён Октябрьской революции или Гражданской войны.

Для представлений мы гримировались, наклеивали настоящие театральные усы, одевали гимнастёрки и пускали махорочный дым из самокруток. Технологию верчения газеты в «козью ножку» нам показала Раиса, но мы не затягивались, чтобы не кашлять.

С инсценировками из легендарных дней ходили мы по цехам Завода, которые покрупнее и где имелся Красный Уголок для цеховых собраний.

Там, в обеденный перерыв, на подмостках крохотных сцен, наши бесстрашные герои агитировали за власть Советов и свободу от эксплуатации. Освобождённые рабочие в спецовках жевали свою сухомятку из газетных «тормозков». Момент с верчением самокруток брал их за живое, жевание сменялось гыканьем…

~ ~ ~

Дважды в год Клуб закатывал грандиозный концерт художественной самодеятельности, на котором Директор Клу-

ба, Павел Митрофанович, с глубоким чувством читал стихи, посвящённые Партии. Ему на смену, лучшие из учеников Анатолия Кузько, учителя игры на баяне при Клубе КПВРЗ, отыгрывали освоенные ими менуэты.

Однако украшением программы являлись, бесспорно и безоговорочно, танцевальные номера Балетной Студии, потому что их балетмейстер, Нина Александровна, пользовалась заслуженной репутацией, и к ней съезжались малолетние балетницы даже из городских районов за Переездом.

К тому же, Клуб располагал богатым гардеробом, так что Молдаванский танец Жок студийцы выплясывали в штанах с позументами, посвёркивая ухарскими блёстками жилеток, а для Украинского Гопака выходили в шароварах шириною с Чёрное море, что набегало волной необъятного прибоя на их балетные сапоги красной кожи.

Аккомпанировала им всем, включая пигалиц в снежиноковых белых пачках, Аида, аккордеонистка-виртуоз, пряча за боковой кулисой сцены изящную горбинку своего династического носа.

А рядом с ней стояли и мы, в армейских гимнастёрках из костюмерной, в усах и щедрых морщинах, нарисованных гримом, в полном восхищении, как классно она шпилит с таким-то носом. Причём без всяких нот.

Красивый мужественной красотой, электрик Мурашковский читал рифмованные гуморески и пел дуэтом с лысым токарем из Механического цеха «Два ко́льори мої, два ко-

льори́» на Украинском языке.

На правой кисти Мурашковского недоставало трёх пальцев, и этот прогал – (между большим и мизинцем) – он заполнял кружевным платочком: типа клешня краба нашла, чем поживиться с очередного галеона, который Билли Бонс пустил на дно.

Пара пожилых женщин исполняла романсы, но не дуэтом, а по очереди. С каждой в отдельности, на сцену выходил Анатолий Кузько со своим баяном.

Его левый глаз даже и не косил, а неотрывно смотрел в потолок. Вот он с тобой разговаривает, а сам не здесь где-то. Это напрягает. Хотя начинающих баянистов, его учеников, не слишком-то, наверное, отвлекало, им ведь ещё и в ноты надо пялиться, и про себя сччитать «и-раз-два-три-раз-два-три…».

Для завершающего гвоздя и пика программы, упитанный блондин Аксёнов, Руководитель Эстрадного Оркестра, вёл сквозь полумрак зрительного зала свою джаз-банду к ярко освещённой сцене.

У всех инструменталистов приятный подогрето-предстартовый подъём – дай только дорваться до синкоп!

Барабаны с контрабасом тоже вожделенно изнывали за кулисами, куда их отволокли ещё до концерта, в маленькую гримёрную позади сцены. Однако свой саксофон Аксёнов приносил собственноручно.

Популярная блондинка Жанна Парасюк – тоже, между

прочим, выпускница нашей школы – исполняла пару текущих шлягеров в сопровождении Эстрадного Оркестра, и концерт заканчивался общей овацией и бурными криками «Бис!»

Зал на гранд-концертах неизменно – битком. Не меньше, чем на какую-нибудь Индийскую «Зиту и Гиту» из двух серий. Сцена тонула в свете софитов с пола, на самом её краю, а также в изливавшемся с подвешенных над нею. Да ещё лучи из марсианских боевых треног вносили свою прожекторно безжалостную лепту, высясь над лепниной в балконных стенках.

В потёмках прохода вдоль стены под правым балконом, танцоры Балетной студии рысили в Костюмерную Тёти Тани, на первом этаже, переодеться к следующим номерам. Оттуда – обратно уже в переодетом образе.

Для представления героических инсценировок, Раиса научила нас правильно появляться из-за кулис, и уходить за них же, не поворачиваясь спиною к зрителям, и искусству смотрения в зал – не на кого-нибудь конкретно, а так, в общем, на пятый или примерно шестой ряд. Хотя в жёстком излучении направленного в лицо прожектора даже и первые ряды сливались…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.